

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОВИКОВ С.В.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ОХРАНКА, ПРОВОКАЦИЯ.

1887-1917

Психологические зарисовки из истории политического террора.

Рекомендовано учёным советом
гуманитарного факультета
в качестве учебного пособия

Омск 2002.

УДК94(075)(092)

Н73

Новиков С. В. Революционеры, охранка, провокация. 1887-1917 . Психологические зарисовки из истории политического террора: Учебное пособие по спецкурсу «Общественно-политическая жизнь Российской Империи 1887-1917 гг.» - Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002: - с.

Учебное пособие доктора исторических наук, профессора С.В. Новикова, является результатом работы над кандидатской диссертацией посвящённой проблемам историографии революционного движения в 1907- феврале 1917 гг. В основу пособия так же легли материалы статей С.В. Новикова, в разное время опубликованных в научных сборниках, альманахе «Диспут» и газетах региона.

Автором переработаны материалы ГАОО, ГАРФ, а так же широкий круг мемуарных источников. Пособие рассчитано на студентов изучающих курс «отечественная история»

Библиогр.сп.-20 наимен.

Рецензенты:

Г. А. Порхунов – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой политической истории ОмГПУ;

М. И. Федорова – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ОмГАУ.

Оглавление.

Предисловие.-5

Методические рекомендации.-7

Очерки:

Очерк №1. *«Александр Ульянов – человек, обрекший себя на смерть.»-8*

Очерк №2. *Григорий Гершуни – художник в деле террора.-19*

Очерк №3. *Его звали поэтом (Иван Каляев).-26*

Очерк №4. *Зубатов: грасмейстер политического сыска.-37*

Очерк №5. *Мария Спиридонова: жертва периферийной революции-46*

Очерк №6. *Егор Сазонов - слуга революции.-60*

Очерк №7. *Георгий Гапон - “герой” 9 января.-66*

Очерк №8. *Симон Тер-Петросян: лично известен.-78*

Очерк №9. *Александр Спиридович – «по ту сторону баррикад».-86*

Очерк №10. *Сталин до Октября: становление государственного деятеля.-101*

Очерк №11. *Богров – убийца Столыпина.-110*

Очерк №12. *Роман Малиновский – провокатор которому доверял Ленин.-118*

Очерк №13. *Азеф ... - под № 446...-127*

Очерк №14. *Борис Савинков - в двухстах шагах от революции.-137*

Приложения:

Документ №1. *Рабочий класс и поп Гапон.-145*

Документ №2. *На смерть фон Дитмара.-149*

Документ №3. *«По делам вашим воздается Вам!» Граждане!-150*

Документ №4. *Ко всем.-152*

Документ №5. *Предсмертное письмо Николая Коршуна, совершившего 27 октября 1906 года неудачное покушение на иркутского генерал-губернатора Раненкамфа.-*

Документ №6. *Письмо русских крестьян Николаю II.*-154

Документ №7. *МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. Департамент полиции по особому отделу. 30 апреля 1907 года.*-159

Документ №8. *Листовка посвященная самоубийству Егора Сазонова.*-160

Вопросы и задания.-161

Литература и источники. -163

Предисловие.

Конец XIX – начало XX века один из интереснейших периодов российской истории. В это время происходит становление российских политических партий, их конституирование в рамках государственного строя. Политический строй России с большим трудом трансформировался по направлению к демократическим правам и свободам. Как следствие огромную роль в развитии общества играли органы подавления, к которым относился Департамент полиции и его местные отделения. Половинчатость преобразований, правительственный террор, направленный против населения, карикатурная по сути структура представительных органов лишало развитие политических партий по парламентскому пути перспективы. На этом фоне заметным явлением русской политической действительности становится политический террор и противопоставляемая ему политическая провокация.

Этим сюжетам из российской истории посвящено пособие д.и.н., профессора ОмГАУ С.В. Новикова. Работа не является качественно новым научным исследованием. Теме посвящены десятки книг различного характера и сотни статей. В данном случае речь идет об учебном пособии, в рамках которого автор поставил цель разместить на страницах одной книги исторические персонажи, являющиеся героями и антигероями событий вековой давности.

На мой взгляд, С.В Новикову это удалось. Под одной обложкой мирно «живут и действуют» лица, о роли которых в истории будут еще долго спорить специалисты.

Что же касается читателя, а это студент, учитель истории или просто любознательный человек, интересующиеся историей нашей Родины, то в его руках появятся хорошо и интересно написанные историко-психологические и историко-биографические очерки об Иосифе Сталине и Борисе Савинкове, Евно Азефе и Марии Спиридоновой, Сергее Зубатове, Георгии Гапоне и Александре Спиридовиче и других.

Будет интересен вдумчивому читателю и материал приложений, где автор поместил ряд документов того далекого времени.

Лежащая перед Вами книга является учебным пособием к спецкурсу, как следствие оно снабжено списком литературы, рекомендуемой к дальнейшему, более широкому изучению проблемы. На страницах пособия можно найти вопросы для работы, как с отдельными темами, так и с поставленной проблемой в целом.

Хочется верить, что пособие будет интересно как студентам гуманитарных и исторических факультетов, так и учителям, преподавателям ВУЗов, и всем тем кто интересуется историей нашей страны.

Доктор исторических наук, профессор Г. А. Порхунов

Методические рекомендации.

Учебное пособие «Революционеры, охранка, провокации» разработана к спецкурсу общественно-политическая жизнь Российской Империи 1887-1917 гг. Отечественная история многогранна и указанный сюжет всего лишь один из ее штрихов. Тем не менее изучение спецкурса позволит студентам более подробно изучить время предшествующее падению царского режима.

Пособие состоит из 14 очерков и документальных приложений. В нем помещены вопросы дающие возможность углубленно и вдумчиво рассмотреть общественно-политическую и психологическую обстановку изучаемого периода, выявить объективные причины и субъективные (индивидуальные, личные) стимулы определяющие деятельность людей. Вопросы скомпонованы по трем блокам:

- вопросы к очеркам посвященным революционерам;
- вопросы относящиеся к биографиям провокаторов;
- вопросы относящиеся в основном к деятельности С. Зубатова и А. Спиридовича, являвшимися руководителями структур политической полиции.

Документальные приложения являются дополнительной иллюстрацией к очеркам. Они позволяют рассмотреть происходящие события глазами участников: героев и антигероев.

Приложенный список литературы дает студенту возможность обратиться к более углубленному изучению обозначенных в пособии проблем.

При самостоятельной подготовке к семинару студент должен изучить материалы очерков и документальных приложений, ответить на вопросы помещенные в конце книги. Неясные или спорные моменты разбираются в ходе занятий с преподавателем.

«Александр Ульянов – человек, обрекший себя на смерть.»

31 марта 1866 года в Нижнем Новгороде, в семье преподавателя Ильи Николаевича Ульянова родился старший сын Александр. Позднее семья переехала в Симбирскую губернию, где Илья Николаевич Ульянов занял должность инспектора народных училищ.

Россия на перепутье.

Со времени великих реформ прошло более двадцати лет. Империя жила беспокойной жизнью. Быстро строились заводы и фабрики, прокладывались новые железные дороги, но положение народных масс продолжало оставаться тяжелым. Оно еще больше ухудшилось в связи с разразившимся в 1882-1886 годах экономическим кризисом, сопровождавшимся неурожаем в стране. “Тысячи рабочих , - писала в 1883 году газета “Неделя”, - дошли до крайней нужды... Настоящая пора тем и жутка, что сельские затруднения совпали с сокращением торговли и фабричных работ”.

В стране росло недовольство, участились крестьянские выступления. В 1883 - 1884 годах произошло 114 крестьянских волнений, одна треть которых сопровождалась вооруженным столкновением крестьян с полицией и войсками. Заметное нарастание крестьянского движения происходит во второй половине 80-х годов. В 1886 году прокатились крестьянские волнения в 22 селениях Курской губернии; в 1887 году поднялись крестьяне 38 деревень Никольского уезда Вологодской губернии.

Усиливалось и рабочее движение. В 1880 году произошло 33 стачки и волнения рабочих. А в 1887 году их было 88, причем число участников их достигло 30 тысяч. Стачки охватывали все новые и новые районы империи. В 1882 году прекратили работу свыше трех тысяч рабочих Кренгольмской мануфактуры в Нарве. Они потребовали повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, снижения штрафов. Такая же крупная стачка разразилась в начале 1883 года на Вознесенской мануфактуре (Мос-

ковская губерния). В происходивших в 1883- 1884 годах в Петербурге волнениях фабричных и заводских рабочих участвовало около 12 тысяч человек.

В 1885 году вспыхнула известная по учебникам большая стачка на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве.

После морозовской стачки рабочее движение еще более усилилось. В Петербурге в начале 1885 года произошли волнения рабочих на латунном и чугунолитейном заводах, писчебумажной фабрике К. П. Печаткина (Красное Село). В марте бастовали 2 тысячи рабочих Путиловского завода, требовавшие отмены снижения заработной платы. В 1886 году вспыхнула стачка 600 рабочих Невской мануфактуры.

Петербургские университеты.

В то время путь в столицу был долог и довольно сложен. От Симбирска нужно было плыть по Волге на пароходе до Нижнего Новгорода, а оттуда ехать по железной дороге на Москву. Александр Ильич впервые в жизни сел в железнодорожный вагон. В конце августа 1883 года А. И. Ульянов прибыл в Петербург. Несколько позже туда же приехала его сестра Анна Ильинична, поступившая на Бестужевские курсы. Огромный шумный город произвел на юношу большое впечатление. Публичная библиотека, дворцы, музеи, памятники архитектуры - все это восхищало и радовало его. Но были и другие впечатления. Александр Ильич вместе с сестрой побывал на знаменитой выставке картин Верещагина, посвященной русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Эта выставка воспринималась как страстный протест против войны, против приносимых ею страданий и ужасов. Царское правительство, спохватившись, вскоре закрыло выставку Верещагина.

Вскоре после приезда в Петербург Александр Ильич и его сестра сделали свидетелями тяжелого, поразившего их сердца зрелища - оскорбления памяти великого русского писателя И. С. Тургенева. Он умер во Франции, но завещал похоронить себя на Родине. 27 сентября 1883 года огромные массы людей провожали писателя в последний путь. Погребальная процессия была сжата тесным кольцом казаков, на всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. На кладбище пропускали немногих, оно

было наводнено полицейскими. Царское правительство опасалось, чтобы похороны “неблагонадежного” писателя не вылились в революционную демонстрацию.

Во второй половине XIX века Петербургский университет был одним из лучших высших учебных заведений и крупнейшим научным центром страны. Ко времени поступления Александра Ульянова в университет, точнее к 1 января 1884 года, на его четырех факультетах (историко-филологическом, физико-математическом, юридическом и факультете восточных языков) обучалось около 2250 студентов; почти половина из них на физико-математическом факультете. Среди профессоров и преподавателей университета были крупные, известные всей России и всему миру ученые, преимущественно естественники. Это было не случайно. Вторая половина XIX века характеризовалась большим успехом естественных наук в России.

Александр Ильич, серьезно увлекавшийся химией и зоологией и мечтавший о научной деятельности, выбрал именно Петербургский университет.

Сведения о первых двух годах пребывания А. И. Ульянова в Петербурге скудны и отрывочны. Известно, что в тот период он не принимал активного участия в общественной жизни, отдавая все время лекциям и научным занятиям. По воспоминаниям знавших его в то время лиц, он считал себя не готовым для вступления в революционные организации. Кроме того, ему тогда казалось, что решать сложные социальные проблемы должны только общественные деятели.

Первый курс он закончил блестяще, получив высшую оценку “весьма удовлетворительно” по всем пяти экзаменам - по неорганической химии, физике, кристаллографии, ботанике, анатомии и выполнив большое количество практических работ в лабораториях.

Александр Ульянов официально не числился в списках нуждающихся и не получал стипендии и пособия, но был очень далек от “белоподкладочников”, сынков аристократов, богатых родителей. В должности директора народных училищ И. Н. Ульянов получал содержания (с учетом разъездных и пенсии) 3500 рублей в год. В месяц это составляло около 292 рублей. На эти деньги приходилось содержать семью в восемь человек, ездить по уездам Симбирской губернии. Александру и Анне отец посы-

лал по 40 рублей в месяц. Александр Ильич протестовал, уверяя, что ему вполне хватит и 30 рублей, но Илья Николаевич внимания на это не обращал и сумму не сокращал. Тогда Александр Ильич стал каждый месяц откладывать из отцовских денег по 10 рублей и, приехав на летние каникулы в Симбирск, вручил отцу 80 рублей, накопленные за восемь месяцев. Илья Николаевич был очень растроган этой заботой сына. Ведь на 30 рублей в месяц нужно было снимать квартиру, питаться, обновлять, хотя изредка, гардероб, платить за лекции. покупать книги. Комнату Александр Ульянов снял в старом деревянном доме на Съезжинской улице (на Петербургской стороне), где селилась обычно самая демократическая часть студенчества. Утром и вечером он питался ситным хлебом с чаем; булки покупал лишь в редких случаях. По городу - в университет, в публичную библиотеку, в гости - он ходил пешком, чтобы не тратить денег на городскую конку.

В 1884-1885 годах Александр Ильич усиленно занимается естественными науками. В феврале 1886 он выносит на конкурс свою работу “Исследования строения сегментарных органов пресноводных *Annulata*”. Аккуратно исписанная тетрадь в 24 страницы с двумя приложенными таблицами и рисунками. Вскоре Александр Ильич Ульянов был награжден золотой медалью с надписью “Преуспевающему”. С осени 1886 года он секретарь научно - литературного общества.

Начало.

17 ноября 1886 года исполнялось 25 лет со дня смерти Н.А. Добролюбова. Имя русского революционного демократа все еще страшило царское правительство. Произведения “известного своим вредным направлением литератора Добролюбова” не печатались или издавались в урезанном цензурой виде, некоторые из них изымались из библиотек.

В студенческой среде возникла идея чествования памяти Добролюбова. Она была сочувственно принята в стенах университета, и в панихиде согласилось участвовать около 1500 человек.

Сбор демонстрантов был назначен на 12 часов дня у Николаевского вокзала. Отсюда около 1500 студентов с пением “вечной памяти” двинулись по Лиговке. По доро-

ге к ним присоединялись опоздавшие, отдельные группы студентов приезжали к Волкову кладбищу на конках. Однако когда студенты подошли к кладбищу, то обнаружили, что ворота его заперты, а около них выставлено большое количество городских. На недоуменные вопросы демонстрантов полицейские отвечали, что панихида по Добролюбову запрещена градоначальником Грессером. После телефонного разговора студента университета А. Д. Павловского с Грессером последний разрешил пропустить на кладбище 15 человек для возложения венков.

Студенты принесли на могилу Добролюбова около 20 венков. На их траурных лентах можно было прочитать такие надписи: “Русское студенчество - благородному борцу против “темного царства””, “Н. А. Добролюбову - студенты С.- Петербургской духовной академии”, ”Студенты-поляки - поборнику прогресса”. Пропущенные на кладбище студенты не захотели его покинуть, заявив, что ждут запоздавшего депутата от Духовной академии. В это время мощный хор студентов запел “вечную память”, звучавшую в их устах как протест. Полиция потребовала прекратить пение и разойтись. Через некоторое время студенты тесными, сплоченными рядами тронулись по Росстанной улице, намереваясь отслужить панихиду в Казанском соборе. Но на Лиговке, у Ново - Ямского моста, их встретил встревоженный Грессер. Гарцуя на коне, он подъехал вплотную к студенческим рядам и приказал немедленно разойтись. Не подчинившись, часть студентов двинулась дальше. Неподалеку от Невского проспекта им преградили путь казаки с шашками наголо; другой отряд казаков стал окружать демонстрантов. Студенты остановились: они попали в ловушку. Стояла сырая ноябрьская погода с пронизывающим ветром. Грессер не хотел выпускать демонстрантов. Вскоре стали собираться толпы народа, заинтересованного необычным зрелищем и выражавшего сочувствие пленникам полиции. Проголодавшимся демонстрантам стали бросать хлеб. Студенты начали совещаться о дальнейших действиях, некоторые из них пали духом.

Тогда Александр Ульянов, бывший вместе с сестрой в первых рядах демонстрантов, предложил прорываться через казачьи цепи. Все же прорваться сквозь заслон

казаков и полиции студентам не удалось. Прошло несколько часов пока Грессеру не заблагорассудилось, наконец, отпустить их.

Студентов выпускали маленькими группами, часть из них - человек около 40 - переписали, а наиболее шумно выражавших протесты отвели в участок. Позже некоторые из них были исключены из учебных заведений и сосланы.

Политический заговор.

Большую роль в студенческом движении середины 80-х годов играл кружок кубанцев и донцов. Его ядро составляли студенты, выходцы с Дона, Кубани, Терека, Ставрополя.

В декабре 1885 года деятели кружка организовали в Петербурге в Грязном Переулке кухмистерскую. Поставленные наблюдать за кухмистерской полицейские агенты сообщали, что там ежедневно собирается до 40 человек. Александр Ульянов в течение марта 1886 года посетил кухмистерскую 4 раза.

Именно там он познакомился с будущими участниками политического заговора-убийства царя.

Василий Осипанов - сибиряк, человек необычайно смелый и решительный. В Сибири, будучи еще гимназистом, он познакомился со ссыльными народниками. В 1881 году Осипанов поступил в Казанский университет, где целиком отдался революционной работе: участвовал в студенческих нелегальных собраниях, читал и пропагандировал издания революционных народников, устанавливал связи с казанскими рабочими. В конце 1882 года Осипанова за участие в студенческом движении исключили из университета, но через год восстановили. Придя к выводу, что в условиях самодержавия заниматься просвещением народа, пропагандой нельзя, Осипанов посвятил себя непосредственной борьбе с царизмом. Он решил совершить цареубийство. Для этого он осенью 1886 года перешел в Петербургский университет.

Петр Яковлевич Шевырев происходил из купеческой среды. Родился он в 1863 году, в 1883 окончил гимназию в Харькове и поступил в Харьковский университет, где проявилась его деятельная натура. Будучи на первом курсе, он увлекся мыслью устроить электрическую наборную машину. Его комната заполнилась массой накопленных

электрических батарей и приборов. Поглощенный своей работой, Шевырев забывал про еду и сон. И все же не технические изобретения и усовершенствования стали содержанием его жизни. Борьба за справедливость, за свободу человеческой личности, за решение социального вопроса - вот, что сделалось главным для Шевырева. Перейдя из Харьковского в Петербургский университет, от сразу отдался общественной деятельности.

Пахомий Андреюшкин был внебрачным сыном кубанской казачки. Еще будучи гимназистом, он организовал в Екатеринодаре кружок самообразования с небольшой библиотекой. В 1886 году он становится студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Его тянуло к действиям, к непосредственной борьбе. “Да когда же, наконец, будете вы что-нибудь делать?.. Все слова да слова, а дела нет!” - говорил он своим товарищам. Когда же требовалось практическое применение, внешне апатичный Андреюшкин буквально оживал и с головой уходил в порученное дело. По воспоминаниям современника, он обладал необычайно твердым и решительным характером. Андреюшкин с восторгом принял решение о покушении на царя: “Самое настоящее дело впереди”, - весело заявлял он друзьям.

Из донских казаков происходил и Василий Генералов. Нужда заставила его уже гимназистом зарабатывать себе на жизнь уроками. В 1886 году он поступил на юридический факультет Петербургского университета, где сразу же стал членом кружка кубанцев и донцов и сблизился с А. Ульяновым. Seriously заинтересовавшись социально экономическими вопросами, Генералов настойчиво ищет связей с рабочими. После демонстрации 17 ноября в Петербурге Генералов определяет свое место в революции: “Никуда, брат, я не гожусь, - говорил он своим товарищам, - сил у меня мало! Пропаганда - великое дело, если огонь внутри есть! Нет, я не гожусь! Вот Н дело другое: ему надо идти по пропаганде! А я решил так: иду по части бомб!”

Дело это было очень сложным. Александр III публично появлялся редко, жандармы и шпионы проявляли большое усердие, оберегая императорскую особу.

Наблюдение за выездами царя из дворца взял на себя Шевырев. Ульянов и Лукашевич занялись приготовлением бомб. Эта работа была связана с большим риском: малейшая неосторожность могла привести к взрыву. Когда пришлось заряжать две бомбы и Лукашевич стал наполнять большим зарядом гремучей ртути трубку запала одной из них, то Александр Ильич тотчас принялся за такую же работу с другой бомбой.

К середине февраля 1887 года бомбы были готовы. Их должны были бросить Генералов и Андреюшкин.

Дни перед покушением были для Александра Ульянова тяжелы.

Недели за две до означенных событий Александр Ильич зашел на заседание экономического кружка, который перестал посещать, боясь своей террористической деятельностью скомпрометировать его членов. “Вид его тогда, - вспоминал участник этого кружка В. В. Бартенев, - поразил многих. Он весь вечер просидел молча, задумчиво глядя своими большими темными глазами. Я очень живо помню его лицо: матовой белизны, немного широкоскулое, всегда спокойное и серьезное, шапка черных, слегка вьющихся волос на голове. Но в этот вечер его лицо было точно освещено каким-то внутренним светом и казалось преображенным. И не я один обратил на это внимание: многие из нас, после того как его арестовали, вспоминали о выражении его лица - лица человека, обрекшего себя на смерть”. И. Д. Лукашевич писал: “Не раз я видел Александра Ильича сидевшим неподвижно, подперши голову обеими руками, с глубокой печалью на лице и взором, устремленным вдаль. И чем ближе было к развязке, тем угрюмее и мрачнее становился Александр Ильич”.

Последнее слово.

Заканчивались последние приготовления. 25 февраля на квартире Канчера и Горкуна состоялось собрание всей боевой группы. Было решено, что метальщики Осипанов, Генералов и Андреюшкин и разведчики Волохов, Горкун и Канчер 26 февраля в 11 часов дня выйдут на Невский проспект и, прогуливаясь между Адмиралтейской площадью и Публичной библиотекой, будут ожидать проезда царя в Исаакиевский

соброр. После этого Ульянов дал указание Осипанову, как вести себя на суде, напомнил ему основные положения программы террористической фракции “Народной воли”.

Между тем еще в конце января было перехвачено письмо Андреюшкина, посланное им харьковскому студенту Никитину. Андреюшкин неосторожно написал, что наиболее целесообразным средством борьбы является террор. 27 февраля за ним было установлено секретное наблюдение, раскрывшее его связи с остальными террористами. Когда они 1 марта в очередной раз вышли на Невский, то были схвачены полицией.

Ульянов и Лукашевич находились в томительном ожидании известий о совершении террористического акта. Не дождавшись, Александр Ильич отправился на квартиру Канчера. Но там его ждала засада.

Весть о попытке покушения на царя быстро разнеслась. Правительство опасалось распространения нежелательных слухов. Поэтому “Правительственный вестник” 4 марта объявил: “1 сего марта на Невском проспекте около 11 часов утра задержаны 3 студента С.-Петербургского университета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотре их экспертом, оказались заряженными.

9 марта в Гатчинском дворце царь принял полицейских и тайных агентов, участвовавших в аресте революционеров. Александр III поблагодарил их за верную и преданную службу и собственноручно одел каждому золотую медаль с надписью “За усердие” и вручил по 1000 рублей.

Ульянова допрашивали шесть раз. 3 марта он отказался давать показания об организации покушения на императора. 4 марта его допросили вторично. Александр Ильич понял, что отрицать свою роль в покушении бесполезно, и решил взять всю вину на себя, чтобы по мере возможности выгородить своих товарищей. Он заявил: “Я признаю свою виновность в том, что, принадлежа к террористической фракции “Народной воли”, принимал участие в замысле лишить жизни государя императора”. Далее Ульянов показал, что он “знал, какие лица должны были совершить покушение, то есть бросать снаряды”. Но кто были эти лица и сколько их было, сказать отказался. При

последующих допросах Александр Ильич объяснил причины своего участия в организации покушения на царя. По его мнению, конечные экономические идеалы могут быть достигнуты только при достаточной зрелости русского общества. Но для этого нужны политические свободы, без которых невозможна пропагандистская и просветительская деятельность. Единственное средство достижения таких свобод в современной России - террористическая борьба, которая должна принудить “правительство к некоторым уступкам в пользу наиболее ясно выраженных требований общества”.

15 апреля 1887 года Александр Ильич Ульянов вместе с другими 14 участниками террористической фракции партии “Народная воля” предстал перед судом особого присутствия Правительственного сената... Приговор суда был оглашен 19 апреля 1887 года. Все 15 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение.

Вызывает недоумение, что столь строгое наказание было назначено за еще не совершенное преступление. Предотвратить попытку которого полиция могла до 1 марта 1887.

После суда потрясенная горем мать в доме предварительного заключения долго убеждала Александра подать на имя царя прошение о помиловании. “Не могу я сделать это после всего, что я признал на суде, ведь это было бы неискренне”, - отвечал Александр. Расставаясь с сыном, Мария Александровна спросила его: нет ли у него какого-нибудь желания? Александр ответил, что ему хотелось бы почитать Гейне. После матери попытку убедить Александра Ильича подать прошение о помиловании предпринял М. Л. Песковский. Придя к Александру, он стал говорить ему, что Мария Александровна тяжело заболела, что ее жизнь и рассудок в опасности, что если он не подаст прошения, то будет причиной гибели матери и несчастья всей семьи.

А. Ульянов был вынужден написать: “Я вполне сознаю, - писал он, обращаясь к царю, - что характер и свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к вашему величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни, и исполнение надо мной смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери

и малолетних братьев и сестер, которые. Не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить ваше величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием. Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи. Александр Ульянов”.

Прошение Ульянова рассматривалось в особом присутствии Сената. Но там нашли, что оно “не заслуживает уважения”.

“Ничего не вышло, потому что он написал совсем не так, как я говорил ему, - передавал впоследствии Песковский Анне Ильиничне. - Никакого раскаяния и подпись даже не “верноподданный”, а просто “Александр Ульянов”. Александру III пишет Александр Ульянов!”

Десяти осужденным после подачи ими прошения о помиловании смертная казнь была заменена каторгой и поселением в Сибирь.

В ночь с 4 на 5 мая на палубу небольшого парохода, стоявшего у закрытого причала Петропавловской крепости, ввели пятерых заключенных, закованных в кандалы. Пароход отправился по Неве к Шлиссельбургской крепости. Через шесть часов Ульянов и его товарищи оказались в шлиссельбургских казематах. Где они провели двое суток. За это время в углу крепостного двора был сооружен эшафот и три черные виселицы.

На рассвете 8 мая во дворе Шлиссельбургской тюрьмы состоялась казнь. Первыми вывели Осипанова, Генералова и Андреюшкина. Выслушав приговор, они простились друг с другом и взошли на эшафот. После того как тела их были сняты, к месту казни подвели Ульянова и Шевырева....

Александр III умер в 1894 году естественной смертью. Его сын и наследник Николай Александрович в дни Февральской революции был вынужден отречься от престола. 8 марта 1917 года он был арестован в Могилеве и отправлен в Царское Село, затем в Тобольск.... По одной из версий и он, и его семья были расстреляны в ночь с 16 на 17 июля 1918 года по решению исполкома Уралоблсовета.

Григорий Гершуни – художник в деле террора.

«Ночью товарищ погиб, -
Жить ему стало невмочь.
Труп его свежий зарыт
В ту же зловещую ночь.

С другом надежным сойдись,
Острый клинок отточь,
Нужно не плакать, а мстить,
Мстить за погибших в ночи».

(Ленцевич, поэт-революционер.)

Именно “художником в деле террора” назвал начальник московского жандармского управления Сергей Васильевич Зубатов Григория Андреевича Гершуни, одного из основателей партии эсеров, первого руководителя ее Боевой организации и, пожалуй, первого из революционеров, кто покровительствовал и доверял Азефу.

Становление.

Гершуни Григорий Андреевич, он же Герш Ициков, родился 18 февраля 1870 года в имении Таврово Тельшевского уезда Ковеньской губернии. Происхождение героя определено “из мещан”.

С 1895 года Григорий Андреевич Гершуни учится на фармацевтических курсах при Киевском Университете. В марте 1897 впервые арестован, но вскоре освобожден. После сдачи экзаменов перебирается в Петербург, где работает на бактериологических курсах в Институте экспериментальной медицины.

С весны 1898 года открыл химико-бактериологический кабинет в Минске. Здесь же открыл школу для еврейских мальчиков, при ней вечерние курсы, субботнюю школу и лекторий по медицине для взрослых. Казалось “ошибки молодости” в прошлом. Впереди работа на фармацевтическом и преподавательском поприще, уважение сограждан к вдумчивому аптекарю, кое-какой капитал...

Встреча с Екатериной Константиновной Брешко-Брешковской перевернула его жизнь. Вместе они создают Рабочую Партию политического освобождения России.

В июле 1900 года Гершуни вновь арестовывается, однако его вновь освобождают. Загадкой двух арестов остается сообщение одного из знатоков революционного движения Бориса Николаевского, упоминающего в одном из своих трудов, что Григорий Андреевич Гершуни “совсем юным и политически неустановившимся попал в руки к Зубатову, и на собственном опыте ознакомился с приемами, к которым прибегал последний, чтобы опустошить души противников абсолютизма, чтобы сгибать их волю. Согнулся тогда и Гершуни: он написал для Зубатова “покаяние” в своих “заблуждениях”. Ничьих имен он при этом не назвал...”.

Именно в 1900 году Сергей Зубатов пытался использовать Григория Гершуни ни больше, ни меньше, как руководителя “Независимой Еврейской Рабочей Партии”. От столь лестного “предложения” последний отказался.

Его следы затерялись в Минске. Уже нелегалом в феврале 1901 года в Петербурге, а позднее в Варшаве он сближается с деятелями “Польской социалистической партии”.

В 1901 году Григорий Андреевич Гершуни один из инициаторов переговоров между отдельными группами “нео-народников”. Переговоры увенчались успехом - новая партия была создана в конце 1901 - начале 1902 гг. Её лидерами стали: М. А. Натансон, Е. К. Брешко-Брешковская, Н. С. Русанов, В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Г. А. Гершуни. В ПСР (эсеры) Гершуни пришел вместе с созданной ранее Партией политического освобождения России.

В апреле 1902 года была создана Боевая организация эсеров. Вначале в неё входило 13 человек. Руководителем организации стал Григорий Андреевич Гершуни.

Большой террор.

Скорее всего, Григорий Андреевич Гершуни принадлежал к числу тех революционеров, которые искренне верили, что удачный террористический акт против одного из столпов самодержавия может основательно пошатнуть монархию, стать катализатором революции, ведущей к изменению не только политического, но и социально-экономического строя. Отсюда и цель.

Первой целью Боевой организации партии социалистов-революционеров стал 49-летний министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Синягин, явившийся инициатором карательных мер против участников рабочего, крестьянского и студенческого движений. Подготовку покушения вел саратовский центр эсеров. Убить министра вызвался молодой киевский студент Степан Валерьянович Балмашев. Все приготовления велись в автономной Финляндии. 15 апреля 1902 года С. В. Балмашев, переодевшись в форму адъютанта выехал... В последнюю минуту покушение едва не расстроилось: только в вагоне “офицер” заметил, что забыл такую необходимую часть военного туалета, как сабля. Пришлось купить новую. К министру С. В. Балмашев прибыл за полтора часа до приема. Расчет был прост “адъютанта Великого князя Сергея”, как назвал себя террорист, впустили в приемную. Появившийся министр был удивлен, зачем к нему приехал посланник?... Дальше события развивались стремительно. С. В. Балмашев вручил Д. С. Синягину пакет. В пакете был приговор Боевой организации. Раздались два выстрела. Дмитрий Сергеевич Синягин был убит наповал. Боевая организация партии состоялась.

Через месяц, 16 мая 1902 года, 21-летний Степан Валерьянович Балмашев был повешен в Шлиссельбурге.

Убийство Д. С. Синягина произвело огромное впечатление в стране. Гершуни был бодр, жизнерадостен, весь дышал крупным успехом.

В память С. В. Балмашева на гектографе были изданы стихи поэта-революционера Ленцевича...

Еще пять недель оставался Григорий Андреевич Гершуни в России, - однако провокатор Азеф молчал. Дело в том, что на дружбе с Гершуни держалось все его положение в партии. Азеф берег Гершуни.

Находясь в Швейцарии, Григорий Андреевич Гершуни готовит серию покушений. Против нового министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве, харьковского губернатора Оболенского - подавившего крестьянские волнения, применяя массовые порки, а также против Сергея Васильевича Зубатова.

О возможных покушениях на Плеве и Зубатова Азеф сообщил в департамент полиции, о покушении на Оболенского умолчал.

В октябре 1902 года в Киеве состоялось совещание, на нем разрабатывался план покушения на Плеве. Два всадника-офицера - Григорьев и Назаров должны были напасть на карету министра: один должен был убить лошадей, другой брал на себя министра. 21 февраля 1903 года их арестовали. На допросах полиция приоткрыла краешек завесы над тем, что она знала... Григорьев и его невеста заговорили... Царь заявил, что “озолотит” того, кто арестует Гершуни.

Был пущен слух о премии в 15 тысяч рублей. По России производились аресты лиц, похожих на революционера. Но последний уходил от полиции. Азеф бездействовал - он хотел не менее 50 тысяч.

В это же время Григорий Андреевич Гершуни назначает Евно Азефа своим премником по всем делам Боевой организации.

Последней жертвой организации, руководимой Г. А. Гершуни, стал уфимский губернатор Н. М. Богданович, по приказу которого в марте 1903 года по толпе рабочих, требующих выпустить двух арестованных товарищей, было дано несколько залпов, в результате было убито много рабочих, женщин, детей. План покушения был приведен в исполнение железнодорожным рабочим Дулеповым и интеллигентом по кличке “Апостол”. 19 мая к Богдановичу, по своему обыкновению прогуливавшемуся в укромном уголку соборного сада, подошли два молодых человека. Они вручили ему приговор, буквально расстреляли его из браунингов и скрылись...

Григорий Гершуни попался почти случайно. По дороге за границу он решил захватить в Киев, с дороги дал туда телеграмму, прочитанную студентом-провокатором. В Киеве Гершуни ждали...

Борис Николаевский описывает арест следующим образом. «Когда вечером 26 мая подошел указанный поезд, из него вышел хорошо одетый мужчина в фуражке инженера и с портфелем под мышкой. Сначала он медленно пошел вдоль поезда, делая вид, что осматривает колеса и в тоже время оглядываясь по сторонам. Филеры не двигались с мест. Поезд, свистнув, ушел. Гершуни вышел на улицу и приостановился, якобы поправляя шнурки на ботинках, а на самом деле осматриваясь по сторонам: нет ли подозрительных симптомов. Их было - увы - больше чем достаточно: весь район был полон филеров. Взгляд Гершуни они поймали и по нему узнали, что это тот, кого они ищут. «Наш, – бросил старший офицер, – глаза его с косинкой». Заметив слезку Гершуни, подошел к ларьку с фруктовыми водами и выпил стакан лимонада. Филеры заметили, что он волновался, рука дрожала и едва держала стакан: Гершуни чувствовал, что на его шее затягивается петля. Через несколько минут он был арестован, закован в кандалы и отправлен в Петербург».

Убить Вячеслава Константиновича Плеве Григорий Андреевич Гершуни не сумел. Это сделают другие 28 июля 1904 года... О том, что Плеве нет в живых, Гершуни узнает уже в Шлиссельбурге, где будет ломать голову, что послужило причиной смерти...

Прозрение.

В феврале-марте 1904 года Григория Андреевича Гершуни судили. Петербургский военный окружной суд приговорил его к смертной казни. Казнь была заменена пожизненным заключением в Шлиссельбурге. Однако осенью 1905 года его переводят в Акатуй (Восточная Сибирь). Еще через год, осенью 1906 года Григорий Андреевич Гершуни бежит через Китай в Северо-Американские Соединенные Штаты.

В Америке он выступает с лекциями о революционном движении и политической каторге в России. Позднее перебирается в Европу.

О размышлениях революционера-террориста в последние полтора года его жизни, позволяют судить его письма, найденные автором этих строк в ныне переименованном Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

Будучи оторванным от участия в революционной борьбе, Григорий Андреевич Гершуни столкнулся с необходимостью дать оценку политическим реформам царского правительства. В некрологе одной из газет, посвященном революционеру, отмечалось, что “несмотря на оторванность всей информации”, он высказался за бойкот Думы, и его личная позиция совпала с партийной. В сентябре 1906 года в одном из писем Григорий Андреевич Гершуни писал: ”В августе 1905 года я получил журнал “Хозяин” за 1904 год, где проскользнуло выражение “покойный Плеве” и где видно было, что с осени 1904 года началась “весна”. Кто и что виновник этой весны..., вы легко поймете, если Плеве оказался покойником” по собственному побуждению” и эта весна явилась как естественный результат без воздействия революции. Последней нанесен страшный удар и её продадут в первую голову либералы. Если же, наоборот, все произошло при участии революции, первый голос будет принадлежать ей и в дальнейшем, стало быть, будущее обеспечено”.

Содержание письма дает основание считать, что его автор не воспринимал реформу политической системы, как достаточную уступку со стороны правящего режима. В большей мере маневр правительства как в 1904 году после Плеве, так и в 1905-1906 годах он расценивал как попытку расколоть революционное и либеральное движение, лишая революционеров союзников по борьбе против царизма.

В тоже время Григорий Андреевич Гершуни анализирует массовое движение. Он обращается к состоянию профсоюзной работы:”...что собственно представляют из себя многочисленные профессиональные союзы. Мы знаем, что они революционно настроены, но насколько сильны в них революционные тенденции... Я имею ввиду,— поясняет автор письма, — не те течения и настроения искусственно поддерживаемые благодаря сознательным личностям, являющимся вожаками и задающими тон, проводящие свои резолюции и прочее. Гершуни делает вывод, что подобного положения “на долго хватить не может”, необходимо изучение “истинного настроения” народа.

Интерес Гершуни вызвал Крестьянский союз. Недавний руководитель “боевой организации” эсеров указывал, что даже аграрный террор “невероятно ослабил бы организацию масс”. Он анализирует соотношение настроений в среде социалистов-революционеров и Крестьянском союзе; отмечает общее и отличительное в требованиях крестьян и программы Крестьянского союза. Помимо анализа массовых организаций, Григорий Андреевич Гершуни обратил внимание на взаимоотношения эсеров с другой крупнейшей частью революционного движения, социал-демократами. “Надо ли вам говорить, - пишет он - какой болью отзываются известия о продолжающихся разногласиях социалистов-революционеров и социал-демократов”. Выход из положения один из лидеров ПСР видел в создании “единой социалистической партии”.

В начале 1907 года, находясь “на воле”, Григорий Андреевич Гершуни занялся изучением событий октября-декабря 1905 года в Иркутске, где в ходе революционной борьбы возник федеративный совет самообороны, включавший в себя представителей РСДРП, ПСР, ряда массовых организаций.

Все чаще боевика-эсера интересовало отношение широких масс к деятельности революционных партий. Выступая в марте 1907 года на партийном съезде в Финляндии, Григорий Андреевич Гершуни обрушился с критикой экспроприаторской практики, называя ликование Бутырской тюрьмы по поводу блестящего ограбления московского банка “похоронным маршем чистоты революционных принципов”. “Симпатии масс, - пишет он, - будут только там, где моральная чистота и высокий идеализм участников движения не подвергается никакому сомнению”. Тогда же им была высказана мысль о необходимости предвыборного блока с партией кадетов. Интерес к массовым движениям, проявленный Гершуни, отразил кризис мировоззрения одного из теоретиков и практиков индивидуальной террористической борьбы. Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Григория Андреевича Гершуни, но 29 марта 1908 года, в Цюрихе, он умер от саркомы, не дожив каких-то полгода до разоблачения Евно Азефа.

Его звали поэтом (Иван Каляев).

В поисках себя.

Сын околоточного надзирателя, а в прошлом дворового человека, Иван Платонович Каляев родился 24 июня 1877 года. Мать будущего революционера полька шляхетского рода заботилась об образовании сына. В 1888-1887 годах Иван Каляев учился в гимназии. В 1897-98 он студент историко-филологического факультета московского университета. Широкий кругозор, бойкое перо сделало его сотрудником газет: “Русский листок”, “Курьер”, “Северный курьер”. Прослушав два курса по истории Иван Платонович решает заняться юриспруденцией. Как следствие - поступление на юридический факультет Санкт- Петербургского университета.

Весной 1899 года начинающий юрист стал членом оргкомитета, участником студенческих волнений и одним из наиболее активных сочинителей революционных прокламаций. Как следствие - арестован и после трехмесячного следствия выслан под гласный надзор в Екатеринославль на два года. В Екатеринославле вошел в местный социал-демократический комитет... По отбытию наказания жил в Варшаве и за границей.

С января 1902 года студент Львовского университета... много переводит с русского на польский и наоборот, печатается, занимается репетиторством.

Шаг в революцию

В 1902 году с целью установления связи с газетой “Искра” отправился в Германию, Однако по дороге в пограничном городе Масловцы арестован немецкой полицией и через неделю передан русским жандармам. До лета 1903 содержался в Варшавской тюрьме, затем отправлен в Ярославль... Осенью 1903 встретился с Екатериной Брешко-Брешковской, став далеко не первым молодым человеком, вовлеченным в боевую организацию партии эсеров. Участвовал в покушении на министра внутренних дел Плеве. Покушение оказалось успешным... Каляев, тогда шел за Сазоновым все

время сохраняя дистанцию в 40 шагов. При нем была вторая бомба. Когда Сазонов взошел на мост через Обводный канал, Каляев увидел, как он вдруг ускорил шаги. Каляев понял, что он заметил карету. Когда Плеве поравнялся с Сазоновым, Каляев был уже на мосту и с вершины видел взрыв, видел, как разорвалась карета. Он остановился в нерешительности. Было неизвестно, убит Плеве или нет, нужно бросать вторую бомбу или она уже лишняя. Когда он так стоял на мосту, мимо него промчались, волоча обломки колес, окровавленные лошади. Побежали толпы народа. Видя, что от кареты остались одни колеса, он понял, что Плеве убит. Он повернул к Варшавскому вокзалу и медленно пошел по направлению к Сикорскому. По дороге его остановил какой-то дворник.

-Что там такое?

- Не знаю.

Дворник посмотрел подозрительно.

-Чай, оттуда идешь?

- Ну, да, оттуда.

- Так как же не знаешь?

-Откуда знать? Говорят, пушку везли, разорвало...

Каляев утопил в прудах свою бомбу и, по условию, с 12-часовым поездом выехал из Петербурга в Киев.

Поэт.

В воспоминаниях революционеров Иван Платонович Каляев остался “поэтом”, хотя в многочисленных выслеживаниях своих жертв выступал в роли обычного торговца в разнос. Решительно все относились к нему с самым дружеским расположением и неподдельной искренней любовью.

Мы шли по Владимирской улице в направлении Технологического института, вспоминает один из участников революционного движения. “Вот поэт, - указывая глазами вперед, сказала барыня, - посмотрите на него всего”.

К нам на встречу двигалась фигура торговца-папиросника, с лотком на ремне через плечо. Заметно было, что тяжесть товара сильно давила ему плечи, он несколько

горбился, медленно подаваясь к нам. Большой белый фартук закрывал его грудь и опоясывал пиджак. Прикрывая таким образом его рваную одежду. Вытертый картузишко и стоптанные сапоги дополняли его костюм, как у всех мелких уличных разносных торговцев. Даже набившие руку филеры не могли бы его признать за переодетого интеллигента. И, однако, его молодое, задумчивое, как бы дымкой подернутое лицо немного отличало “Поэта” от заурядного папиросника. Заметив наше приближение и видимое намерение с ним остановиться, он весь выпрямился и засветился такой детски чистой лаской, лучистые серые большие глаза загорелись радостным и приветливым огнем.. Но кругом сновали люди. Иван Платонович быстро овладел своим настроением, приняв повадку профессионала-торговца. Послышались приглашения купить самые лучшие папиросы, кошельки и прочее, с этими возгласами он приближался к нам, развернув весь свой красиво уложенный товар. Торгуясь и рекомендуя купить один предмет за другим, он тут же в промежутках сообщал нужные для других работников результаты наблюдений, тщательно им проверенных, или точно замеченных отклонений от ранее виденных.

С этих пор наши встречи с Каляевым проходили в большинстве случаев в обстановке, сейчас описанной, где-нибудь на улице; но в праздники он решался на свидание в каком-нибудь плохоньком, третьеклассном трактире. Там мы садились в самый укромный, в самый отдаленный уголок, пили чай вприкуску, медленно, с отдыхом. Когда же приходили другие работники, место в трактире занимали более фешенебельное, как настоящие мещане-торговцы. Шумно и весело велись рассказы самого фантастического характера. Народ был все молодой, жизнерадостный, красивый отвагой и беззаветными жертвенными порывами. Иван Платонович тогда в своей компании больше всех острил и смеялся раскатисто, заразительно. У всех у них была одинаковая приблизительно жизнь в углах, одна работа и одинаковый конец. Иван Платонович всегда вносил в общее настроение значительную дозу бодрости, увлекающей красоты подвига.

Однажды опять мы “Поэта” встретили около Исаакиевского собора, на людной и чистой от “шантрапы” улице. Лоток его на этот раз был уже заполнен фруктами. Красивыми ромбами были разложены персики, горевшие издали ярко-красным цветом.

Приблизившись близко, он громко выразил радость встречи непредвиденной, такой для него радостной, и, как бы желая подкрепить им сказанное, он пригоршнями начал сыпать нам фрукты, сообщая свою полную победу в изысканиях, свою уверенность близкого конца напряженной и трудной для всех жизни. Между тем городской уже заметил остановившегося торговца не в указанном месте и быстро направлялся с окриком: “Пошел, пошел”. - “Поэт, - предупредила Дора, - на вас устремился блюститель закона, берегитесь”.

- “Э, черт деря!” - ругнулся поэт, быстро исчезая за поворотом улицы со своими прекрасными товарами.

Накануне.

После “дела” Плеве в революционных кругах царило радостное оживление. Эсеры как бы выросли в глазах правительства. В боевую организацию поступали многочисленные денежные пожертвования, являлись люди с предложением своих услуг. С этим подъемом совпали известия из России - назначение министром внутренних дел князя Святополк-Мирского и эра либеральных речей и банкетов. К новому назначению партия отнеслась, конечно, скептически, и от либеральных речей не ожидала больших результатов. И все-таки было ясно, что убийство Плеве уже сыграло крупную роль: правительство колебалось, и общество заговорило смелее. Этот успех боевой организации, вселил уверенность эсеров в своих силах.

Борис Савинков, Гоц и Чернов выпустили четвертый “Летучий листок Революционной России”, где Иван Каляев опубликовал объемную статью “Смерть В. К. фон Плеве: впечатления и отклики”.

Тогда же на французском была опубликована прокламация “Ко всем гражданам цивилизованного мира”, порицавшая террор в “странах цивилизованного мира” и объяснявшая русские методы борьбы деспотизмом режима.

Вскоре в Париже состоялся ряд совещаний комитета боевой организации ПСР о дальнейшей деятельности. Было решено провести одновременно три дела: в Петербурге - покушение на петербургского генерал-губернатора, генерала Трепова, в Москве -

на московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и в Киеве - на киевского генерал-губернатора генерала Клейгельса.

В начале ноября 1904 года члены боевой организации выехали в Россию. Изготовленный в Англии динамит везли под одеждой. Через несколько дней Каляев, Моисеенко, Дора Бриллиант встретились в Москве. Предстояло прежде всего узнать, где живет генерал-губернатор. Это было известно каждому москвичу но ни один из группы не был. Они колебались, какой из дворцов великого князя взять исходной точкой для наблюдения: генерал-губернаторский дом на Тверской, Николаевский или Нескучный дворцы. В адрес-календаре мы не могли найти указаний, спросить же нам было не у кого, если не у членов московского комитета.

Эту задачу разрешил Моисеенко. Он поднялся на колокольню Ивана Великого и начал расспрашивать сопровождавшего его сторожа о достопримечательностях Москвы. В разговоре он попросил указать ему дворец генерал-губернатора. Сторож указал на Тверскую площадь и сообщил, что великий князь живет именно там. Таким образом узнали нужный адрес. Теперь предстояло установить выезды великого князя. Моисеенко и Каляев купили лошадей и сани и записались в извозчики. Каляев справился со своей задачей: его опыт уличного торговца помог и на извозничьем дворе. Но Моисеенко не имел опыта. Кроме того, он происходил из состоятельной семьи и не привык ни к физическому труду, ни к тяжелым условиям жизни. Несмотря на это, он очень быстро освоился со своим положением.

Моисеенко и Каляев купили сани в одно и то же время, и за лошадой заплатили одни и те же деньги, но даже по внешности они значительно отличались друг от друга.

Моисеенко ездил на заезженной, захудалой лошаденке, которая кончила тем, что упала за Тверской заставой. Сани у него были подержанные и грязные, полость рваная и облезлая. Сам он имел вид нищего московского Ваньки. У Каляева была сытая крепкая лошадь. сани были с меховой полостью. Он подпоясывался красным шелковым кушаком, и в нем не трудно было угадать извозчика-хозяина.

В начале декабря в Москве произошли студенческие беспорядки... местный комитет выпустил листовку с прямой угрозой великому князю. Комитет не подозревал о

присутствии боевой организации в Москве. Сергей Александрович, после прокламации, неизвестно куда исчез... а у революционеров кончались деньги. Несколько раз им оказывал помощь присяжный поверенный В. А. Жданов, хороший знакомый Бориса Савинкова, впоследствии защищавший Каляева. Позже Савинков взял в долг у присяжного поверенного Мелантовича... В конце декабря в Москву приехал гражданский инженер А. Г. Успенский, часто оказывающий услуги боевой организации и привез денег. От Азефа революционеры так же получили чек...

В январе 1905 в Москву неожиданно для боевой организации приехал Петр Моисеевич Рутенберг. От него стало известно о событиях 9 января, революции и Гапоне. Петру Рутенбергу казалось, что бомбы и террор нужнее в северной столице. 12 января Борис Савинков, руководивший боевой группой выехал в Санкт-Петербург.

В столице революционеров-террористов ждало заманчивое предложение убить царя, воспользовавшись помощью Татьяны Леонтьевой, имевшей возможность продавать цветы на балах в Зимнем дворце. Вопрос о цареубийстве эсерами в этот период не обсуждался. Однако и Савинков, и Каляев, и Моисеенко, и Дора Бриллиант решили “царя следует убить даже при формальном запрещении центрального комитета”. Впрочем до бала было 10 месяцев...

Каляев в Москве был тот же, что и в Петербурге. Но он уже чувствовал приближение конца своей жизни, и это предчувствие отражалось на нем постоянным нервным подъемом. Быть может, он никогда не высказывал такой горячей любви к боевой организации и партии, как в эти дни, непосредственно предшествовавшие его смерти.

Он похудел, сильно оброс бородой, и его лучистые глаза ввалились. Он был в синей поддевке, с красным гарусным платком на шее. Савинков, он же писатель Ропшин вспоминал его слова:

“- Я очень устал... устал нервами. Ты знаешь, - я думаю, я не могу больше... но какое счастье, если мы победим. Если Владимир будет убит в Петербурге, а здесь, в Москве, - Сергей... Я жду этого дня... подумай: 15 июля, 9 января, затем два акта подряд. Это уже революция. Мне жаль, что я не увижу ее...

Я буду спокоен только тогда, когда Сергей будет убит. Если бы с нами был Егор... Как ты думаешь, узнает Егор, узнает Гершуни? Узнают ли в Шлиссельбурге?.. Ведь ты знаешь, для меня нет прошлого, - все настоящее. Разве Алексей умер? Разве Егор в Шлиссельбурге? Они с нами живут. Разве ты не чувствуешь их?.. А если неудача? Знаешь что? По-моему, тогда по-японски...

- Что по-японски?

- Японцы на войне не сдавались...

-Ну?

- Они делали себе харакири.

Таково было настроение Каляева перед убийством великого князя Сергея.

Дело Сергея Александровича.

С конца января 1905 года террористы стали готовить покушение. Каляев продал сани и лошадь и уехал в Харьков, чтобы скрыть следы своей извозничьей жизни и сменить паспорт...

Революционеры колебались, в какой именно день назначить покушение. Следя за газетами Савинков прочел, что 2 февраля в Большом театре должен состояться спектакль в пользу Красного Креста, находившегося под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны. Великий князь не мог не посетить театра в этот день. Поэтому на 2 февраля и было назначено покушение. Дора Бриллиант незадолго перед этим уехала в Юрьев и там хранила динамит. Савинков съездил за ней, и к февралю вся организация была в сборе в Москве, считая в том числе и Моисеенко, остававшегося все время извозчиком. В 7.30 вечера обе бомбы были переданы, и с 8 часов вечера Каляев стал на Воскресенской площади, у здания городской думы, а Куликовский в проезде Александровского сада. Таким образом, от Никольских ворот великому князю было только два пути в Большой театр - либо на Каляева, либо на Куликовского.

Был сильный мороз, подымалась вьюга. Каляев стоял на пустынной и темной площади. В начале девятого часа от Никольских ворот показалась карета великого князя. Каляев тотчас узнал ее по белым и ярким огням фонарей. Карета свернула на Воскресенскую площадь, и в темноте Каляеву показалось, что он узнает кучера Рудин-

кина, всегда возившего именно великого князя. Тогда, не колеблясь, Каляев бросился навстречу и наперерез карете. Он уже поднял руку, чтобы бросить снаряд. Но кроме великого князя Сергея, он неожиданно увидел еще великую княгиню Елизавету и детей великого князя Павла - Марию и Дмитрия. Он опустил свою бомбу и отошел. Карета остановилась у подъезда большого театра.

Каляев прошел в Александровский сад. Подойдя к Савинкову он сказал:

“- Я думаю, что я поступил правильно, разве можно убить детей?..”

Дора Бриллиант вынула запалы из бомб....

Четвертого февраля Каляев шел на великого князя один. Вспоминает Борис Савинков: “Мы слезли с саней и пошли вдвоем по Ильинке к Красной площади. Когда мы подходили к гостиному двору, на башне в Кремле часы проббили два. Каляев остановился.

- Прощай Янек.

- Прощай.

Он поцеловал меня и свернул направо к Никольским воротам. Я прошел через Спасскую башню в Кремль и остановился у памятника Александра II. С этого места был виден дворец великого князя. У ворот стояла карета. Я узнал кучера Рудинкина. Я понял, что великий князь скоро поедет к себе в канцелярию.

Я прошел мимо дворца и кареты и через Никольские ворота вышел на Тверскую. У меня было назначено свидание с Дорой Бриллиант на Кузнецком Мосту в кондитерской Сиу. Я торопился на это свидание, чтобы успеть вернуться в Кремль к моменту взрыва. Когда я вышел на Кузнецкий Мост, я услышал отдаленный глухой звук, как будто кто-то в переулке выстрелил из револьвера. Я не обратил на него внимания, до такой степени этот звук был непохож на гул взрыва. В кондитерской я застал Дору. Мы вышли с ней на Тверскую и пошли вниз к Кремлю. Внизу у Иверской нам навстречу попался мальчишка, который бежал без шапки и кричал:

- Великого князя убило, голову оторвало”.

На пороге смерти.

Сам Иван Каляев вспоминал покушение следующим образом: "Против всех моих забот, - писал он в одном из писем к товарищам, - я остался 4 февраля жив. Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того, как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошел... В это время послышалось сзади: "держи, держи", - на меня чуть не наехали сыщичьи сани, и чьи-то руки овладели мной. Я не сопротивлялся. Вокруг меня суетились городовой, околоток и сыщик противный... "Смотрите, нет ли револьвера, ах, слава богу, и как это меня не убило, ведь мы были тут же", - проговорил, дрожа, этот охранник. Я пожалел, что не могу пустить пулю в этого доблестного труса. - "Чего вы держите, не убегу, я свое дело сделал", - сказал я... (я понял тут, что я оглушен). "Давайте извозчика, давайте карету". Мы поехали через Кремль на извозчике, и я задумал кричать: "Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!" Меня привезли в городской участок... Я вошел твердыми шагами. Было страшно противно среди этих жалких трусишек... я был дерзок, издевался над ними. Меня перевезли в Якиманскую часть, в арестный дом. Я заснул крепким сном..."

Из Якиманской части Каляева перевели в Бутырскую тюрьму, в Пугачевскую башню. Через несколько дней его посетила жена убитого им Сергея Александровича, великая княгиня Елизавета Федоровна.

"Мы смотрели друг на друга, - писал об этом свидании Каляев, - не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я -

случайно, она - по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать излишнего кровопролития.

И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности, если не мне, то во всяком случае судьбе, за то, что она не погибла.

- Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас.

И я взял иконку.

Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя.

- Моя совесть чиста, - повторил я, - мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, не только одну.

Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также встал.

“Прощайте, - сказал я. - повторяю, мне очень больно, что я причинил вам горе, но я исполнил свой долг, и я его исполню до конца и вынесу все, что мне предстоит. Прощайте, потому что мы с вами больше не увидимся”.

Каляева судили в особом присутствии Сената 5 апреля 1905 года. Защищали его присяжные поверенные Жданов и Мандельштам. В три часа дня ему был вынесен приговор - смертная казнь.

9 мая Каляев был перевезен на полицейском пароходе из Петропавловской крепости в Шлиссельбург. В ночь на 10 мая, около 10 часов вечера, его посетил священник, о. Флоринский. Каляев сказал ему, что хотя он человек верующий, но обрядов не признает. Священник ушел. Во втором часу ночи, когда уже светало, Каляева вывели на двор, где чернела готовая виселица. На дворе находились представители сословий, администрация крепости, команда солдат и все свободные от службы унтер-офицеры. Каляев взошел на эшафот. Он был весь в черном, без пальто, в фетровой шляпе.

Стоя неподвижно на помосте, он выслушал приговор. К нему подошел священник с крестом. Он не поцеловал креста и сказал:

- Я уже сказал вам, что я совершенно покончил с жизнью и приготовился к смерти.

Место священника занял палач Филиппов. Он набросил веревку и оттолкнул ногой табурет.

Похоронен Каляев за крепостною стеной, между валом, окаймляющим крепость со стороны озера, и Королевской башней.

17 октября 1905 года Николай II подписал Высочайший манифест...

Зубатов: грасмейстер политического сыска.

Революционеры ненавидели этого человека. Ближайшие сотрудники боготворили его. Чины жандармерии не понимали его, что порождало недоверие, замешанное на чувстве неприязни, переходившем у отдельных столпов режима в брезгливость.

В историю России он вошел без имени и отчества. В массовом сознании, взбудораженном картинами “Кровавого Воскресения” осталось одно слово - “зубатовщина”.

“От тюрьмы, да от сумы...”

Родился наш герой 26 марта 1864 года в Москве. О его отнюдь не пролетарском происхождении свидетельствует факт обучения в 5-й московской гимназии. С 1880 года участвовал в религиозно-философских дебатах, содержал библиотеку самообразования. Член ученического народофильского кружка, из-за чего вынужден был оставить в 1882 году учебу.

Пытливый молодой ум жадно впитывал учения Дж. С. Милля, Ф. Ницше, П. Лаврова, Н. Михайловского, “теорию реализма” Д. И. Писарева.

В 19 лет молодой революционный романтик женится на дочери армейского офицера Михина. Однако узы “святого брака” только способствуют революционной деятельности. Вскоре библиотека тестя превращается в своеобразный революционный клуб. В конце 1883 года последовал первый арест. В 1884 году перед нами мелкий канцелярский служащий.

В 1885 году начальник московской охранки Н.С. Бердяев склоняет нечуждого революционным идеям молодого человека к сотрудничеству. В течении некоторого времени он телеграфист на железнодорожных станциях близ столицы. В этот же период вольнослушатель Московского Университета

13 июня 1886 года, все тот же Н.С. Бердяев завербовал нового сотрудника в качестве платного агента для внутренних наблюдений. Деньги новоиспеченный сотрудник получал не даром. Еще весной он выдал полиции 4-х революционеров; трое из которых в последст-

вии погибли в заключении. В 1887 году в революционных кругах о нем заговорили как о провокаторе...

Московское охранное отделение.

В 1889 году Сергей Васильевич Зубатов был легализован и прикомандирован чиновником к Департаменту полиции. Не имея офицерского чина, он становится помощником начальника московской охранки, а через семь лет возглавляет ее в чине коллежского секретаря.

К этому времени начитанный, хорошо знакомый с историей, интересовавшийся всеми социальными вопросами, Сергей Зубатов был убежденным монархистом. Он считал, что царская власть, давшая России величие, прогресс и цивилизацию, есть единственная свойственная ей форма правления.

“Без царя не может быть России, - говорил он не раз сотрудникам, - счастье и величие России - в ее государях и их работе. Возьмите историю”. И доказательства сыпались, как из рога изобилия.

“Так будет и дальше. Те, кто идут против монархии в России - идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть”.

И он боролся...

Под его руководством Московское охранное отделение “заблестало”, Сергей Васильевич Зубатов поднял на небывалую высоту политический сыск во всех его проявлениях.

Здесь под началом Евстратия Медникова была создана знаменитая “школа филеров”, воспитывавшая приметливых, смысленных шпииков, с хорошо отработанными приемами “наружного наблюдения” - от примитивной слежки до целых сыскных феерий с погонями. Переодеваниями. Переменой внешности, засидками на чердаках, в погребах и т. п. Здесь основательно взялись за данные, поставляемые перлюстрацией, ведя постоянную, кропотливую, целенаправленную их разработку. Именно здесь впервые была сплетена и накинута на подполье плотная сеть “секретной агентуры”. После этого в Москве не было, пожалуй, ни одной нелегальной организации, чья деятельность не освещалась бы подробнейшим образом одним или, чаще, несколькими провокаторами.

На высочайшем канцелярском уровне в московской охранке находились и все дела бумажные. Учет информации, получаемой из различных источников, поставлен был образцово. “Регистрация, - писал В.В. Жилинский, один из исследователей деятельности московской охранки, была идеальной. Всякий, кто хотя бы только подозревался в чем-либо, попадал на особую регистрационную карточку, на которой проставлялся № дела, и всякую справку на любое лицо можно было получить в несколько минут. Таких регистрационных карточек имеется до миллиона. На этих карточках можно найти имена все общественных деятелей, высокопоставленных особ, карточку почти всякого интеллигентного человека, который хоть раз в жизни задумывался над политикой” С начала XX века особые “разноцветные” досье составлялись на различные революционные и оппозиционные направления: на красных карточках группировались данные на эсеров, на синих - на эсдеков, на зеленых - на анархистов и т.д. Целые шкафы заполнялись фотокарточками арестованных, подозреваемых, эмигрантов; целые тома - тематическими подборками газетного и журнального материала. Конечным же результатом всей этой работы, венцом обобщения информации, являлись схемы различных нелегальных организаций, подробные, как топографические карты-двухверстки - на них были нанесены центральные органы и вспомогательные, указаны все их члены, прослежены всевозможные связи. Неудивительно что, по признанию многих деятелей подполья, “делать революцию” в Москве в конце XIX - начале XX веков стало чрезвычайно трудно, почти невозможно.

В Московском охранном отделении сложился и особый стиль работы с сотрудниками. Вот как описывает свое первое знакомство с С. В. Зубатовым, прикомандированный в 1900 году к отделению Александр Иванович Спиридович: “Вхожу в большой, нарядный не казенный кабинет. На стене прелестный, тоже не казенный царский портрет. Посреди комнаты среднего роста человек в очках, бесцветный, волосы назад, усы, борода, типичный интеллигент, это - знаменитый Зубатов.

Представляюсь, называя его “господин начальник”. Он принимает мой рапорт стоя, по-военному, опустил руки и, дав договорить, здоровается и предлагает папиросу. Отказываюсь, говорю, что не курю. Удивляется.

-Может быть и не пьете?

-И не пью.

Начальник смеется и, обращаясь к Медникову, говорит: “Евстратий, и не пьет!”... Евстратий сидит плотно, гладит себя по ляжкам, ухмыляется. Спросил, женат ли я, как думаю устроиться, и, предложив еще несколько вопросов, Зубатов сказал, чтобы я шел являться обер-полицмейстеру, и мы распрощались”.

Вечером, как свидетельствуют все те же воспоминания, С. В. Зубатов, пожав руку каждому и, пожелав всего хорошего, ушел в свой кабинет...

Король провокации.

В системе разработанного С.В. Зубатовым политического сыска особое место занимала провокация. Не даром, в помещениях московского охранного отделения на равных красовались портреты основателя провокации в России, казненного народовольцами начальника особого отдела Г. П. Судейкина и экс-революционерки М.Н. Курнатовской, сдавшей в 1894 году провинциальные организации партии “Народное право”.

“Вы, господа, - говорил он, - должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, что не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму.

“Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы он честно ни работал, всегда, рано или поздно, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию, сделайте все, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему.

Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником; будет поле-

зен уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства”.

Благодаря таким взглядам шефа охраны, работа по розыску приобретала интересный характер. Проводя их в жизнь, Сергей Васильевич Зубатов сумел поставить внутреннюю агентуру на редкую высоту.

В 1898 году Зубатов направил А. Е. Серебрякову в Политический Красный Крест - как следствие в апреле 1903 была разгромлена социал-демократическая группа “Южный Рабочий”.

В следующем 1899 году в Северный Союз социалистов-революционеров был внедрен будущий глава боевой организации ПСР Евно Азеф.

Верхом провокации в области работы с политическими группировками можно считать созданную охранкой в противовес Бунду и РСДРП “Независимую еврейскую рабочую партию”, действующую последние два года XIX века в Минске, Вильно, Киеве, Екатеринославле, Одессе.

У подножья трона.

В 1901 году Сергей Васильевич выступил с идеей создания легальных организаций рабочих под контролем полиции. В принципе Зубатов занялся делом, которое не входило в круг его обязанностей, что лежало на Витге и его агентах, но не выполнялось ими.

Основная идея Сергея Васильевича заключалась в том, что при русском самодержавии, когда царь надпартиен и не заинтересован по преимуществу ни в одном сословии, рабочие могут получить все, что им нужно, через царя и его правительство. Освобождение крестьян - лучшее тому доказательство.

Рабочее движение должно быть профессиональным, а не революционно-социал-демократическим, и его надо направить на этот первый путь. И хотя у самих социал-демократов увлечение экономизмом почти проходит, но все-таки это направление надо использовать. Правительство уже сделало ошибку, прозевав его, но что же делать; лучше поздно, чем никогда. Путем собеседования Зубатов стал подготавливать из рабочих пропагандистов его идей. В отделении была заведена библиотека с соответствующим подбором книг. Вэбб, Геркнер, Прокопович, Зомбарт, новый труд Бердяева “Поворот к идеализму”.

Помимо этого для рабочих в Историческом музее устраивались чтения. Профессора и доценты Московского Университета практики-кооператоры И. Х. Озеров, А.Э. Вормс, В. Э. Дэп, А.А.Мануйлов, Н. Ф. Езарский... В лекциях излагалась история профдвижения Великобритании, практика фабричного законодательства зарубежных стран.

Через своих первых развитых и энергичных рабочих, среди которых выделялся Слепов, Зубатов приступил к образованию в различных частях города рабочих кружков, в которых и начались занятия. Эти кружки были враждебно настроены к революции и ее вождям. Маркс был для них врагом, как заядлый ненавистник России, как один из вреднейших мировых социалистов.

В то же время, зная все, что делается на фабриках и на заводах, охранное отделение своевременно приходило на помощь рабочим в случае каких-либо несправедливых действий хозяев или заводской администрации. Таким путем в рабочих внедрялось сознание, что они могут добиваться своих желаний без социалистов, мирным путем, и что власть не только не мешает, но и помогает им.

Дошло до Петербурга. Тамошние социал-демократические организации стали присылать своих делегатов познакомиться, - что такое делается в Москве. Зубатов, зная о приезде этих ораторов, устраивал обыкновенно так, что гость допускался на собрание, ему разрешали говорить. Но против него выступал заранее подготовленный более сильный, горячий талантливый оратор - москвич. Он побивал приезжего на диспуте, и приезжий проваливался на глазах рабочих; революционер пасовал перед реформистом. Правда, на этом “джентльменский поединок” заканчивался во всех смыслах этого слова. На обратном пути революционеры арестовывались.

В 1901-1902 годах Зубатов в Москве создал “Общество взаимного вспомосуществования рабочих в механическом производстве”, “Совет рабочих механических организаций Москвы”, “Общество взаимной помощи текстильщиков” общей численностью 1800 человек. Аналогичные организации начали действовать в Одессе, Киеве, Минске, Харькове, Николаеве.

1902 год был апогеем зубатовских организаций. 22 февраля зубатовскими организациями была устроена грандиозная манифестация в Кремле. До 45.000 рабочих собралось к

памятнику царя освободителя. Полиция отсутствовала. Порядок поддерживался самими рабочими. Была отслужена панихида по Александру II и возложен венок. На панихиде присутствовал великий князь Сергей Александрович. Смотрел на происходящее с удивлением П. И. Рачковский, командированный нарочито из Петербурга. Впечатление от происходящего было большое. Манифестация рабочих происходила всего лишь несколько дней спустя после студенческий беспорядков.

В тот же день рабочие отправили в Петербург депутацию, которая возложила серебряный венок на гробницу царя-освободителя в усыпальнице Петропавловской крепости. Зубатов-легализатор был на вершине своей славы. Доверие в нем со стороны Трепова и великого князя было полное.

В конечном итоге С. В. Зубатова поддержали деятели и иерархи церкви.

В 1902 году Сергей Васильевич переводится в Санкт-Петербург, где по инициативе директора департамента полиции А. А. Лопухина, в августе назначается чиновником особых поручений 6-го класса, сверх штата МВД. В январе 1903 - Зубатову жалован 5-й класс.

Обратная сторона медали.

А между тем, над головой полицейского “реформатора” сгустились тучи. Московские капиталисты, не желающие нести лишних, с их точки зрения, расходов апеллировали в самые различные инстанции.

О Зубатове расползались невероятные слухи, его обвиняли в создании рабочего движения, в попустительстве террористам Г. А. Гершуни и потворстве покушению на министра внутренних на Д.С. Синягина.

Генерал В. Д. Новицкий договорился до причастности Сергея Васильевича к убийству уфимского губернатора Богдановича. Жена последнего, по словам генерала, состояла не больше не меньше как в любовной связи с шефом Зубатова В.К. Плеве...

В это время С. В. Зубатов пытается убедить московских предпринимателей создать рабочие комитеты на предприятиях и стать на путь разрешения трудовых конфликтов с целью сглаживания социальной напряженности.

В июле 1903 года на встрече с С. Ю. Витте и редактором газеты “Гражданин” князем Мещерским, имевшими влияние на Николая II, Сергей Васильевич пытается убедить по-

следних в пагубности репрессий в борьбе с революционным рабочим движением. Он говорит о необходимости смещения В. К. Плеве с должности министра внутренних дел... Без сомнения это была интрига. Вскоре министр узнал о ней.

К несчастью для Зубатова, именно в это время работа по созданию подконтрольной организации в Одессе закончилась большой забастовкой. Делу дали ход. Великий князь Александр Михайлович доложил о нем государю.

Крах.

Взбешенный раскрытой интригой, недовольный одесскими событиями и натравливаемый на Зубатова со всех сторон, Вячеслав Константинович Плеве доложил государю о том, что главным виновником одесской забастовки является С. В. Зубатов, действовавший самовольно и без всякого ведома министра. Докладил государю Плеве и о раскрытии им интриги и об участии в ней Зубатова. И высказал мнение о необходимости увольнения Зубатова, на что последовало высочайшее соизволение.

Сергей Васильевич Зубатов был уволен. Мстительный В. К. Плеве придал увольнению скандально-оскорбительный характер. Плеве вызвал Зубатова и, в присутствии командира корпуса жандармов генерала фон Валь, наговорил ему много резкого вообще и, в частности, за одесскую забастовку. Никогда не бывший по существу чиновником, С. В. Зубатов ответил Плеве не менее резко, указав ему, что опыты по легализации в Одессе делались с разрешения его, министра, и в заключение быстро вышел из кабинета и так хлопнул дверьми, что, что чуть стекла не посыпались.

С 20 июля 1903 года С. В. Зубатов пытается продолжить работу в Северной столице самостоятельно. Однако в октябре этого же года он выслан во Владимир на Клязьме. С 17 ноября 1903 года Сергею Васильевичу Зубатову запрещено участвовать в политической деятельности, жить в столицах или губернских городах.

В декабре 1904 года, после убийства Иваном Каляевым В. К. Плеве, Зубатов получает пенсию.

В разгар Первой Русской революции, уже после 9 января, и вплоть до манифеста 17 октября 1905 года, он неоднократно приглашается на службу. Однако и граф Витте, и князь Святополк Мирской, и генерал Трепов получили отказ.

В последующие годы С. В. Зубатов выступает экспертом в Департаменте полиции. С апреля 1906 года эпизодически сотрудничает в журналах “Гражданин”, ”Дневник”, ”Вестник Европы”.

В мае 1910 он возвращается в Москву. Ведет активную переписку с А. И. Спиридовичем, князем Мещерским, революционером Бурцевым...

Четырнадцать лет спустя после отставки , 2 марта 1917 года, Сергей Васильевич Зубатов, сидя за обедом со своей семьей в Замоскворечье, узнал, что царь отрекся... Что в России революция, - он безмолвно выслушал эту весть, вышел в соседнюю комнату....

Раздался выстрел... Зубатова не стало.

Мария Спиридонова: жертва периферийной революции.

Казнь

16 января 1906 года, как обычно, неотлучно находились с Луженовским два его телохранителя: Жданов, помощник полицейского пристава, прикомандированный к нему из Тамбова, и Аврамов, казачий есаул. О личности того и другого я сообщу позднее; теперь же набросаю картину того, что произошло на платформе станции Борисоглебска.

Луженовский вышел из вагона несколько неосторожно: его не окружало, как обычно, плотное кольцо из казаков; их было много, но не в тесной куче около Луженовского, а врассыпную по всей платформе; кроме того, они очень увлеклись публикой, разгоняя ее во все стороны, и не заметили на площадке вагона маленькой, хорошенькой фигурки гимназистки. Во всем этом винил в последствии себя Аврамов, как не принявший надлежащих распорядительных охранных мер. Она стреляла из муфты, обернутой платком. . . Когда раздался первый выстрел, Спиридонова сбежала с площадки и все время меняла свою позицию, выбирая места наиболее удобные. Таким образом, никто не мог уловить, откуда раздавались выстрелы, стреляет ли один или несколько человек, настолько они были часты и быстры в перемещении самих выстрелов.

В ту минуту все оцепенели, растерялись. Луженовский всей тяжестью своего большого тела грохнулся на платформу с признаками жизни. Никто из окружавших его казаков, жандармов не уловил, не понял, чьих рук это дело. Стрелял ли кто-нибудь из казаков, быть может, из жандармов; быть может, оказался изменник в форме охранителя?.. Все растерялись. . . никто не понимал. . . Вдруг явственно в эту минуту всеобщего смятения раздались слова: «Расстреливайте меня!». . . Все обернулись по направлению голоса и увидели маленькую гимназистку с револьвером в руках, который она подносила к виску, чтобы покончить с собой.

Ближайший к ней казак одним ударом приклада в голову опрокинул ее на платформу, и, падая, она выронила револьвер из своих рук. Когда она лежала на полу, подскочил к ней Аврамов, схватил за косу, намотал ее себе на руку и поднял девушку на воздух; другой же рукой он несколько раз ударил нагайкой по голове. Затем с размаха бросил ее маленькое тело на пол и крикнул казакам: «Бейте ее! Бейте!.. Сильнее! Без пощады!..».

И сам тут же начал наносить ей удары нагайкой и топтать ногами. Вокруг этого беспомощного, маленького женского тела столпились сильные, здоровые, вооруженные люди и друг перед другом изощрялись в ловкости нанесения ударов нагайками. Это делалось открыто, перед всеми пассажирами, перед служащими на станции и вызывало ужас, злобу и презрение при виде такой грозной зверской силы перед маленькими несопротивляющимся женским тельцем.

Руководящая и главная роль в этом истязании принадлежала казачьему есаулу Аврамову; он особенно кричал, ругался, приказывал казакам бить ее, до смерти бить: «Засечь! Совсем засечь ее!» Очевидцы рассказывали, что ни одного крика, ни мольбы о пощаде не раздалось со стороны этой маленькой женщины; только слышались визгливые возгласы есаула к казакам: «Бейте!.. Еще!.. Сильнее!» Слышались его площадная брань, свист нагаек.

Двое в городе

Мария Александровна Спиридонова родилась 16 октября 1884 года. Отец был коллежским секретарем, имел личное дворянство. Родители ее были довольно состоятельны, имели собственный дом, дачу, паркетную фабрику. Кроме Марии в семье было еще три дочери и один сын.

С малых лет родители возлагали на Марию большие надежды; росла она умненькой, способной девочкой, по натуре была очень добрая, сердечная; привязывалась к людям и умела ценить их доброе отношение. Любила делиться с другими вещами, игрушками; не умела отказывать в просьбах и часто отдавала последнее, что имела.

Когда однажды встретила ей бедная девочка, и она узнала, что у нее нет башмаков, она отдала ей свои, оставаясь в старых, дырявых. С малых лет она проявляла большие способности, 5 лет научилась самостоятельно читать, писать, без помощи гувернанток и учительниц. Потом она поступила в гимназию во II-й класс и сразу сделалась первой ученицей. Переходила из класса в класс первой ученицей, с наградами; но зато была большая шалунья. Гимназический режим ее угнетал, давил; она не могла переносить бездушного холодного формализма, выправлявшего в душе ребенка все лучшее, все живое.

Мария не могла с этим мириться, выдумывала разные протесты, была всегда первой коноводкой во всей случаях столкновений с начальством, с классными дамами. Те в свою очередь платили ей предубеждением и враждебностью.

Кончилось тем, что Марию исключили из 8-го класса, придравшись к незначительному поводу. Однажды на имя Маруси было доставлено письмо. Начальница гимназии вскрыла его и о, ужас! – в письме оказалась прокламация!

Отец к этому времени умер, семья начала бедствовать. Когда пришло время искать заработка, Мария поступила в канцелярию Тамбовского дворянского собрания. Одновременно Мария Александровна входила в Тамбовский комитет рабочего союза эсеров, который в 1905 году состоял из 38 членов: 6 крестьян и 1 крестьянина-ремесленника; 6 учениц тамбовской фельдшерской школы; 5 мещан (в том числе студента Московского университета) и 1 дочка мещанина; 2 дворян (в том числе сына врача) и 1 потомственного дворянина, 1 дочка личного дворянина; 2 потомственных почетных граждан и 1 почетного гражданина; 3 рабочих (из крестьян); 3 учеников тамбовского Екатерининского учительского института; 1 сына врача; 1 жены купеческого сына; 1 сына священника; 1 бывшего ученика Тамбовской духовной семинарии; 1 бывшего студента; 1 бывшего гимназиста. После демонстрации 24 марта 1905 года и ареста ей пришлось уйти со службы. . .

Луженовский – помещик Тамбовской губернии, имения Токаревки; средних лет – 32–35. Окончил университет и поселился в Тамбове, где работал некоторое время в качестве присяжного поверенного.

Вся его деятельность, начиная со студенческих лет и кончая последними полутора годами, носила характер стремления проводить в жизнь прогрессивные начала освободительного движения. Во время студенчества он якобы пострадал за правду, как он сам рассказывал, так как точно это никому не известно, и будто бы отсидел некоторое время в тюрьме. Работая затем в Тамбове в качестве присяжного поверенного, он держался всегда самых передовых взглядов и не находил нужным перед кем-либо скрывать их.

Относительно Луженовского в Тамбове составилось определенное мнение и репутация как о честном и либеральном человеке, к которому направлялось множество крестьянских и рабочих дел. Ему крестьяне верили, охотно шли к нему, зная, что он за них, крестьян, заступится не из-за гонорара, не за вознаграждение за свои труды, а для восстановления истины и справедливости, в силу хороших честных свойств своей души и запросов совести.

Был период, когда Луженовский даже обещал, что понесет впереди крестьян красное знамя. Однако, по прошествию времени, взгляды его изменились и он все более и более ратовал за несокруши-

мое самодержавие с причитающимися выражениями любви и преданности. Во время «весны» Святополк-Мирского Г.Н. Луженовский послал в столицу телеграмму верноподданнического содержания. . . Как следствие – место советника губернского правления. Далее статьи в «Тамбовский Губернских Ведомостях» – удивительные по своему цинизму и открытому порицанию всего того, чему он прежде верил и поклонялся. Активный деятель тамбовской организации «Союз русских людей» он с отрядом солдат умирал крестьян и подавлял аграрные беспорядки так, что по его же словам «целые села коровами ревели», например, 6 ноября 1905 года, сообщая об усмирении крестьян села Березовки, телеграфировал: «Залпом убит студент. Толпа, вооруженная топорами и вилами лезла на полуроту с криками «бей солдат!». Дал шесть залпов. Видимо, много убитых». Далее уже из другого села: «Крестьяне встретили на коленях. Обещали выдать зачинщиков и награбленное имущество. Убитых двое. Раненных неизвестно».

Расправа

О том, что было с ней после теракта и ареста М.А. Спиридонова рассказала в письме: «Потом за ногу потащили вниз по лестнице. Голова билась о ступеньки, за косу взнесена на извозчика.

В каком-то доме спрашивал казачий офицер, кто я и как моя фамилия. Идя на акт, решила ни одной минуты не скрывать своего имени и сущности поступка. Но тут забыла фамилию и только бредила. Били по лицу и в грудь. В полицейском управлении была раздета, обыскана, отведена в камеру холодную, с каменным полом, мокрым и грязным.

В камеру в 12 или 1 час дня пришел помощник пристава Жданов и казачий офицер Аврамов; я пробыла в их компании, с небольшими перерывами, до 11 часов вечера. Они допрашивали и были так виртуозны в своих пытках, что Иван Грозный мог бы им позавидовать. Ударом ноги Жданов перебрасывал меня в угол камеры, где ждал меня казачий офицер, наступал мне на спину и опять перебрасывал Жданову, который становился на шею. Они велели раздеть меня донага и не велели топить мерзлую и без того камеру. Раздетую, страшно ругаясь, они били нагайками (Жданов) и говорили: «Ну, барышня (ругань), скажи зажигательную речь!» Один глаз ничего не видел, и правая часть лица была страшно разбита. Они нажимали на нее и лукаво спрашивали: «Больно, дорогая? Ну, скажи, кто твои товарищи?»

Я часто бредила и, забываясь, в бреду, мучительно боялась сказать что-либо. В показаниях этих не оказалось ничего важного, кроме одной чуши, которую я несла в бреду.

Придя в сознание, я назвала себя, сказала, что я социалистка-революционерка и что показания дам следственным властям; то, что я тамбовка, могут засвидетельствовать товарищ прокурора Каменев и другие жандармы. Это вызвало бурю негодования: выдергивали по одному волосу из головы и спрашивали, где другие революционеры. Тушили горящую папиросу о тело и говорили: «Кричи же, сволочь!» В целях заставить кричать давили ступни «изящных» – так они называли – ног сапогами, как в тисках, и гремели: «Кричи!» (ругань). – «У нас целые села коровами ревут, а эта маленькая девчонка ни разу не крикнула, ни на вокзале, ни здесь. Нет, ты закричишь, мы насладимся твоими мучениями, мы на ночь отдадим тебя казакам. . .»

«Нет, – говорил Аврамов, – сначала мы, а потом казакам. . . И грубое объятие сопровождалось приказом: «Кричи». Я ни разу, за время битья на вокзале и потом в полиции, не крикнула. Я все бредила.

В 11 час. с меня снимал показания судебный следователь, но он в Тамбове отказался дать материал, так как я все время бредила. Повезли в экстренном поезде в Тамбов. Поезд идет тихо. Холодно, темно. Грубая брань Аврамова висела в воздухе. Он страшно ругает меня. Чувствуется дыхание смерти. Даже казакам жутко. «Пой, ребята, что вы приуныли, пой, чтобы эти сволочи подошли при нашем веселии!» Гиканье и свист. Страсти разгораются, сверкают глаза и зубы, песня отвратительна. Брежу: воды – воды нет. Офицер ушел со мной во II класс. Он пьян и ласков, руки обнимают меня, расстегивают, пьяные губы шепчут гадко: «Какая атласная грудь, какое изящное тело». . . . Нет сил бороться, нет сил оттолкнуть. Голоса не хватает, да и бесполезно. Разбила бы голову, да не обо что. Да и не дает озверелый негодяй. Сильным размахом сапога он ударяет мне на сжатые ноги, чтобы обессилить их, зову пристава, который спит. Офицер, склонившись ко мне и лаская мой подбородок, нежно шепчет мне: «почему вы так скрежете зубами – вы сломаете ваши маленькие зубки».

Не спала всю ночь, опасаясь окончательно насилия. Днем предлагает водки, шоколаду; когда все уходит, ласкает. Пред Тамбовом заснула на час. Проснулась, потому что рука офицера была уже на мне».

Когда в тюрьму явился врач для освидетельствования, Спиридонова отказалась подвергнуться подробному осмотру – со стороны живота, груди и спины. Остальные части тела она показала. На них найдено: лицо все было отечное, в сильных кровоподтеках с красными и синими полосами. В течение порядочного промежутка времени Спиридонова не могла раскрыть рта, вследствие страшной опухло-

сти губ, по которым наносились удары. Над левым глазом содрана кожа размером в серебряную монету в пятьдесят копеек, обнажив живое мясо. В середине лба имеется продолговатая гноящаяся полоса, на которой содрана кожа. На правой стороне на лбу, ближе к волосам, тоже содрана кожа порядочного размера, но какого размера, в протоколе не указано. Левая сторона лица особенно сильно отечна. Вследствие страшной опухлости этой части лица (очевидно, били правой рукой или с правого плеча) левый глаз закрылся, и в течение недели доктор не мог его открыть для освидетельствования целостности глаза, настолько сильно опухли оба века.

Около колен на обеих ногах тоже есть содранная кожа порядочного размера. Большой палец одной ноги сильно опух и окровавлен от удара чем-то тупым.

Легкие совершенно отбиты, и в них произошло кровоизлияние, поэтому у Спиридоновой все время шла кровь горлом, так что приходилось давать сильные кровоостанавливающие лекарства, после чего кровь немножко унималась.

Переломов, вывихов, повреждений других внутренних органов, кроме всего перечисленного, не наблюдалось; может, отчасти потому, что она не давалась осматривать.

Когда ее привезли в тюрьму, – значит в протоколе, – Спиридонова не могла совершенно двигаться, была в бессознательном состоянии, постоянно бредила поездом и казачьим офицером.

В конце марта 1906 года тюремный врач Финк показал, что в одно из посещений Спиридонова обратилась к нему с просьбой распознать первичные признаки сифилиса, так как по ее словам в поездке, или в одном из мест пыток она была изнасилована жандармами и казаками. По свидетельству Финка после осмотра выяснилось, что это всего лишь раздражение кожи.

Бессмертие

О событиях в Борисоглебске и Тамбове сообщили газеты. . . По свидетельству эсера С.Н. Слетова, Мария Александровна обращалась ни в газету, ни к родным, а к товарищам по эсеровской партии. Последние же сочли возможным и необходимым опубликовать письмо. Причем Слетов писал: «Личные чувства должны были смолкнуть, и, как ни тяжело было выставлять наружу страдания и язвы товарища, мы это сделали. . . и сделали, как оказалось не напрасно. Дело М.А. Спиридоновой не прошло безгласно, – оно прозвучало, как громкая пощечина самовластью. Имя нашего товарища сделалось символом страдающей России, символом борьбы до конца».

Кроме того, журналист В.Е. Владимиров проводил по просьбе газеты «Русь» расследование дела Спиридоновой и написал следующее: «Я встретил в Тамбове того человека, которому было поручено поехать в Москву и опубликовать первое письмо Марии Спиридоновой в одной из московских газет, которая согласилась бы напечатать его. Он обращался ко всем передовым московским редакциям и отовсюду получал отказ. Одна из самых храбрых газет предложила ему сделать выборки из письма и представить их за своей подписью. Когда он исполнил это, редакция все-таки, после обсуждения, отказалась печатать. И только после того, как письмо попало к одному из сотрудников «Руси», это страшное дело стало достоянием всего общества».

В консервативных газетах, в отличие от либерально-демократической и близкой к кадетам «Руси», высказывали сомнения в достоверности произошедшего. Спиридонова, очевидно, была проинформирована о подобном обстоятельстве дел и обратилась с письмом в газету «Русь». Письмо это опубликовала газета «Молва», которая начала выходить после подвергшейся преследованиям и закрытой «Руси».

«Молва» же опубликовала и «Обращение к русским матерям», написанное матерью Марии Спиридоновой – Александрой Яковлевной Спиридоновой.

25 февраля в газете «Русские ведомости» было написано, «что военное ведомство просило министерство внутренних дел препятствовать преждевременному оглашению подробностей истязания Спиридоновой, в видах ограждения обвиняемых двух офицеров от нападков, если бы возбужденное против них обвинение оказалось бы несоответствующим истине», все свидетели просили не называть их фамилий и тщательно скрыть их участие в раскрытии совершенного преступления.

Далее тему подхватила газета «Двадцатый век». . . Сотрудник газеты «Русь», В.Е. Владимиров, по свежим следам издал книгу «Мария Спиридонова». О Спиридоновой написали эсеры и кадеты, теоретики и будущие вожди террора.

Один из лидеров российской социал-демократии, а в будущем основатель советского государства В.И. Ульянов (Ленин) написал в эти дни: «Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг – со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие».

Ну а Максимилиан Волошин опубликовал поэтическое обращение «Чайке»:

... На чистом теле след нагайки,
И кровь на мраморном челе...
И крылья вольной белой чайки
Едва влачатся по земле...

Она парила гордо, смело,
И крыльям нужен был простор...
Но – вот, в грязи трепещет тело,
И вольной птицы меркнет взор...

Крыло безжалостно измято –
Полета гордого краса...
Но сердце чисто... сердце – свято...
И рвется... рвется в небеса...

Крыло измято... Но белеет
Как гор высоких чистота...
И лишь одно пятно алеет –
Пятно от дерзкого кнута...

Она кружилась в вихре бури...
Погибшей, ей не увидеть,
Когда над морем, луч лазури
Сверкнет как божья благодать...

Душа погибла в непогоду...
Погибла в мрачной темноте –
За меньших братьев, за свободу
Распятой жертвой на кресте.

Сама Мария Александровна в это время ждала суда и казни. В последнем слове на суде она заявила: «Господа судьи, оглянитесь кругом: где вы видите веселые лица довольных и счастливых людей? Их нет. Даже те, на стороне которых сейчас торжество, отзываются печалью, потому что они знают, что торжество их скоро кончится, потому что все придавленные, угнетенные и измученные перестанут стонать, а придумают что-нибудь иное, найдут выход. Я уйду из этой жизни. Вы можете меня убить, вы можете меня несколько раз хотя бы убить, можете изобрести самые ужасные наказания, но прибавить к тому, что я вынесла, ничего не можете.

Смерти я не боюсь. Убивайте меня, – вы не сможете убить мою веру в то, что настанет пора народного счастья, народной свободы, когда народная жизнь выльется в формы, где правда и справедливость будут реализованы, когда идеи братства и свободы не будут – пустой звук, а воплотятся в действительность. О, за это, право, не жалко отдать свою жизнь!..».

Военно-окружной суд приговорил М.А. Спиридонову к повешению. Однако суд нашел смягчающие вину обстоятельства для замены смертной казни бессрочной каторгой, о чем ходатайствовал перед командующим войсками Московского военного округа. О смягчающих обстоятельствах говорил на суде и военный прокурор.

27 марта Спиридонова узнала об изменении приговора. Ее ждала вечная каторга. «Моя смерть представлялась мне настолько общественно ценною, и я ее так ждала, что отмена приговора и замена его вечной каторгой подействовала на меня очень плохо: мне нехорошо. . .

Скажу более – мне тяжело!

Я так ненавижу самодержавие, что не хочу от него никаких милостей».

М.А. Спиридонову 18 мая 1906 года тайно отправили из Тамбова в Москву. 25 мая посадили в Пугачевскую башню Бутырской тюрьмы, а 21 июня вместе с эсерками А.А. Биценко, Л.П. Езерской, А.А. Измайлович, М.М. Школьник отправили на Нерчинскую каторгу. Номер поезда и его маршрут как-то стал известен. И по всему пути следования Спиридонову встречала восторженная толпа.

Трижды, в 1909, 1910 и 1911 годах эсеры по просьбе Спиридоновой пытались организовать ей побег, но не удачно. Во время Февральской революции (3 марта 1917 года) М.А. Спиридонова, А.А. Биценко, А.А. Измайлович, Ф.Е. Каплан и другие каторжанки были освобождены предписанием министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского.

Несмотря на одиннадцать лет, проведенных на каторге, Спиридонова быстро включилась в политическую борьбу. Она стала одним из организаторов партии левых эсеров-интернационалистов, затем ее избрали товарищам (заместителем) председателя ЦК этой партии, пытавшейся отстаивать интересы радикально настроенного крестьянства и части рабочих, сохранявших свои связи с деревней.

При поддержке большевиков М.А. Спиридонова стала председателем Чрезвычайного, II и III Всероссийских съездов Советов крестьянских депутатов, председателем Временного и II Исполкомов Всероссийского Совета крестьянских депутатов, председателем крестьянской секции и членом Президиума ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Левозэсеровско-большевистское большинство этих съездов, в котором тон задавали радикально настроенные крестьяне в солдатских шинелях, встало на сторону Октября и советской власти.

«Святой страдальницей революции» назвала М.А. Спиридонову большевистская газета «Солдатская правда».

О восприятии ее народом можно судить по описанной М.В. Сарычевым сцене в вагоне:

«... зверь был Луженовский. Много зла он натворил по нашей округе, никогда не забудем его. В нашем селе всех мужиков перепорол. Самых старых и тех стаскивал с печи. А что делали с бабами нашими, это прямо и сказать невозможно.

Я невольно заинтересовался разговором, который происходил в соседнем купе, и перешел к разговаривающим.

Это были три старика-крестьянина, как оказалось, из Борисоглебского уезда, один мещанин из Воронежа и две женщины – мать с дочерью, ездившие к св. Питепириму Тамбовскому.

– Мой сосед, Аксён, горячий мужик был, – продолжал старик, – как увидал, что его жену насилюют, не вытерпел, бросился к ней на помощь и тут же упал. Все кишки пропорол. А казаки хохочут, никакой жалости. Молодых девушек прямо на глазах у отцов, матерей бесчестили. Сколько потом руки на себя наложили, несчастные.

Старик замолчал.

И долгая жуткая тишина воцарилась в вагоне.

– Да, – продолжал рассказчик, отрываясь от своих задушевных мыслей, – если бы не Марья Александровна Спиридонова, долго бы еще этот злодей потиранил нас. Да Бог сжалился – послал нам своего ангела-избавителя.

– Много бедняжка тоже хватила через нас горя, совсем ведь еще ребенок была, а как ее мучили, как мытарили эти палачи-изверги, – заметил другой старик.

– Мученица была, святая. . . У нас в селе ее все в поминания свои записали. Каждый день за нее Богу молятся.

– А когда отправляли ее в Сибирь, так из многих сел отправлялись провожать ее.

– Да, у нас в Воронеже тоже слыхали про нее. Много вынесла страданий, – говорит мещанин, доставая из корзины чайник.

– Пойти кипятку налить.

А старики продолжали вести беседу о святой девушке, которая была для них такою близкой, такою понятной.

– Святая чистая душа, – говорят они.

Глянули первые звезды. В открытое окно потянуло прохладой и свежестью.

Далеко за лесом вспыхивают зарницы.

Мещанин аппетитно пьет чай. Богомолки укладываются спать. А старики все вспоминают святую девушку, свою избавительницу».

И под влиянием этих разговоров невольно забываешь накопленную жизнь. Образ героини-мученицы заслоняет собой всех тех, которые великие идеи променяли на сытую комфортабельную жизнь.

В советском кинематографе М.А. Спиридонова показана милостивой 32-летней женщиной лидером левых эсеров и наркомом земледелия II советского правительства. Младшим товарищем по революционной борьбе, с которым В.И. Ленин вел терпеливые и доверительные беседы. . .

Вместо эпилога

Когда крестьяне селения Пески, находящегося недалеко от Борисоглебска, узнали, что недавний укротитель их Луженовский кем-то убит, они послали в город Борисоглебск трех крестьян, чтобы они точно узнали имя того человека, избавившего их от жестокого мучителя, одно упоминание о котором вызвало кошмар среди населения.

В городе Борисоглебске обыватели очень интересовались, сколькими пулями и куда был ранен Луженовский. Они настолько хотели его смерти, что, когда узнали, что Луженовский не убит, а только ранен, ходили специально к доктору, чтобы узнать его мнение, действительно ли Луженовский останется жив; возможно ли получить выздоровление после двух пуль, попавших в живот.

Когда получали отрицательный ответ – радовались и успокаивались. А между тем Луженовский долго не умирал, его богатырский организм в течение 5-ти недель боролся со смертью; он сильно мучился, заживо разлагаясь; по натуре он был очень жирный, толстый человек. Раны сильно гноились, не заживали; началось на животе рожистое воспаление, которое все росло и увеличивалось, грозя захватить все тело. При перевязках прилипали куски мяса, сгнившая кожа. Страдания были большие. От него пахло так нестерпимо, что с трудом могли переносить окружавшие его даже в соседней комнате.

По поводу его долгих мучений неоднократно приходилось слышать разговор между крестьянами: «Вот как справедлив Господь!.. Накажет, да так накажет, что во всем видна его премудрость Божия. Взять вот, например, Богдановича. . . много зла сделал, много горя причинил людям, ну Господь и наказал его. . . Убили. . . и мучился он 3 дня.

– А вот нынче-то Луженовского Господь Бог покарал. . . Ну этот сделал столько зла, столько зла, что и не приведи Боже. . . Куда Богдановичу!! (и махали рукой). Словом и не расскажешь всего, сколько погубил народу.

Тоже наказал его Господь, да так наказал, что 40 дней положил ему мучиться. . .

Все наши слезы, стоны припомнились ему за эти 40 дней. . . отомстились ему!

Он захлебывался в собственных столах и криках, чувствуя, сколько страдания мы перенесли от его рук! Да! Во всем видна справедливость Божия. . .».

Глумливые помощники Луженовского закончили свою жизнь не от старости в своей постели.

Аврамов еще молодой, не более 30 – 32 лет, высокого роста, темный шатен, без бороды, но с усами. Сложен был красиво, стройно; в его фигуре чувствовалась большая физическая сила. Лицо крупное, красное и почти всегда пьяное; нос некрасивый, на щеке большая бородавка. Одевался он очень хорошо, по-видимому, много занимался своей внешностью; очень любил музыку и иногда приходил от нее в экстаз; был женат, но с женой разошелся. До опубликования письма Спиридоновой он, не стесняясь, показывался всюду, часто бывал в театре, показывался на всех собраниях, вечеринках. После же опубликования этого неприятного для него документа он реже стал показываться, в театр уже совсем не ходил; из гостиницы, где раньше стоял, переехал на частную квартиру.

Когда приехал в Борисоглебск, в первых числах марта 1906 год, генерал Безладнов для ревизии мобилизованных казачьих полков, Аврамов подал ему рапорт о том, что он не может продолжать

службу ввиду якобы расстроенного психического состояния, но этот рапорт был возвращен ему обратно. Адьютант генерала Безладнова допрашивал Аврамова по делу истязания Спиридоновой, но тот уклонялся от показаний, ссылаясь на расстроенное состояние здоровья.

2 апреля 1906 года Подьесаул Аврамов вместе с Исправником Протасовым были в квартире девиц-мещанок Антонины и Елизаветы Ефремовых, где также были студент Крюченков и дочь бывшего Борисоглебского Исправника Наталия Павловна Ламанская; часов в 11 ночи Ламанская попросила Подьесаула Аврамова проводить ее домой, на что последний согласился, взял у Крюченкова тросточку, они пошли, вместе с ним провожала Ламанскую одна из сестер Ефремовых; выйдя в калитку на улицу и пройдя по тротуару шагов десять, раздались один за другим три выстрела, которыми Аврамов был убит; бывшая с ним Ламанская в это время скрылась неизвестно куда, а Ефремова оказалась на противоположной стороне около дома Земской аптеки.

Четвертого мая, около 10 часов утра на Сюсюкиной улице около вала был убит наповал из браунинга тремя выстрелами бывший помощник пристава города Борисоглебска, приятель Луженовского Жданов, столь прославившийся в известном деле М.А. Спиридоновой. . .

В последнее время Жданов был отрешен от должности и проживал в Тамбове находясь под следствием по делу об истязаниях М.А. Спиридоновой. После чего даже родной брат отказался служить вместе с ним. Говорят, что за убитым всю предшествующую убийству ночь следили три человека, из коих двое в момент убийства бежали, а третий, настоящий убийца, пойман на месте преступления. Причем у него были отобраны револьвер системы браунинг и кинжал.

Мария Александровна Спиридонова прожила долгую жизнь. . .

Первый раз в революционной России ее арестовали после мятежа левых эсеров.

В 1922 году Максимилиан Волошин в цикле стихов «Путями Каина» характеризует героический период террористической борьбы следующими строчками:

«Безнадежность, шпионаж, цензура,

Проскрипции, доносы и террор —

Вот достижения

И гений революций».

Строительство социализма на экономической, да впрочем, и политической периферии, коей являлась Российская Империя, приобретало административный характер. В складывающейся системе общественных и политических отношений места оппозиции, даже левой, не нашлось. . .

И когда страна училась, строила, осваивала Заполярье, подымала в воздух авиационные армады, впивалась взглядом в экраны обесмертившего себя советского кино; когда тысячи молодых людей выполняя свой долг перед победившей революцией и первой строй социализма сражались в Испании, Китае, у озера Хасан и реки Халкингол, Мария Спиридонова, как и многие участники русских революций, мьгтарствовала по тюрьмам и высылкам. . .

Расстреляли Марию Александровну и еще 156 заключенных Орловской тюрьмы 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу, что в 10 километрах от Орла по направлению к Мценску и Болхово. Место казни до сих пор не найдено.

Кроме Спиридоновой в 1941 году расстреляли члена Петроградского ВРК во время Октябрьского вооруженного восстания, главного государственного арбитра при Совнаркоме СССР Ф.И. Голощекина; участника штурма Зимнего и подавления кронштадтцев П.Г. Петровского; одного из основателей кардиологии в нашей стране и историка медицины Д.Д. Плетнева; председателя Совнаркома Украины в 1918 – 1923 годах, посла СССР в Англии и во Франции Х.Г. Раковского; участника Белого движения, затем агента НКВД С.Я. Эфрона (мужа М. Цветаевой); польского и русского писателя Бруно Ясенского. . . Были расстреляны жены «врагов народа»: Я.Б. Гамарника (армейского комиссара первого ранга и заместителя наркома обороны), А.И. Егорова (маршала и первого заместителя наркома обороны), Л.Б. Каменева (первого председателя ВЦИК; она же – сестра Л.Д. Троцкого), А.И. Корка (командарма второго ранга, командующего войсками ряда военных округов и начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе), И.П. Уборевича (командарма первого ранга, военного министра и главнокомандующего Дальневосточной республики, командующего войсками Белорусского военного округа). . .

В кровавой мясорубке смешалась кровь женщин и мужчин разных судеб и взглядов. Их кровь вопиет и предупреждает нас о том, куда могут привести дороги беззакония.

Егор Сазонов - слуга революции.

Семья.

Егор Сергеевич Сазонов родился 26 мая 1879 года в селе Петровское Уржумского уезда Вятской губернии. Семья крестьянина - старовера, ставшего впоследствии лесопромышленником и купцом носила фамилию Созоновых...

Егор с детства ребенок верующий: исполняющий все служебные церковные требы, читающий псалтырь, молитвы и жития святых, долго находился под влиянием матери.

Мать Егора Сазонова - женщина вдумчивая, бесконечно добрая с разлитым оттенком на лице чего-то скорбного, страдальческого навсегда осталась в памяти и сердце Егора Сергеевича. “Какая она у меня добрая, хорошая, сколько в ней чуткости!” - говаривал он друзьям по конспиративной квартире в 1904 году. В это время нить, связывающая его с родными, порвалась окончательно, и вновь обнять их уже никакой надежды не было. Раньше, в Питере, исполняя роль извозчика, а на самом деле занимаясь наблюдениями за возможными объектами терактов, он иногда стаивал у Знаменской гостиницы. - “Раз у подъезда жду седока, - рассказывал Сазонов, - вдруг вижу из парадной выходит... мой отец... Удар кнута, и я мчался в другую сторону, сам не зная куда. Не думаю, чтобы отец узнал меня”.

Родителей своих Егор Сазонов любил пылко и страстно, “когда он начинал рассказывать о них, то весь менялся: голос становился таким нежным, приглушенным, без резких нот, музыкальным; глаза подергивались задумчивою грустью; все лицо трепетно и чуть-чуть мягко улыбалось” -, вспоминала позднее одна из ветеранов революционного движения Прасковья Семеновна Ивановская-Волощенко.

Революционное дело.

В апреле 1901 года Егор Сергеевич Сазонов был отчислен из московского университета за распространение революционной литературы и выслан в Уфу.

В этом городе он вступает в “Уфимский союз социал-демократов и социалистов-революционеров”. В марте 1902 года арестован за хранение нелегальной литературы и после более чем годичного заключения в одиночной камере выслан в Восточную Сибирь на пять лет. По дороге Егор Сазонов бежит, переправляется за границу. Именно в это время его фамилия из Созонова превращается в Сазонов, а дата рождения перемещается в 1880 год.

За границей Егор Сергеевич Сазонов вступает в “боевую организацию” партии эсеров...

К революции Егор Сазонов относился с той же фанатичной преданностью, что и в детстве к религии.

В спорах, часто возникающих в среде революционеров, он оказывался на стороне черного народного мира. По его мнению, в тех же “низах” народных были и есть грандиозные порывы беззаветного энтузиазма, геройства, самовыражения. “Мало ли у нас анонимных героев, великих безвестных могил? Наша история полна мучениками, положившими душу за други своя”- говаривал он. Негодование и горькая обида слышались в его голосе, за огульное осуждение всего без разбора, без внимательнейшего, вдумчивого отношения к огромнейшей стране, к великому народу, способному вывести свою Родину на путь человеческого существования, на путь настоящей правды и добра. На этом пути, с точки зрения Егора Сергеевича, стоял царизм и полицейско-бюрократическая система воздействовать на которых можно и должно путем революционного террора. Сазонов буквально преклонялся перед народовольцами и мечтал “воскресить героический период этих борцов”.

Дело Плеве.

Казнь министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве задумывал еще первый руководитель “боевой организации” Григорий Андреевич Гершуни. Теперь эту - же акцию планировал его ближайший помощник и преемник Евно Азеф. Он предложил следующий план: Мацеевский, Коляев и убивший в 1903 году уфимского губернатора Богдановича Егор Олимпиевич Дулебов, должны были наблюдать за Плеве на улице: Коляев как папиросник, Дулебов и Иосиф Мацевский в качестве

извозчиков. Виктор Савинков должен был снять богатую квартиру в Петербурге с “женой” Дорой Бриллиант и “прислугой”: лакеем Сазоновым и кухаркой - одной старой революционеркой - П.С. Ивановской. Это давало возможность серьезно остановиться в Питере и, не привлекая внимания, готовится к теракту.

Ивановская вспоминала, что в день вселения в квартиру было сделано объявление о найме лакея.

Вскоре “лакей” пришел наниматься на работу. Живое, радостное лицо, немного искривленный нос, выше среднего роста, гибкий и подвижный, с быстро менявшимся выражением лица, с выразительными линиями в очертаниях рта, весь трепетавший молодой радостной жизнью.

Жизнерадостная натура резко выделяла его среди нового типа молодежи с шаткой, порой издерганной душой “голеньких”.

-“Вот этот человек - настоящий, хороший”, - говорила о нем простая девушка Адель, которой он оказывал совсем незначительные услуги и был с ней внимателен, да не обижал.

-“Хороший парень ваш лакей, - замечали не раз швейцар и дворник, - к каждому нарвится подойти с открытым сердцем, всем поможет”.

Именно в это время между “хозяйкой” Дорой Бриллиант и “лакеем Афанасием” возникла горячая и трогательная привязанность, обвеянная чистой и нежной любовью.

Покушение состоялось 15 июля 1904 года. Шансов остаться в живых у министра внутренних дел фактически не было. Четыре метальщика Сазонов, Коляев, Боришанский и Сикорский направились навстречу его выезду на расстоянии 40 шагов друг от друга. Боришанский должен был пропустить Плеве мимо себя, а затем загородить ему дорогу обратно. Сазонов должен был бросить первую бомбу. В случае удачного броска остальные метальщики должны были избавившись от бомб скрыться...

Было двадцать минут десятого, когда раздалась крупная рысь, и городской на углу вытянулся во фронт... Вдруг в однообразный шум улицы ворвался тяжелый и грузный, странный звук. Будто кто-то ударил чугуном молотком по чугунной плите. В ту же секунду задребезжали жалобно разбитые в окнах стекла. Я увидел, как от земли

узкой воронкой взвился столб серо-желтого, почти черного по краям дыма. Столб этот, все расширяясь, затопил на высоте пятого этажа всю улицу. Он рассеялся так же быстро, как и поднялся. Мне показалось, что я видел в дыму какие-то черные обломки.

В первую секунду у меня - вспоминает В. Савинков-, у меня захватило дыхание. Но я ждал взрыва и, поэтому, скорей других пришел в себя. Я побежал наискось через улицу к Варшавской гостинице. Уже на бегу я слышал чей-то испуганный голос: - “Не бегите: будет взрыв еще...”

Когда я подбежал к месту взрыва, дым уже рассеялся. Пахло гарью. Прямо передо мной, шагах четырех от тротуара, на запыленной мостовой я увидел Сазонова. Он полулежал на земле, опираясь левой рукой на камни и склонив голову на правый бок. Фуражка слетела у него с головы, и его темно-каштановые кудри упали на лоб. Лицо было бледно, кое-где по лбу и щекам текли струйки крови. Глаза были мутны и полужакрыты. Ниже у живота начиналось темное кровавое пятно, которое, расплываясь, образовало большую багряную лужу у его ног.

Я наклонился над ним и долго всматривался в его лицо. Вдруг в голове мелькнула мысль, что он убит, и тотчас же сзади себя я услышал чей-то голос:

- А министр? Министр, говорят, проехал.

Тогда я решил, что Плеве жив, а Сазонов убит.

Виктор Савинков ошибался, Плеве был мертв. Коляев утопил в прудах свою бомбу и, по условию, с 12-ти часовым поездом выехал из Петербурга в Киев.

Боришанский, убедившись, что Плеве обратно не едет, так же утопил свой снаряд и покинул Петербург.

Сикорский же нарушил план и вместо того, чтобы пойти в Петровский парк и там взять лодку без лодочника, взял ялик на Взморье и утопил бомбу на глазах у яличника...

Один.

Судили Сазонова и Сикорского 30 ноября 1904 года в петербургской судебной палате с сословными представителями. Защищал Сазонова присяжный поверенный Карабчевский, а Сикорского - присяжный поверенный Казаринов. По приговору пала-

ты оба подсудимые были лишены всех прав состояния, причем Сазонов был сослан на каторжные работы без срока, а Сикорский - на 20 лет.

Такой сравнительно мягкий приговор (все, в том числе и сам Сазонов, ожидали предания военно-окружному суду и повешения) объясняется тем, что правительство, назначая министром внутренних дел кн/язя/ Святополк-Мирского, решило несколько изменить политику и не волновать общество смертными казнями.

Сазонов, как и Сикорский, после приговора были заключены в Шлиссельбургскую крепость. По манифесту 17 октября 1905 года были переведены из Шлиссельбурга в Акатуйскую каторжную тюрьму.

В далеком Акатуе суждено было узнать Егору Сазонову об трагической судьбе арестованной после покушения на Великого князя Сергея Александровича Доры Бриллиант. В Петропавловской крепости Дора Владимировна, как стало потом известно, сошла с ума. Рассказывают, что приходя в сознание она умоляла врачей дать ей яду. В это время ей разрешили встретиться с сестрой, затем переводят в больницу Николая Чудотворца, где она умирает 27 октября 1906 года.

Из Акатуя Сазонов пишет Прасковье Ивановской:

“Дорогая, незабвенная наша тетушка!... когда я оглядываюсь назад, на это бранное поле, усеянное головами тех, кто был дорог бесконечно, за кого тысячу раз готов был бы умереть, с кем неразрывно и тесно связывали самые святыя чувства, ах, я не могу назвать этого подходящим именем! - Тоска гнетет меня: мне кажется тогда, что я жил какою-то особенною, прекрасною жизнью, среди людей, которые странно не похожи на других людей: озаренные сиянием, они в моих глазах вырастают в гигантов. Хочется преклоняться перед ними. Странно, что я жил с ними, видел и осязал их и хотя любил их, но в моих чувствах и отношениях к ним, этим людям, было слишком много человеческого, низкого. И когда я вспоминаю об этих прекрасных образах, - увы! Уже образах, - меня охватывает смертная тоска; сам себе я начинаю казаться выходцем с того света, чуждым действительности, и завидую мертвецам...”

В 1908 году эсеровское подполье содрогнулось, узнав о провокаторстве руководителя “боевой организации” эсеров Евно Азефа, страшная весть достигла мест ссылки...

Российские тюрьмы времен ныне воспетого реформатора Петра Аркадьевича Столыпина особым комфортом не отличались. Доставалось в них и политическим. Кто-то сходил с ума, Марию Спиридонову в тюрьме изнасиловали надзиратели, по отношению к мужчинам практиковались телесные наказания, выливающиеся в обычные избиения. Помимо указанных безобразий, в нарушении законов Российской империи и с молчаливого согласия вышестоящего начальства политических сажали с уголовными, лишали газет и литературы, права переписки.

Начальник Зарентуйской тюрьмы Высоцкий, по свидетельству современников, отличался особой жестокостью. Осенью 1910 года тюрьма оказалась на грани массовых самоубийств. С целью привлечения внимания общественности к невыносимым условиям существования политических заключенных в России, а также надеясь предотвратить самоубийство двух товарищей Егор Сергеевич Сазонов принял яд 27 ноября 1910 года.

Самоубийство Егора Сазонова вызвало резонанс как в либеральных кругах страны, так и за границей. Перед западными демократами еще раз мелькнула “неприятная” сторона российского политического режима.

Смерть Егора Сазонова широко обсуждалась и среди революционеров России. В городах империи были распространены листовки “Памяти товарища”, последовал призыв к “оборонительному террору”, направленный уже не против столпов государства, а против его “прислужников” и “приспешников”, наиболее жестоких городских, надзирателей, начальников тюрем...

Виток кровавого противостояния сделал следующий круг, приближавший страну к кровавой развязке.

Георгий Гапон - “герой” 9 января.

Служение божье.

Полное имя и фамилия “попа Гапона” - Георгий Аполлонович Гапон - Новых. Родился он 5 февраля 1870 года в с. Беяки Кобелякского уезда Полтавской губернии, в зажиточной крестьянской семье. С 13 до 15 лет учился в Полтавском духовном училище. В 1888-1893 годах там же в духовной семинарии. В юности был близок к толстовцам.

В 1893-1886 годах земской статистик, дьячок, дьякон. Давал уроки. В 1896 году сблизился с архиереем Илларионом, с помощью которого был рукоположен в священники Полтавской Всесвятской кладбищенской церкви. Уже тогда нельзя было не заметить огромный ораторский талант новоиспеченного батюшки. В 1898 году Георгий Аполлонович овдовел. Покинув родные места он едет в северную столицу Санкт-Петербург.

В 1898 году при содействии К. П. Победоносцева, 28 летний священник поступает в Петербургскую духовную академию. Однако в 1899 году он в Крыму, на лечении. В Крыму Георгий Гапон сближается со знаменитым художником Верещагиным, знакомится с епископом Таврическим Николаем.

Последующие годы жадно учится, как следствие - сдача в 1902 году экстернатом экзаменов за 3-4 курс академии и защита вскоре диссертации “Современное положение прихода в православных церквях греческой и русской”.

В конце 1902 года Гапон - Новых священник второго убежища Московско-Нарвского отделения общества попечения о бедных и больных детях; законоучитель Детского приюта трудолюбия Святой Ольги. В это время Георгий Аполлонович разрабатывает и направляет Петербургскому градоначальнику Н. В. Клейгсу проекты создания рабочих домов и колоний, предложения по улучшению деятельности сиротских заведений. Подобная активность имела для беспокойного служителя свои последствия

- недовольство руководства попечительскими заведениями и отстранение Синодом от своих обязанностей с формулировкой за “моральную греховность”.

Однако еще в начале 1902 года Гапон по приглашению В. К. Саблера участвовал в службах церкви Скорбящей Божьей Матери в Галерной гавани, где впервые, на основе раннехристианского понимания прочел проповеди “О силе рабочего товарищества”...

В когтях дьявола.

Деятельность Георгия Гапона выходила за рамки церковных догм и была замечена... Георгий Аполлонович очередной раз привлек внимание С. В. Зубатова и его шефа К. В. Плеве.

Эсеры ввели в окружение Гапона Петра Моисеевича Рутенберга.

Полиции было проще Георгий Аполлонович Гапон с времен обучения в Петербургской духовной академии находился к контакте с начальником Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатовым. Вот извлечение из статьи Зубатова, характеризующее Гапона и его отношения с Департаментом полиции:

“Из бесед я убеждался, что в политике он достаточно желторот, в рабочих делах совсем сырой человек, а о существовании литературы по профессиональному движению даже не слышал. Я сдал его на попечение своему московскому помощнику (рабочему), с которым он затем не разлучался ни днем ни ночью. При сдаче мною должности тому лицу, которое навязало мне знакомство с Гапоном, оказался такой казус: просматривая оправдательные денежные документы, оно увидело запись: “Гапону - 100 рублей” и очень взволновалось, так как само платило ему столько же. Впоследствии это лицо мне призналось, что, будучи вынуждено давать градоначальнику подробные сведения о моих начинаниях в С.- Петербурге по рабочему вопросу и опасаясь быть назойливым в отношении меня своими расспросами, оно приставило ко мне в качестве агента Гапона, которому и платило за такое осведомление 100 рублей в месяц”.

Весной 1903 года, по указанию С. В. Зубатова Георгий Гапон написал Сергею Юльевичу Витте записку с просьбой о легализации “Собрания русских фабрично-заводских рабочих в г. С.- Петербурге”. В ноябре 1904 года оно уже объединяло около

10000 рабочих и состояло из 11 отделений в Петербурге и одного в Сесторорецке. С августа этого же года на средства Тайного фонда Департамента полиции он снимал чайную на Витебской стороне.

Крах карьеры С. В. Зубатова на деятельности Гапона не отразился, связь с охранкой он поддерживал через Е. П. Медникова.

Летом 1904 года Гапон -Новых посещает Москву, Киев, Полтаву. Цель - повторение Санкт-Петербургского эксперимента.

Собрание.

О характере “Собрания русских фабрично-заводских рабочих в г. С.-Петербурге уже более чем 90 лет спорят историки. Зачастую организацию называют “Гапоновской”. Однако можно взять и другую версию. Рядовые члены “Собрания” всегда считали Гапона своим единственным полномочным руководителем. Рабочим импонировало, что во главе их организации стоит красивый, с горящими глазами священник, что говорит он на понятном им языке. Они привыкли слушать священников, и Гапон не возбуждал в них никаких сомнений и подозрений, не то что интеллигенты с из замысловатыми призывами и сытыми лицами, вызывающими вопрос: а им-то что здесь надо? А коли на такой вопрос получить понятный ответ не просто - к интеллигентам росли недоверие и антипатия...

3 января 1905 года Путиловский завод прекратил работу. Поводом к этому послужило увольнение четырех рабочих-членов “Собрания”, и оно приняло решение - бастовать. Следом за путиловским заводом в забастовку включились другие крупные заводы Петербурга. За три дня общее количество бастующих достигло небывалой цифры - 150000 человек.

Гапон встал перед выбором - покинуть “Собрание”, но тогда он не будет нужен Департаменту полиции, или остаться с рабочими, но тогда необходимо выйти из-под контроля Департамента полиции. Гапон счел более выгодным перейти на сторону рабочих. Последующие события показали, что он сделал свой выбор вовсе не из идейных соображений.

На сходках в отделениях “Собрания” Гапон произносил зажигательные речи, смысл которых сводился к тому, что ко всем они, рабочие обращались с мольбой об облегчении невыносимого положения трудового народа и никто им помочь не пожелал, осталось одно - идти к царю искать правду. Гапон говорил простым, понятным для рабочих языком:

“Ну, вот, подам я царю “петицию”, что я сделаю, если царь примет ее? Тогда я выну белый платок и махну им, это значит, что у нас есть царь. Что должны сделать вы? Вы должны разойтись по своим приходам и тут же выбрать своих представителей в Учредительное собрание. Ну, а если... царь не примет “петицию”... что я тогда сделаю? Тогда я подниму красное знамя, это значит, что у нас нет царя, что мы сами должны добыть свои права”.

Эти слова магически действовали на наивных слушателей. Они как клятву скандировали: “Пойдем!”, “Стоять до конца друг за друга!” Тут же приступили к “обсуждению” заблаговременно заготовленной петиции и решили нести ее царю в воскресенье, 9 января.

Гапон никогда не контролировал полностью действий “Собрания”, тем более не контролировал он их в конце декабря 1904 года - начале января 1905 года. Формально “Собранием” руководило правление, избранное в апреле 1904 года. В него вошли И. В. Васильев - председатель, Д. В. Кузин - секретарь, А. Е. Карелин - казначей, Н. М. Варнашев - председатель Выборгского отделения и еще несколько человек. Гапон в правление никогда не входил. Четверо перечисленных членов правления составляли “штаб” (так они себя называли) или “тайный комитет” (так называл их Гапон).

Связь Гапона с “тайным комитетом” поддерживалась через Кузина. По мере роста “Собрания” падало влияние Гапона на членов “тайного комитета”, и наоборот, влияние “тайного комитета” на рабочих возрастало с каждым днем.

Департамент полиции регулярно получал от Гапона репортажи о состоянии дел. В них он лгал самозабвенно, лгал мастерски, и ему верили - от него слышали только то, что желали слышать. Его следует считать лжецом талантливым. Благодаря этому свойству Гапон, утаив от хозяев много важного заслужил у них редкостное доверие. В

Департаменте полиции не знали об истинных настроениях рабочих, о положении, которое занимал Гапон в “Собрании”. Хозяева были уверены, что от него зависело все, что он полновластный кормчий их детища.

Петиция.

Еще весной 1904 года Георгий Гапон прочел руководству “тайного комитета” пометки своей петиции. Георгий Аполлонович был радикален в требованиях:

-Передача земли народу и отмена выкупных платежей, дешевый кредит.

-Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

-Немедленное возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

-Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свобода слова, печати, совести в деле религии.

-Всеобщее и обязательное народное образование на государственный счет.

-Отделение церкви от государства.

-Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как по постановлению этой комиссии.

-Свобода потребительско-производственных и профессиональных союзов - немедленно.

-8-ми часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

-Нормальная рабочая плата - немедленно.

“Вот, государь, - писал Гапон, - наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно организоваться рабочим для защиты своих интересов от эксплуатации капиталистов и грабящего, и душащего народ чиновничьего правительства.

Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена; а не

повелишь - мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда дальше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу! Укажи, государь, любой из них - мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это был и путь смерти! Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России! Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее”.

Писал ли петицию Гапон действительно сам или ему помогали, неизвестно. При сравнении текстов превосходно скомпонованной и изложенной петиции с его воспоминаниями возникает сомнение в авторстве Гапона: воспоминания легковесны, безвкусны, хвастливы, плохо изложены, рассуждения и выводы не всегда логичны.

Кровавое воскресенье.

Петиция была переписана в 15 экземплярах: 11 - для отделов “Собрания”, 1 - царю, 2- министрам внутренних дел и юстиции и 1- Гапону.

8 января утром солдатам Петербургского гарнизона и прибывшему из провинции подкреплению раздали боевые патроны. Об этом стало известно в городе, и жители пришли в беспокойство. Все знали, что готовится мирное шествие. Рабочие хотели идти к царю с одной целью - передать петицию. Но все знали, что боевые патроны предназначены не для забавы.

Гапон, предчувствуя возможное противоборство правительства, направил министру внутренних дел князю П. Д. Святополк-Мирскому письмо следующего содержания: “Ваше превосходительство! Рабочие и жители г. С.-Петербурга различных сословий желают и должны видеть царя 9 января 1905 г. В 2 ч. Дня на Дворцовой площади для того, чтобы выразить ему непосредственно свои нужды и нужды всего русского народа. Царю нечего бояться. Я, как представитель “Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга”, и мои сотрудники-товарищи рабочие, даже все так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет как истинный царь с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга и благо нашей Родины.

Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор существует между русским царем и русским народом. Ваш долг, великий нравственный долг, перед царем и всем русским народом немедленно, сегодня же, довести до сведения Его Императорского Величества как все вышеизложенное, так и прилагаемую здесь нашу петицию.

Скажите царю, что я, рабочие и многие тысячи русского народа мирно, с верой в него, решили бесповоротно идти к Зимнему дворцу. Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифесте только, к нам.

Копия сего, как оправдательный документ нравственного характера снята и будет доведена до сведения всего русского народа.

8 января 1905 года. Священник Г. Гапон”.

Политические партии и внепартийная интеллигенция относились к подозрительным начинаниям Гапона враждебно, но с нарастанием революционного подъема отодвигались на задний план и затушевывались сомнительное прошлое, откровенная беспринципная демагогия и гипертрофированное тщеславие Гапона.

Вечером 8 января в редакции газеты “Сын Отечества” собрались литераторы. Им удалось заполучить тексты петиции и письма П. Д. Святополк-Мирскому. Все были взволнованы и решили послать депутацию к графу С. Ю. Витте и князю Святополк-Мирскому, чтобы поручиться за мирный характер предстоящего шествия. Депутация предполагала просить правительство не стрелять в людей, а вступить в переговоры с представителями “Собрания”.

Витте заявил, что он этим вопросом не занимается. Действительно, на правительственное совещание 7 января по поводу предстоящего вручения царю петиции председателя Комитета министров не пригласили, не пригласили его и на второе совещание 8 января. Как известно, участники этого совещания утвердили диспозицию войск на 9 января и приняли решение не подпускать рабочих к Зимнему дворцу.

Депутация вернулась ни с чем, а через три дня, в ночь на 11 января, весь ее состав: А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, И. В. Гессен, В. А. Мякотин, В. И. Семенов-

ский, М. Горький, Е. И. Кедрин и Н. И. Кареев - был препровожден в Петропавловскую крепость.

Утром 9 января все одиннадцать отделов “Собрания русских фабрично-заводских рабочих” построились в колонны и двинулись к центру столицы. Празднично одетые рабочие во главе каждой колонны несли хоругви, кресты и портреты Николая II. Шествие напоминало крестный ход, люди пели молитвы и здравицы государю-императору.

Гапон шел во главе нарвского отделения. Его неотступно сопровождал начальник инструментальной мастерской Путиловского завода эсер П. М. Рутенберг. У Нарвских ворот колонна рабочих, вооруженная царскими портретами, натолкнулась на засаду. Кавалеристы с шашками наголо во весь опор двинулись на манифестантов и, разрезав колонну вдоль, промчались от головы до хвоста, развернулись и возвратились тем же путем на место. Устрашающий маневр не подействовал - рабочие продолжали движение вперед. Несмотря на очевидность происходящего, люди не верили, что в них будут стрелять.

Но залп раздался. Он прокатился и, замолкая, смешался с предсмертными стонами и проклятиями. Первыми упали те, кто нес хоругви, кресты и императорские портреты, задние, кто пошустрее, побежали к домам, оставшиеся прижались к земле. Стрельба прекратилась, те, кто мог, поднялись, понимая, что надо спасаться. Тогда грянул второй залп... третий. Солдаты вели по людям прицельный огонь.

На окровавленном снегу остались лежать люди, кресты, хоругви, портреты. Рутенберг помог Гапону выбраться из груды человеческих тел и укрыться во дворе, забитом корчащимися, стонущими людьми. Люди метались по двору, глаза их помутнились от страха, они не понимали, что же произошло, за что в них стреляли.

Вечером, после встречи с М. Горьким, Гапон под чужой фамилией уже побритый и остриженный произнес речь в Вольном экономическом обществе. В ночь с 9 на 10 января он прячется в доме литератора И. Д. Батюшкова а, через несколько дней перебирается из Петербурга в чье-то имение и вскоре без приключений оказывается за границей..

“Заграница”.

В марте 1905 года Георгий Аполлонович Гапон-Новых был уволен со службы, лишен сана и исключен из духовного звания. Однако его это вряд ли интересовало. Уже в январе он жил в Женеве. В Женеве он встречается с основоположником российской социал-демократии Георгием Валентиновичем Плехановым, вступает в РСДРП, открывает банковский счет “Фонд Гапона”, знакомится с В. И. Ульяновым, В. Д. Бонч-Бруевичем, редколлегией газеты “Искра”.

В этот период один из революционеров описывает Георгия Гапона следующим образом:

“Человек он очень неинтеллигентный, невежественный, совершенно не разбирающийся в вопросах партийной жизни. Оторвавшись от массы и попав в непривычную для него специфически интеллигентскую среду, он встал на путь сомнительного авантюризма. По всем своим ухваткам, наклонностям и складу ума это социалист-революционер, хотя он называет себя социал-демократом и уверяет, что был таким еще во время образования “Общества фабрично-заводских рабочих”. Ни о чем другом, кроме бомб, оружейных складов и т. п., теперь не думает. Есть в его фигуре что-то такое, что не внушает к себе доверия, хотя глаза у него симпатичные, хорошие. Что в нем просыпается при соприкосновении с массой - мне трудно сказать, но вне массовой стихии он жалок и мизерен, и, беседуя с ним, спрашиваешь себя с недоумением: неужели это тот самый...”.

В Женеве его застаёт Рутенберг и увозит в Париж. Круг знакомств Гапона растет. Его представляют страстному борцу за мир социалисту Ж. Жоресу, а также крупнейшему буржуазному политику Франции Ж. Климансо...

В мартовском Лондоне он беседует с анархистом П. А. Кропоткиным.

Ближе к весне, по одним данным от американцев, а по другим от японцев Георгий Гапон получает чек на 50 тысяч франков для покупки парохода “Джон Крафтон” с оружием для революции...

В апреле он пытается провести в Париже конференцию социалистических партий России с целью объединения в боевой союз.

В мае Гапон выходит из РСДРП и при содействии Виктора Чернова вступает в партию эсеров.

Впрочем, из этой партии его вскоре исключили за политическую безграмотность. Летом 1905 года между Георгием Аполлоновичем и одним из революционеров произошёл разговор:

“ - На что же вы рассчитывали, когда 9 января вели рабочих на Дворцовую площадь к царю?

- На что? А вот на что! Если бы царь принял нашу делегацию, я упал бы перед ним на колени и убедил бы его при мне же написать указ об амнистии всех политических. Мы бы вышли с царем на балкон, я прочел бы народу указ. Общее ликование. С этого момента я - первый советник царя и фактический правитель России. Начал бы строить царство Божие на земле...

- Ну, а если бы царь не согласился?

- Согласился бы. Вы знаете, я умею передавать другим свои желания.

-Ну, а все же, если бы не согласился?

- Что же? Тогда было бы то же, что и при отказе принять делегацию. Всеобщее восстание, и я во главе его”.

Немного помолчав, он лукаво улыбнулся и сказал:

“- Чем династия Романовых лучше династии Гапонов? Романовы - династия Гольштинская, Гапоны - хохлацкая. Пора в России быть мужицкому царю, а во мне течет кровь чисто мужицкая, притом хохлацкая”.

Развязка.

Возобновление сотрудничества Георгия Гапона с Департаментом полиции скорее всего приходится на апрель - май 1905 года. После амнистии 17 октября он возвращается в Санкт-Петербург.

В России ему понадобились сообщники и он решил, что вербовка Рутенберга не составит особого труда. Однако Петр Моисеевич Рутенберг, член ПСР со дня ее основания оказался человеком делу революции преданным... Он выехал в Финляндию в

Гельсингфорс, где связался с членом ЦК эсеров, руководителем боевой организации Евно Азефом. Азеф, являясь сам агентом полиции требовал убийства Гапона.

Позже выяснилось, что Азеф вел переговоры с Рутенбергом без ведома ЦК. Когда же в там узнали о возобновлении сношений Гапона с одним из душителей революционного движения Рачковским и их предложения Рутенбергу сотрудничать с Департаментом полиции, постановили устроить суд над Гапоном с участием представителей ЦК. Интересно отметить, что Азеф не поставил в известность и своих хозяев из министерства внутренних дел о шагах, предпринимаемым им в отношении Гапона.

В конце марта 1906 года Рутенберг на имя П. И. Путилина снял в Озерках, на углу Ольгинской и Варваринской улиц дачу. 28 марта на даче собрались рабочие. Рутенберг спрятал их так, чтобы они могли хорошо слышать все происходящее в соседних помещениях. Он встретился с Гапоном в условленном месте и привел его на дачу. То, что слышали рабочие, не предполагал услышать даже Рутенберг. Приведу отрывок из их диалога (первым говорит Гапон):

“- Надо кончать. И чего ты ломаешься? 25000 - большие деньги.

- Ты ведь говорил мне в Москве, что Рачковский дает 100000?

- Я тебе этого не говорил. Это недоразумение. Они предлагают хорошие деньги. Ты напрасно не решаешься. И это за одно дело, за одно (выдача членов Боевой организации партии социалистов-революционеров). Но можно свободно заработать и 100000 за четыре дела.

- А если бы рабочие, хотя бы твои, узнали про твои сношения с Рачковским?

- Ничего они не знают. А если бы узнали, я скажу, что сносился для их же пользы.”

“Как рассказал самый молодой из слышавших эту беседу рабочий, - в литературе он остался под именем Степан, - их страшно томил этот, казавшийся невероятно долгим, спор Гапона с Рутенбергом. Для них (рабочих) давно уже вполне выяснилась возмутительная роль Гапона, и они хотели уже выйти из засады, но Рутенберг все не открывал их двери, запертой на замок снаружи. Между тем состояние их было ужасно тяжелым.

- Не могу передать, какое отвратительное состояние ожидать с минуты на минуту, что вот придется убить человека, - вспоминал Степан”.

Гапона повесили не раздумывая, не сговариваясь, все было ясно. Лишь 30 апреля полиции удалось обнаружить его труп.

Хоронили Гапона 3 мая 1906 года на Успенском кладбище. Большинство рабочих в его провокаторство не верили... Было много венков и революционных надписей. Пели вечную память, гимн “Свобода”.

На могиле похороненного был поставлен деревянный крест с надписью “герой 9 января 1905 года Георгий Гапон”.

Симон Тер-Петросян: лично известен.

Вместо анкеты.

Наименование организации, выдавшей билет: Московская организация, Краснопресненский районный комитет.

Социальное положение: революционер.

Какие специальности знаете: революционер.

Время вступления в партию: в 1901 году.

Подвергались ли репрессиям за партийную работу, когда, каким: арестован шесть раз, бежал три раза. Приговорен четыре раза к смертной казни с заменой 20 годами каторжных работ.

Пять раз ранен при побегах и в уличных боях. Арестовывался в Берлине, Софии, Константинополе и в Тифлисе, при царе и меньшевиках.

От одной из смертных казней его спасла потрясающая по силе воли и актерскому умению симуляция безумия, от другой - пролетарская солидарность, от третьей - невероятно смелый прыжок из окна тюремной больницы в бурные воды Куры, от четвертой - революция...

Партийный псевдоним: Камо. Фамилия, имя, отчество: Тер-Петросян Симон Аршакович. Родился 15 февраля 192 года в городе Гори, Тифлисской губернии, в семье мясоторговца. С 1889 обучался в Горийском городском армянском училище, откуда был исключен за вольнодумство. Нет, махры в тесто попу, в отличии от литературного Павки Корчагина юный Симон не сыпал - он все пытался выпросить на уроках по закону божьему: "Почему Христос, такой добрый человек, все же не мог устроить так, чтобы в селении Гори всем людям жилось хорошо?"

С 1901 года брал уроки у семинаристов И. Джугашвили и Г. Годзиева. Очень хотел поступить в армию вольноопределяющимся. Но не судьба. Под влиянием наставников вошел в местную социал-демократическую организацию.

У истоков партии.

В 30-50-е годы в официальной историографии революционного движения бытовала теория партии Ленина-Сталина. Партийные официальные историки увлеченно и скрупулезно доказывали наличие в Российской империи двух центров революционного движения: в Петербурге и на Кавказе, тщательно вырисовывали пути поступления ленинской “Искры” через Кавказ в центральные регионы страны, воздавая должное и не должное организационным способностям Иосифа Виссарионовича Джугашвили и даже Лаврентия Павловича Берию.

В 1901 году Симон Тер-Петросян принимает участие в знаменитой Тифлисской демонстрации. В 1903 он участвует в создании подпольной типографии в Тифлисе, в марте этого же года его фигура заметна среди лидеров Первого съезда кавказских организаций социал-демократов. Восемнадцатилетнему Камо уже тогда доверяют не больше ни меньше как охрану съезда. Впрочем, он член кавказского союзного комитета РСДРП. Недремлющая охранка впервые берет Тер-Петросяна в ноябре 1903. Молодого революционера заключают в Батумскую тюрьму. За решеткой Камо пробыл около 10 месяцев. В сентябре 1904 он бежит, обрекая себя на положение нелегала...

На баррикадах.

1905 год поставил страну на дыбы: расстрел 9 января, волна забастовок, перерастающих во Всероссийскую политическую стачку. Манифест... Говорят, что в этот период “слово свободы” стоило очень дорого, а торговать революционной литературой было выгоднее, чем овсом. В 1905 году Симон Аршакович организует нелегальные типографии в Тифлисе, Кутаиси, Чиатурах. Гражданское противостояние достигло военных столкновений и Камо обучает военному делу рабочие боевые дружины, налаживает производство ручных бомб. Большинству из нас Декабрьское вооруженное восстание известно по описаниям боев на московской Пресне, да ленинской работе “Уроки восстания”. Камо же изучил тактику уличной вооруженной борьбы не по статьям партийных лидеров. В декабре 1905 он руководит обороной восставшего рабочего района Надзаладевы. Ранен, арестован, заключен в Мехетский замок, в начале 1906 бежал...

Экспроприациями в революционной России занимались почитай все: эсеры, анархисты, социал-демократы, национальные группировки, а также благородные и не очень благородные разбойники. К чести жандармерии, она в отличие от ряда нынешних исследователей твердо проводила грань между “эксами”, революционеров и грабежом уголовников. Попытки последних списать свои действия на “политиков” - русскими жандармами не приветствовались. Каждый в случае ареста получал за свое. Что касается революционеров, то их почерком было изъятие средств у государства непосредственно, а не у частных лиц. Быть может звучит наивно, но борцы за свободу считали, что обиженным вкладчикам банков казна деньги вернет. А отбитые силой оружия налоги вторично никто собирать не будет.

В начале 1906 года группа боевиков под руководством Камо совершила экспроприации в Кутаиси и на Коджорской дороге близ Тифлиса. Уже в марте деньги поступили в Военно-технический центр РСДРП /б/ в Петербурге. В Тифлис была отправлена партия оружия. На Кавказе полыхало крестьянское восстание. В мае 1906 Камо организовал лабораторию по изготовлению бомб в селе Авгала...

Летом 1906 он едет в Бельгию. В ноябре яхта груженная оружием отшвартовалась от причала в Варне, взяв курс в Россию на Кавказ. Однако шторм прерывает намеченный курс, суденышко терпит крушение, а Тер-Петросян и сотоварищи арестовываются в Констанце, что в Румынии.

Именно в годы революции имя Камо стало буквально обрастать легендами, как дно корабля ракушками. Говорят, что переодетый грузинским князем Камо провез чемоданы с оружием в купе жандармского полковника. Коротая время за преферансом. Тяжелые чемоданы с поезда, оцепленного для проверки жандармерией вынесли ее же нижние чины. Ну а князь, расцеловавшись с полковником вынул визитную карточку и что-то написав на обороте протянул влиятельному попутчику со словами: - “Кому ни скажешь, все знают. Приезжай пожалуйста”. Уже “дома” в гостинице, выйдя из ванной, полковник аккуратно вынул из кармана кителя визитную карточку князя, чтобы не прикоснуться мокрым пальцем, поднес ее к глазам, взглянул на непонятный грузинский текст и, блаженно зевая, спросил у официанта:

- Послушай, ты, украшение рода человеческого, по-грузински читаешь?

Официант нахмурился, но пропустил оскорбление мимо ушей и поклонился.

- Завтра отправишь по этому адресу ящик шампанского “Экстра мум дрэй”. Лучшей марки.

Официант взглянул на карточку, потом на полковника, спрятал смех, брызнувший было из глаз. Швырнул карточку на пол и, схватившись за голову, завопил, будто его ужалила змея:

- Ва-а-а!

- Ты что?

- Ва, ва-а-а! - продолжал тянуть официант. Он раскачиваясь и изображая ужас, пятился подальше от карточки. Наконец, упершись спиной в стенку, он пальцем поманил к себе высокопоставленного постояльца и, плохо скрывая злорадство, шепотом сообщил:

- Там адреса нет, душа любезный. Там... спасибо, голубчик, есть... и подпись есть... Камо!..

Тифлиское дело.

Чиновники тифлиского казначейства ожидали поступления крупных денежных сумм. Деньги везли под охраной казаков. Большевистский комитет постановил изъять эти деньги и обратить их на пользу революции.

По Лорис-Меликовской улице в сторону Ереванской площади рысью проехал сначала казачий патруль.

Казачи миновали афишную тумбу. На ней болтался кусок разорванной афиши:

“...1907 года - “Гамлет”.

Возле тумбы стояла женщина с девочкой лет пяти. Женщина держала воздушный шар. Девчушка тянулась к нему, просила. Вот-вот расплатится. Но женщина, играя, не давала ей ухватить нитку.

Казачи проехали мимо скверика, в котором прогуливался мужчина, со свернутой газетой в руке, мимо ресторана “Тилипучури”, у входа в который стояла разряженная женщина.

В ресторане двое кутил чокались бокалами шампанского. На столе возле каждого из них лежало по свертку, перевязанному голубой ленточкой. Похоже подарки.

Кзаки выехали на площадь. Возле магазинов Ротионова и Гаврилова прохаживались два господина в котелках тоже со свертками в руках.

А у забора четверо оборванных мальчишек играли в “орел или решка”. Над ними вдруг вырос Камо в черкеске с офицерскими погонами.

А ну, марш отсюда! Что за игру затеяли! - Потом повернулся к двум подошедшим девушкам: - Проходите, здесь стрелять будут!

Мальчишки пустились в рассыпную. Под забором остался медный грош. Девушки с визгом убежали. Камо свернул за угол Гановской улицы. Кзаки проехали мимо. Камо достал часы и посмотрел на них.

На балконе. Над головой женщины с шаром в руке, стоял какой-то старик и вглядывался вдаль. Наконец, он перегнулся через перила и сказал женщине:

- Они!

В конце улицы появилось трое верховых казаков. За ними - извозчик. Женщина как бы случайно выпустила шар. Девочка посмотрела, как он улетаает и заплакала. Мужчина в скверике посмотрел на него и развернул газету. Это увидела легкомысленная разряженная женщина и зашла в ресторан. Кутилы со свертками подхватили ее под руки и вышли на улицу.

Трое верховых казаков уже выехали на Ереванскую площадь. За ними - извозчик с пятью солдатами. А за ним - линейка с двумя жандармами. На линейке лежал саквояж. Он был заперт цепочкой - кольцо в кольцо. И на последнем кольце висел внушительный замок. В нем были те самые деньги... По бокам линейки и позади нее лихо гарцевали кзаки.

Камо из своего экипажа видел все это. Он снова посмотрел на часы. Ровно двенадцать.

- Все точно, - сказал он.

В ту же минуту кзаки повернули на Сололакскую улицу, а линейка с саквояжем поравнялась с караван-сараям. Господин в котелке поднял перевязанный ленточкой

сверток и бросил его. Взрыв! Посыпались стекла в караван-сарай. Полетел еще сверток. Взрыв. Повалилась казачья лошадь. Еще два взрыва.

Все заволочло черным дымом. Потом загремели выстрелы пришедших в себя солдат и казаков.

Двое несли саквояж. Они бросили его в фаэтон под ноги Камо, и лошади взяли в карьер. Бешено зацокали копыта. Но вдруг на перекрестке лошади остановились: дороге преграждали бегущие солдаты.

Стой!

Солдат схватил лошадь под уздцы. С тротуара к фаэтону подбежал начальник жандармского управления. Камо соскочил на землю и взял под козырек.

-Разрешите доложить, ваше высокоблагородие! Все в порядке. Деньги здесь.

- Голубчик ты мой! - жандарм чуть не прослезился от радости. Он обнял Камо и расцеловал его в обе щеки. - Спасибо! Вези в охранное отделение.

И снова загремели копыта.

В Куоккала (Финляндия) Тер-Петросян сдал большевикам 250 тысяч рублей, сумму по тем временам огромную.

Вне закона.

По поручению большевистского центра с сентября 1907 года Симон Аршакович за границей закупает оружие. Берлинская полиция арестовывает его под фамилией Мирский с поличным (оружие и взрывчатка) 9 ноября 1907. Легальные во всей Европе и даже в Германии социал-демократы, в начале века особых беспокойств у политической охраны не вызывали. Как следствие - Камо был объявлен анархистом-террористом со всеми вытекающими отсюда последствиями. В Германии - это каторга, при выдаче русским властям - смертная казнь.

В январе 1908 Тер-Петросян начал симулировать сумасшествие, находясь в Моабитской тюрьме. Позднее писатели додумав опишут следующую сцену:

В камере у железной койки стоял Камо в полосатой арестантской одежде. По камере прохаживался полицейский чиновник.

Альзо, гер Мирский-Петросян-Камо, спектакль оконтшен. Через одну неделю вы будете предстать перед суд, как международный преступник, потом мы будем посылать вас домой к мама.

Камо, прищурясь, пристально всмотрелся в чиновника.

- Домой?

И вдруг глаза Камо помутнели, в них появилось безумие. Он забегал по камере, остановился лицом к решетке, и внезапный его истерический хохот потряс стены.

- Я - Петросян-Камо? Я - Мирский? Ха-ха-ха! Я- Александр!

Молния сверкала над Берлином, и ее вспышки отпечатывали на лице Камо тень решетки. В отдалении раскатывался гром.

- Я-Александр Македонский и выпил миллион литров чачи. Ха-ха-ха!

Лицо полицейского было спокойно:

- Фи, гер Македонский! Это есть не оригинально. Маленький экспертиза очень быстро будет вас, он поднес ко рту свой согнутый указательный палец и хищно щелкнул зубами, - раскусить.

Германские врачи признали Тер-Петросяна сумасшедшим. Однако Камо все-таки выдали. В 1909 году между двумя империями было много общего. Родственные династии, связанные личными отношениями, правящие монархи попросту называющие друг друга Ники и Вилли, идентичные политические устройства и практически полное совпадение социально-экономической системы, приведшей оба государства к войне и революции. Как следствие “Благотворительное общество попечения о бедных и больных” обратилось в прокуратуру с письмом. Неизлечимо больного Петросяна просили передать для ухода к родным и близким...

В октябре 1909 Камо передали в Россию. Его ждал уже знакомый Мехетский замок. Однако русские врачи тоже признали Симона Тер-Петросяна невменяемым. Начался международный скандал. Стремясь замять дело арестованного перевели в тюремную больницу... В октябре 1911 Камо бежал. В декабре он опять за границей.

В начале 1912 его вновь берут в Софии. Берут с партией оружия. Однако вмешиваются болгарские левые во главе с Димитром Благоевым и как следствие - освобождение.

С августа 1912 Камо работает в России. Однако в Тифлисе, на Кавказе его знает “каждая собака”. 10 января 1913 - арест, 2 марта смертный приговор и его замена 20 годами каторги по случаю 300-летия дома Романовых. Мехетский замок, Харьковская тюрьма. Освобождение пришло 6 марта 1917 года. В 1917 году у Симона Тер-Петросяна впереди было еще 5 лет жизни, жизни наполненной борьбой. Посидеть ему пришлось даже при грузинских меньшевиках. Камо лично знал Владимира Ульянова (Ленина) и многих руководителей революционного движения, знал как говорить с ноля.

Четырнадцатого июля 1922 года Симон Аршакович Тер-Петросян, партийный псевдоним Камо погиб трагически и нелепо попав на велосипеде под грузовик на Ворийском спуске в Тбилиси.

Из дали прошедших с того времени лет бросается в глаза то, что в этот период нелепые случайности унесли ни одну жизнь активных участников революционного движения...

Александр Спиридович – «по ту сторону баррикад».

Начало пути.

В Нижнем Новгороде, высоко над Волгой, почти в центре старого Кремля с его древними кирпичными, покрытыми мхом стенами и башнями раскинулось покоем буро-красное здание аракчеевского кадетского корпуса. Фасад корпуса выходит на Кремлевскую площадь, с кафедральным собором, корпусною церковью и казенными зданиями; одно крыло смотрит на свой садик-плац, другое же глядит с высоты кремля на убегающую в даль Волгу, на расстилающуюся за ней безбрежную даль лесов и лугов, на раскинувшиеся у слияния ее с Окой село Кунавино и ярмарку. Перед окнами корпуса – Мининский сквер с памятником-обелиском гражданину Минину. У главного входа четыре медные на зеленых деревянных лафетах пушки эпохи Александра I с громадными гербами графа Аракчеева, с его девизом: «без лести предан».

Таким запомнил и описал впоследствии свою альма-матер Александр Иванович Спиридович, одиннадцатилетним отроком переступивший ее порог осенью 1884 года. В далекой эмиграции этот активный участник и руководитель борьбы с революционным рабочим движением вспоминал нехитрый кадетский быт, где «гимнастикой начинался и кончался день. Каждая рота в строю проделывала упражнения в течение получаса и, кроме того, были отдельные уроки гимнастики по-ротно с палками. Всюду в ротках имелись гимнастические машины, и на переменах между уроками каждый старался пройти через какую-либо машину, особенно взобраться на мускулах по наклонной лестнице».

Где кадет «учили танцевать, но настоящая выучка всяких мазурок, венгерок и венских вальсов происходила не при учителе танцев, а в классах, за классными досками... для кадет устраивались и балы, которых очень ждало всегда дамское общество и особенно местные институтки».

Где «к женщине внушалось рыцарски-военное отношение. В отпуску на каникулах начинались невинные ухаживания, переходившие у некоторых в серьезные чувст-

ва и кончавшиеся впоследствии браками. Погоны, форма, умение хорошо танцевать помогали кадетам у барышень...»

Где «область половой сферы оставалась вне внимания нашего начальства; кадет считали детьми до восемнадцатилетнего возраста и, как во многих семьях, о взрослых юношах думали, что они «ничего еще не знают и ничего не понимают». Между тем уже с 4 класса многие кадеты познавали женщину. Одни бегали в отпускные дни на свидание к разным швеечкам и модисткам, других прибирали к рукам опытные дамы общества, а некоторые бывали даже и в публичных домах».

Через 7 лет в числе других кадетов Александр Спиридович получил золотой галун на погоны и звание вице-унтер-офицера. Благополучно прошли экзамены. По традиции окончание корпуса надо было ознаменовать попойкой...

Десять человек, в том числе и А.И. Спиридович записались в Павловское пехотное училище. Курс училища был двухгодичным. На старшем, втором, Спиридович был произведен в портупей юнкера... В тот же год он избрал скромную вакансию в Вильно, где был расквартирован 105-й пехотный Оренбургский полк.

4 августа 1893 года в Красном Селе у царского валика выпускники Павловского училища были произведены в офицеры.

Но полковая служба не удовлетворяла молодого офицера. Переход в гвардию между тем не состоялся... Следуя общей моде Спиридович стал готовиться в академию, выбрав военно-юридическую, но в то же время подумывал о переводе в корпус жандармов.

В конце января 1826 года генерал-адъютант граф Бенкендорф подал императору Николаю I записку, в которой излагал следующее:

«События 14 декабря 1825 г. и ужасные заговоры, которые в течение более 10 лет подготовляли этот взрыв, достаточно доказывают как ничтожность имперской полиции, так и неизбежную необходимость организации таковой согласно искусно скомбинированному и деятельно выполненному плану... Для того, чтобы полиция была хороша и охватывала все пространство империи, она должна иметь один известный центр и разветвления, проникающие во все пункты; нужно, чтобы ее боялись и уважали

за моральные качества ее начальника. Он должен называться министром полиции и инспектором жандармов. Только этот титул даст ему расположение всех честных людей, которые хотели бы предупредить правительство о некоторых заговорах, или сообщить ему интересные новости. Мошенники, интриганы и глупцы, обратившиеся от их заблуждений или ищущие искупить свои ошибки доносами, будут знать куда обратиться. Этот титул объединил бы всех жандармских офицеров, разбросанных по всем городам России и по всем дивизиям армии, дал бы средство поставить туда людей интеллигентных и использовать людей чистых. Чины, ордена, благодарность поощряют офицера более, чем денежные суммы поощряют людей, секретно используемых, которые часто играют двойственную роль: шпионят для и против правительства. Эта полиция должна употреблять все свои усилия, чтобы завоевать моральную силу, которая в каждом деле есть главная гарантия успеха...»

Записка эта подверглась изучению государя и обсуждению нескольких избранных императором лиц, и 25 июня 1826 года, в день рождения императора Николая I, появился приказ об учреждении корпуса жандармов, о назначении генерал-адъютанта графа Бенкендорфа шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой. 3 же июля состоялся указ о преобразовании особой канцелярии министерства внутренних дел в третье отделение собственной его величества канцелярии. Во исполнение этого указа, начальники губерний по всем делам, подведомственным третьему отделению, должны были доносить прямо его императорскому величеству.

Граф Бенкендорф в своих записках сообщал об затеянной почти сто лет назад реформе следующее: «Всю империю разделили в сем отношении на семь округов; каждый округ подчинен генералу и в каждую губернию назначено по одному штаб-офицеру; дальнейшее же развитие и образование нового установления было предоставлено времени и указаниям опыта. Учреждение в то же время третьего отделения собственной его величества канцелярии представляло под моим начальством средоточие этого нового управления и вместе высшей, секретной полиции, которая в лице тайных агентов должна была помогать и способствовать действиям жандармов».

И на рубеже XIX – XX века в ротах царской армии учили, что «солдат есть слуга царя и отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних». На вопрос же о том: кто такой враг внутренний, отвечали так: «Это – воры, мошенники, убийцы, шпионы, социалисты и вообще все, кто идут против государя и внутреннего порядка в стране».

Поддержанием «внутреннего порядка», и это знал любой армейский офицер императорской России, занимаются жандармы. Перевестись в корпус жандармов было очень трудно. Для поступления в корпус от офицеров требовались прежде всего следующие условия: потомственное дворянство; окончание военного или юнкерского училища по первому разряду; не быть католиком; не иметь долгов и пробыть в строю не менее шести лет. Удовлетворявший этим требованиям должен был выдержать предварительные испытания при штабе корпуса жандармов для занесения в кандидатский список и затем, когда подойдет очередь, прослушать четырехмесячные курсы в Петербурге и выдержать выпускной экзамен. Офицер, выдержавший этот второй экзамен, переводился высочайшим приказом в корпус жандармов.

Выдержавший предварительные испытания, по прошествию почти двух лет, летом 1899 года, А.И. Спиридович неожиданно получил вызов на жандармские курсы. Лектора читали будущим хранителям империи уголовное право, производство дознаний и расследований, железнодорожный устав... О самом главном – об общественных и революционных движениях и о методах борьбы с революционерами и революциями лектора рассказать не могли... Сами не знали.

В конце декабря этого же года, по сдаче выпускного экзамена, высочайшим приказом А.И. Спиридович был переведен в корпус жандармом. Службу начал в Московском охранном отделении, пугавшем всех тем, что начальником его был штатский – Сергей Васильевич Зубатов.

Первые успехи

Конец XIX – начало XX века ознаменовалось партийным строительством и увлечением марксизмом. Марксизм был в то время повальной болезнью русской интеллигенции, развившейся еще в 90-х годах. Профессура, пресса, молодежь, – все поклонялось модному богу – Марксу. Марксизм с его социал-демократией считался тем, что

избавит не только Россию, но и весь мир от всех зол и несправедливостей и принесет царство правды, мира, счастья и довольства. Марксом зачитывались все, хотя и не все понимали его. Студенческие комнатки и углы украшались портретами «великого учителя», а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта.

К тому же само правительство в 70 – 80-е годы XIX века покровительствовало марксизму, давая субсидии через своего сотрудника на издание марксистской литературы. Оно видело в нем противовес страшному террором народовольчеству.

Между тем, в декабре 1900 года появился первый номер «Искры», центрального органа социал-демократии. Одним из основателей ее был Ульянов-Ленин, а деньги на издание первых номеров дал сын члена государственного совета камер-юнкер Сабуров.

Широко пошло организационное строительство в те годы и у социалистов-революционеров. «Рабочая Партия политического освобождения России, объединяла из Минска свои еврейские группы в Белостоке, Екатеринославле, Житомире, имела сторонников в Двинске, Бердичеве и Петербурге. Члены этой организации, разгромленные в 1900 году по Минску, уцелели по многим пунктам. Над ними царил Гершунни, сея семена террора.

Работавшие по южной России социалисты-революционеры, после неоднократных неудачных попыток к объединению, соединились, наконец, летом 1900 года на Харьковском съезде в так называемую южную «Партию социалистов-революционеров» и выпустили программный манифест.

На севере работал «Союз социалистов-революционеров» во главе с Андреем Аргуновым..

«Союз» образовался в 1896 году в Саратове, но на следующий же год руководители его перебрались в Москву, где в течение двух лет «союз» заводил иногородние и заграничные связи и налаживал дело. «Союз» издал на гектографе несколько прокламаций и брошюр и отпечатал вновь свою программу – «Наши Задачи».

Чуть раньше, осенью 1899 года с деятелями «союза» познакомился приехавший из-за границы Евно Азеф. Он явился с хорошими рекомендациями от заграничной

организации Житловского и был принят хорошо, как человек сочувствующий социалистам-революционерам и их делу.

Живя за границей, Азеф уже в то время давал кое-какие сведения заведывавшему заграничной агентурой департамента полиции П.И. Рачковскому. Тогда это был еще маленький сотрудник.

Весной 1900 года эсеры поставили в Сибири небольшую типографию, но вскоре переправили ее в Финляндию. В январе 1901 года появился первый номер отпечатанного ими журнала «Революционная Россия», вскоре «Летучий листок» в память 1 марта 1881 года, а в конце мая 1901 года вышел и второй номер «Революционной России», призвавшей к борьбе, к террору... Далее – более... Руководители организации решили перенести типографию обратно в Сибирь, в Томск. Туда следовало перевезти из разных мест типографские принадлежности, необходимо было также объехать некоторые города и организовать доставку корреспонденции и разных материалов.

Все это надо было не упустить, видеть и знать Московскому отделению. За финляндской дачей наблюдение было усилено, социалисты-революционеры А. Аргунов, Мария Селюк, С. Барыков и еще некоторые были обставлены наблюдением опытных филеров. Летом С. Барыков поехал на юг; поехали за ним и филеры. Он посетил ряд городов, побывал на Кавказе, где особое внимание уделил Баку, и, наконец, проехал в Томск, куда отвез тяжелый багаж – то были части новой типографии.

В середине сентября 1901 года А.И. Спиридович получил предписание экстренно выехать в Томск для «производства ликвидации типографии и дальнейшему дознанию». Однако 23 сентября местная томская жандармерия в сопровождении наряда полиции и филеров нагрянула неожиданно в переселенческий пункт, где в домике администрации была обнаружена на полном ходу типография социалистов-революционеров.

Приехав в Томск, познакомившись с властями и приняв дело А. Спиридович был поражен данным делу направлением. Виновные были привлечены по статьям за устройство типографии без надлежащего разрешения, как будто это касалось самой ле-

гальной типографии. О сообществе, преследовавшем изменение существующего политического строя, не было и в помине.

В Томске А.И. Спиридович проработал до второй половины декабря. Он установил связи революционеров с Омском, Петербургом, Москвой, Ярославлем, Нижним Новгородом и Черниговом. Установил он и совершенное неучастие в делах прокуратуры, выступающей в подобных делах в роли адвоката.

По окончании дела, из числа привлеченных к нему социалистов-революционеров двенадцать человек были сосланы в Сибирь на сроки от трех до восьми лет, которые были позднее сокращены. Многие из них приняли затем вновь видное участие в революционной работе. Так, Севастьянова бросила бомбу в московского генерал-губернатора Гершельмана, Н. Куликовский убил графа Шувалова, С. Барыков и Н. Чернова участвовали в подготовке убийства генерала Трепова, а Аргунов играл большую роль в центральном комитете и т.д.

И тем не менее, с точки зрения самого Александра Ивановича департамент полиции не сумел тогда помешать сплочению партии, хотя и имел к тому полную возможность. Не сумел, хотя имел около центра своего осведомителя Азефа, хотя объединение происходило за границей, где находился весьма талантливый его чиновник Петр Иванович Рачковский, получавший сведения непосредственно от Азефа. Центральный и руководящий по розыску правительственный орган не был на высоте положения. Там чванились знанием розыскного дела, но промахи делали непоправимые. Не даром же особым отделением в то время заведовал красивый светский Дон-Жуан, любитель-театрал Леонид Александрович Ратаев, слывший в Петербурге под кличкой «Корнета Отлетаева».

В феврале 1902 года А.И. Спиридович принимает участие в ликвидации студенческих беспорядков в Москве. Выдержка, такт в поведении с подчиненными, арестованными и вышестоящим начальством делают его заметной фигурой – он приобретает солидную служебную протекцию от московского обер-полицмейстера, а впоследствии петербургского генерал-губернатора Дмитрия Федоровича Трепова.

Полная нервного напряжения работа свалила А.И. Спиридовича. Врачи ставили туберкулез и требовали выезда на юг в Абастуман. Средств не было. Списались с Петербургом.

События развивались стремительно: 2 апреля из Петербурга телеграфировали – убит министр Сипягин... В те же дни из департамента пришло распоряжение о немедленном отъезде в Тифлис для ознакомления в положении революционного движения на Кавказе, это была возможность заняться здоровьем. Служить в Москве А.И. Спиридовичу больше не пришлось. Он уезжал из Москвы увозя новый служебный опыт, крест Станислава 3-й степени, как поощрение к работе, и первый высочайший подарок – золотые карманные часы с государственным гербом, пожалованные во время высочайшего приезда в те годы в Москву государя императора.

Взлет

По назначению министром внутренних дел В.К. Плеве и директором департамента полиции Лопухина Александр Спиридович был отправлен таки в Абастуман на лечение. Однако отдыхать ему пришлось недолго. С новой реформой, его как самого молодого и подающего надежды назначили начальником Таврического отделения. На службу ему пришлось отбыть срочно, в Ливадию на отдых ехал Николай II с семьей. В декабре 1902 царь возвратился в северную столицу, а А.И. Спиридович получил новое назначение – Киев. Начальник киевского жандармского управления генерал Новицкий в жандармско-революционном мире являлся знаменитостью. Он 25 лет состоял начальником одного и того же Киевского жандармского управления и прослужил их довольно талантливо и громко. Боролся он некогда с народовольцами и с успехом. Был в молодости красив и представительен. Но это было все. В 1903 году это был тучный генерал с короткой шеей, бритый, с энергичной седой головой, с черными нафабреными усами и бровями, с живыми глазами. Говорил громко. Одевался отлично. Дома ходил по-старинному – в белом жилете с Владимиром на шее и в расстегнутом сюртуке.

Он весь был в прошлом и любил рассказывать о былых днях и делах. Нового революционного движения он не знал. Агентуры настоящей не имел. От Витте, после

открытия Киевского политехнического института, он получал на специальную по нему агентуру десять тысяч в год, но это было их обоих частное дело. Во всех городских сплетнях и передрыгах был отлично осведомлен. Играя каждый день в карты в клубе с местными тузами, между которыми были и евреи, считал, что получает от них богатейший осведомительный материал.

Полиция, чиновники, местное население его боялись очень, активные же революционеры над ним посмеивались. Вскоре после приезда Спиридовича, зная о предстоящем 25-летнем юбилее генерала по должности начальника управления, местный комитет РСДРП выпустил посвященную ему крайне ядовитую прокламацию – адрес, отпечатанную во множестве экземпляров «косым» шрифтом.

Окинув прошлую службу генерала и указав на преследования, которым подвергались от него местные организации, комитет благодарил генерала за исключительно снисходительное к нему отношение, благодаря чему комитет, де, мог работать спокойно, и его типография успела «стереть» свой косой шрифт. И вот, меняя последний на другой, комитет считает своим долгом поблагодарить юбиляра. Прокламация была не в бровь, а в глаз и доставила генералу много неприятных минут.

В Киеве агентура вывела А.И. Спиридовича на руководителя боевой организации эсеров Г. Гершуни. В ночь с 5 на 6 мая 1903 года он узнал, что 6 мая будет убит в Уфе губернатор. Телеграмма в департамент запоздала. Из Уфы сообщили – губернатор Н.М. Богданович – убит.

Казалось Григорий Андреевич Гершуни (он же Герш Исаак Ицков) организатор убийства Д.С. Сипягина и покушения на Оболенского ушел безнаказанно. Однако 13 мая на квартиру к А.И. Спиридовичу явился один из его сотрудников, по кличке «Конек» и сообщил, что в местном комитете эсеров ждут кого-то важного... Забрав эсеровские адреса, Спиридович поехал к начальнику почтово-телеграфного округа просить информацию о депешах на обозначенные квартиры.

О дальнейших событиях полковник Спиридович вспоминал позже: «13 мая утром явился ко мне на квартиру совершенно необычно один из моих сотрудников «Конек» и сообщил, что в местном комитете получена телеграмма которая очень всех взволнова-

ла. Что, видимо, должен приехать кто-то очень важный. Чувствовалось, что "Конек" что-то не договаривает. Как ни старался я узнать что-либо еще – не выходило, а по глазам видно, что знает больше, но что сказать боится. Гершуни – подумал я. Я перевел разговор на другую тему и попрощался с ним, как бы ни придав услышанному большого значения. Расставшись с „Коньком“, я послал первую в тот день телеграмму директору о полученных сведениях, прибавив, что по моему предположению они касаются Гершуни. Очень уж взволновались в лечебнице. Забрав затем интересные эсэровские адреса, я поехал к начальнику почтово-телеграфного округа, прося установить, не получалось ли на кого-либо из них депеши вчера или сегодня. Вскоре он мне сказал, что была депеша на имя Рабинович по адресу лечебницы. Я попросил копию депеши, но она была принята по аппарату Юза, а в таких случаях лента наклеивается на бланк, и в бюро следа не остается. Волнуясь, я стал просить добыть копию, и симпатичный старик обещал затребовать служебное повторение. Распрощавшись с ним, я поехал домой, приказал снять наблюдение с эсдеков и собрать всех освободившихся людей в отделение. В канцелярии – скрытое волнение. Моя нервность передается служащим.

Часа через два томительного ожидания послышался звонок по телефону от начальника округа: просят приехать. Спешу. Начальник округа подал мне синий бланк. Едва скрывая волнение, читаю:

„Папа приедет завтра. Хочет повидать Федора. Дарнищенко“. Перечитываю депешу несколько раз, не верю своим глазам. Все ясно. Я поблагодарил горячо начальника округа и помчался домой. Конечно, все ясно думалось мне. Папа – это Гершуни, Федор – одно из наблюдаемых лиц, Дарнищенко – место назначенного свидания – станция Дарницы. Иначе не может быть! И в голове стучит, что и как надо сделать. Приехав домой, в отделение, я позвал заведующего наружным наблюдением. Мы обсудили с ним положение дел. Он согласился с моими заключениями. Мы сделали наряды на железнодорожные станции: Киев-первый, Киев-второй, Дарница и Боярка и оставшимися людьми усилили наблюдение за эсэрами. Я приказал собрать филеров, чтобы сказать несколько слов. Говорить с ними было легко. Все они были запасные

унтер-офицеры из войск. Я предупредил их, что по полученным сведениям к нам должен приехать Гершуни и, что его надо арестовать во что бы то ни стало, что все, что зависело от меня, как начальника розыска, я сделал, и что теперь дело уж наружного наблюдения. Я требовал быть внимательнее, действовать умно и решительно и приказал проверить, заряжены ли у всех браунинги. Люди были наэлектризованы. Ответом мне было военное: „постараемся, господин начальник!“

Наряды ушли. В наблюдение отправлены все, даже канцеляристы. Остались лишь дежурные. Я отправил Директору вторую телеграмму, указав, как я понял добытую с телеграфа депешу, и какие приняты окончательные меры для заарестования ожидаемого Гершуни. Между тем Гершуни, подав после Воронежа со станции Нижнедевицк телеграмму, спокойно продолжал свой путь.

Совершив удачно убийство Богдановича, он предполагал побывать в Киеве, проехать в Смоленск по делам и затем перебраться за границу. Осторожный ко всему, он внимательно посматривал на проходивших иногда кондукторов, стараясь закрываться при появлении их газетой, как бы читая ее.

Около шести часов вечера, дежурившие на станции Киев-второй филеры, встретили шедший в Киев пассажирский поезд. Когда поезд остановился, из вагона вышел хорошо одетый мужчина в фуражке инженера с портфелем в руках. Оглянувшись рассеянно, инженер пошел медленно вдоль поезда, посматривая на колеса и буфера вагонов. Вглядываясь в него, наши люди не двигались. Поезд свистнул и ушел. Инженер остался. Как будто бы – „он“, думали филеры, но сходства с карточкой нет! Вдруг инженер остановился, нагнулся, стал поправлять шнурки на ботинках и вскинул глазами вкось на стоявших поодаль филеров. Этот маневр погубил его. Взгляды встретились...

Наш, – сказал старший филер, – глаза его, с косиной, он.

Филеры стали еще осторожнее. Каждый делал свое дело. Все были одеты по-разному, двое богомольцами. Близко была Лавра.

Оправившись, Гершуни пошел вдоль полотна и направился к городу. Пошли и филеры. Арестовывать его было нельзя: место неудобное, город далеко, может уйти.

Стали подходить к конечной станции конки, что шла по большой Васильковской улице от станции „Лебедь“, до самой лечебницы Рабинович. Гершуни подошел к ларьку минеральных вод и спросил лимонаду. Он очень волновался: рука дрожала, стакан ходил. Выпив кое-как лимонад и расплатившись, он направился к вагону. Двое филеров опередили его и заняли площадку. Гершуни бледный как полотно зашатался. Задние филеры схватили его: „Вы арестованы!“

Появились извозчики, городской.

Задержанного усадили с двумя конвоирами на перед него извозчика, остальные уселись на заднем и все поехали в Старокиевский участок. Было уже темно. Гершуни старался улыбаться, говорил, что агенты, очевидно, ошиблись, что он ничего дурного не сделал, что, очевидно, это недоразумение. Филеры соглашались, что может это и так, и что в Старокиевском разберут. Это, видимо, успокоило задержанного. Ему разрешили курить. Так доехали до участка. Послали за мной. Я в тот момент был на свидании в конспиративной квартире. Услышав от прибежавшего нарочного, что "шляпа" арестован, я полетел с ним в Старокиевский участок. Встретив по дороге товарища прокурора палаты Корсака, я схватил его на радостях, расцеловал и сказав, что случилось, помчался дальше.

На лестнице участка перевожу дух, стараюсь казаться спокойным, вхожу.

Большая комната полна народу: филеры, чиновники, полиция. Лица возбужденные. Спрашиваю: „Где он?“ Показывают. Никакого сходства с фотографией.

– Кто вы такой, как ваша фамилия? – обращаюсь я к задержанному.

– Нет, кто вы такой! – закричал на меня Гершуни. – Какое право имели эти люди задержать меня? Я – Род, вот мой паспорт, выданный киевским губернатором. Я буду жаловаться!

– Ну и нахал же, – подумал я. Назвав себя, я продолжал:

– Что же касается вас, то вы не господин Род, а Григорий Андреевич Гершуни. Я вас знаю по Москве, где вы были арестованы.

Гершуни сразу как бы осел.

– Я не желаю давать никаких объяснений, – проговорил он резко.

– Это ваше дело,— ответил я и приказал произвести личный осмотр.

Из заднего кармана вынули браунинг, заряженный на все семь. В кармане был еще восьмой патрон. В стволе налет от выстрела. При нем оказалось 600 с лишком рублей и 500 франков, записная книжка с шифрованными пометками, пузырек с бесцветной жидкостью и два паспорта на имя Род, из которых один заграничный, фальшивый.

В портфеле же, который составлял весь его багаж, была чистая смена белья и несколько мелко исписанных листков. Оказалось, что это были: черновик прокламации об усмирении рабочих в Златоусте, черновик прокламации боевой организации об убийстве Богдановича и две статьи о том же убийстве. По прочтении их не оставалось сомнения, что Гершуни ехал прямо с убийства Богдановича, что он являлся автором и приговоров об убийствах, печатавшихся от имени боевой организации, и отчетов об убийствах, а также автором и хвалебных гимнов о боевой организации и ее работе, т.е. о самом себе.

Во все время производства обыска и писания протокола Гершуни угрюмо молчал, вскидывая иногда глазами на кого-либо из присутствующих.

Только при чтении протокола, заметив дату 13 мая, он сказал, саркастически улыбаясь:

— Жандармам и тринадцать везет!

После составления протокола, Гершуни поступил в распоряжение жандармского управления и был заключен в камеру при Старокиевском участке. Роль охранного отделения была окончена. Мы наше дело сделали.

Вернувшись домой и выслушав доклады филеров, арестовавших Гершуни, я горячо поблагодарил их и послал третью телеграмму директору уже об аресте, в которой просил разрешения не производить в целях сохранения от провала агентуры никаких партийных арестов.

Сделав все это, я поехал к генерал-губернатору. Выслушав доклад, генерал Драгомиров взял меня за плечи, поцеловал и сказал: „Молодчина, и везет же вам, молодчина!“

Арест Гершуни встретил у высшего начальства в Петербурге полное удовлетворение. Охранное отделение было награждено. Всем подчиненным Спиридовича были выданы солидные денежные награды. Сам Александр Иванович был пожалован чином полковника. На такую высокую награду он не имел права рассчитывать. Шел всего десятый год офицерской службы и шестой месяц в чине ротмистра.

Вместо эпилога

Революционеры по заслугам оценили деятельность молодого жандармского офицера. Однажды к нему пришел сотрудник из рабочих – Руденко. После получасовой беседы о боевых группах разбитых на пятерки и о большевистской организации... Впрочем, слово самому Спиридовичу: «Уже с полчаса мы беседовали с Руденко, хотелось спать, но все-таки я делал какие-то заметки в книжку. Вдруг, вижу, мой собеседник вынул откуда-то браунинг и навел его на меня в упор. У меня как-то сразу отяжелели и похолодели ноги. Инстинктивно я протянул руку, сжал револьвер и, отведя его в сторону, выдавил из рук Руденко. Теперь меня бросило в жар. Руденко смотрел смущенно, пытался улыбаться, но это выходило криво. Спрашиваю: «Что это?» – Отвечает, что это выдано из боевой организации для практики. Рассматриваю пистолет – щеки отвинчены, номера спилены, выгравирована какая-то надпись; все как следует, когда идут на убийство. В мозгу сверлит – по мою душу.

Мы молчали. Я посмотрел на него внимательно, он опустил глаза. Неловко. Я позвонил, вошел мой служащий.

Проводите сотрудника и больше его сюда не пускайте, – сказал я ему. – А вы, Руденко, забудьте и дорогу сюда. Это будет лучше для вас.

Он вышел опустив голову. Я остался один, я чувствовал себя точно меня избили».

Однако пуля революционеров все-таки настигла полковника Спиридовича. Стрелял тот же Руденко по решению Киевской организации большевиков. Царь после доклада о ранении собственноручно начертал: «Желаю Спиридовичу скорого полного выздоровления». Через несколько дней за ранее имевший место арест лаборатории по изготовлению бомб Александр Иванович был жалован Владимиром 4-й степени. Однако служить ему пришлось недолго, ввиду тяжелого состояния здоровья Спиридови-

ча освободили от должности начальника отделения. Так он расстался с розыском навсегда.

Руденко был схвачен через два дня после покушения и получил 6 лет каторги.

Сам Александр Иванович Спиридович активно участвовал в политической жизни страны будучи заведующим секретной агентурой царского двора. О чем впоследствии был вынужден дать далеко неоднозначные показания следственной комиссии Временного правительства... Его руке приписывают содействие в убийстве П.А. Столыпина, участие в деле Распутина... Он же оставил несколько книг о том чего, по его мнению, не хватало при подготовке будущим жандармов. Книги были посвящены революционному движению. Изданные в России в 1916 и 1918 годах работы Спиридовича до сих пор анализируются историками и относятся ими к «охранительной» историографии.

На беду главной жертвой, «по ту сторону баррикад» оказались жена и дети Спиридовича. Как будто бы предчувствовал в далеком 1898 году его будущий тесть – присяжный поверенный и сын генерала – севастопольского героя – будущее несчастье. Тогда он не хотел, чтобы зять его был жандармом, предлагая, дочери материальную поддержку, а зятю протекцию в гражданской службе...

В мае 1905 года жена и дети Александра Ивановича наблюдали из окна происшедшую драму, как неизвестный стрелял мужу и отцу в спину. Пережитое супругой полковника потрясение от увиденного было так велико и ужасно, что она заболела тяжелой психической болезнью, от которой ей было не суждено поправиться.

А дети? «Дети сперва имели около себя больную «маму», не понимая ее странных поступков, а затем утратили и ее». Пройдет несколько лет, и они утратят Родину – страну, которую их отец, так и не сумел спасти. Быть может потому, что не сумел понять всей глубины происходящих на ее просторах процессов.

Сталин до Октября: становление государственного деятеля.

В июне-декабре 1895 года на страницах, редактируемой известным поэтом Ильей Чавчавадзе, газеты «Иверия» появились строки:

«Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли,
Тебе увидеть привелось...».

Под этими строками и еще несколькими стихотворениями стояли подписи «И. Джошвили или Сосело».

Сосело – уменьшительное от Иосиф. Имя Иосифа Виссарионовича Джугашвили, окончившего в 1894 году Горийское духовное училище и поступившего в Тифлисскую православную семинарию. Родился Сосело 9 (21) декабря 1879 года в семье кустаря-сапожника из крохотного Гори. Большого труда составляло родителям отправить мальчика на учение, лишив мастерскую лишних рабочих рук. Любопытный и сообразительный мальчик многое видел и понимал.

«Когда кромешной тьмой томимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
«Когда кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай –
Тогда гнетущей души тучи
Развеет сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.»

В августе 1898 года 18-летний Иосиф Джугашвили вступает в организацию РСДРП. Тогда же в рядах группы «Месеме-даси» он ведет работу среди рабочих же-

лезнодорожных мастерских.... В 1899 году юношу исключают из семинарии за революционную деятельность.

«Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандуром,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Однако, партии нового типа были нужны профессиональные работники, профессиональные пропагандисты. В 1899 году 20-летний Джугашвили становится профессиональным революционером... Он делегат 1-й конференции РСДРП в Таммердфорсе

(1905), 4-ого (1906 г.) и 5-го (1907 г.) съездов партии. Партийная работа это не только и столько съезды.

В конце 1905 – начале 1906 года на Кавказе активизировали деятельность анархисты. В. Черкедишвили и его приверженцы Михако Церетели (Батон), Шалва Гогелия (Ш.Г.) Анархисты развернули ожесточенную кампанию критики социал-демократических идей на страницах газет «Набати» и «Муша». Опубликованная ими серия статей под общим названием «Анархизм и социализм» получила ответ в газете «Ахали Цховреба», вышедшей в свет в июне – июле 1906 года.

После закрытия этой газеты Иосиф Джугашвили открыл еще одну – «Ахали Дроеба», где продолжил полемику с анархистами... позднее появились 13 номеров «Наша жизнь» (Чвели Уховреба») и 31 номер «Время» (Дро). Редактировал оба издания тот же Джугашвили.

Первая русская революция всколыхнула империю.

Все перемешалось... В 1907 году Иосиф Джугашвили участвует в экспроприациях. Позднее, в августе 1917 года в статье «Новая коалиция», член Бюро ЦК РСДРП /б/ и член редакции «Правды» напишет: «В 1906 году, когда революция развивалась в России, Запад помог царской реакции оправиться, ссудив ей 2 млрд. рублей. Царизм действительно окреп тогда ценой нового финансового закабаления России Западом».

В 1906-1907 годах экспроприации буквально захлестнули Россию. «Эксами» занимались и эсеры, и анархисты, и социал-демократы. Широко известно имя Камо (Тер-Петросяна Симона Аршаковича) сдавшего в фонд большевистской партии, после экспроприации Тифлисского банка, колоссальную по тем временам сумму в 250 тыс. рублей.

В Сибири «эксами» занимались социал-демократы Тюмени и Кургана. Широко практиковалась подобная форма Забайкальской федерацией групп вооруженного восстания. Были случаи, когда экспроприации перерастали в грабежи полууголовных элементов, прикрывавшихся революционной доктриной. Но от подобных случаев комитеты революционных партий отмежевывались, да и жандармское управление, судя по архивным данным, находило разницу между теми и другими.

Социал-демократ Сталин был экспроприатором... считал возможным и нужным для революции. К тому же эксам подвергались «казенные» деньги, т.е. часть средств полученных из-за границы.

Через десять лет в статье «Американские миллиарды» Сталин писал «1,5 миллиардный заем, размещенный Временным правительством в США под финансирование его малой программы. Ответ ясен. Коалиция существует на американские миллиарды, за которые придется потом отдуваться русским рабочим и крестьянам». Может быть это понимание облегчало для революционеров участие в «эксах». Деньги, взятые в 1906 году для подавления революционных рабочих использовать для вооружения этих рабочих. Логично? Просто. Безответственно? Не более чем занимать под любые условия с одной целью – удержаться у власти.

Между тем жизнь революционера-нелегала полна опасностей. В 1906 году шведская полиция задерживает Джугашвили прибывшего в Стокгольм на IV Съезд РСДРП. Описание задержанного: «маленький, худой, черные волосы, короткая борода и густые усы; рябой (следы оспы); карие глаза, большой нос, одет в серое драповое пальто и кожаную кепку». В 1908 году арест в Баку... Где за революционной борьбой остались жена и крохотный сын Яков, ведущие отнюдь не безбедное существование. А Коба между тем сослан в Нарым... Бежит... В эти годы он начинает звать себя Сталиным.

В январе 1912 года на заседании ЦК, избранного 6-й (Пражской) Всероссийской конференцией РСДРП, И. В. Сталин (Джугашвили) был заочно кооптирован в русское бюро ЦК. В 1912 – начале 1913 года он работает в Петербурге. Объектом его деятельности становятся газеты «Звезда» и «Правда». Тогда же И. В. Сталин пишет работу «Марксизм и национальный вопрос». Работа, написанная в период повышенного международного внимания к проблеме, вызывает живой интерес В. И. Ленина. В феврале 1913 он пишет Горькому: « У нас один чудесный грузин засел и пишет для «просвещения» большую статью собрав все австрийские и прочие материалы». И после ареста И. В. Сталина в редакцию «Социал-демократа». «... У нас аресты тяжкие. Коба взят. Коба успел написать для трех номеров «Просвещения». Брошюра, вышедшая в изда-

тельстве «Прибой» (Петербург) была изъята из всех библиотек и читален по распоряжению министра внутренних дел.

В это время И. В. Сталин (Джугашвили), он же Коба жил другой жизнью и в другом месте.

Февраль 1913 года. Департамент полиции: «23 февраля 1913 г в театральном зале Калашниковской биржи состоялся концерт и костюмированный бал. Денежный сбор с вечера распределялся следующим образом: 50% – в пользу легальной социал-демократической газеты «Правда», 25% – в пользу «Просвещения» и 25% – в пользу ленинского Петербургского комитета РСДРП. Присутствовали члены Государственной Думы в составе социал-демократической фракции: Бадаев, Чхенкели, Шагав, Скобелев, Хаустов и несколько лиц, находящихся под наблюдением. На этом вечере был обнаружен и арестован разыскиваемый Департаментом полиции видный социал-демократический деятель, агент Центрального Ленинского комитета РСДРП, крестьянин Иосиф Виссарионов Джугашвили, бежавший из Нарымского края». За арестом последовала высылка в Туруханский край.

Революционная деятельность Сталина в вышеупомянутые годы тема исследований не всегда однозначных. Так по одной из версий в 30-е годы сотруднику НКВД Штейну была передана папка заместителя директора департамента полиции города Москвы Виссарионова. Открыв папку, Штейн обомлел, он увидел почерк вождя. Папка действительно прекрасно характеризовала Сталина, однако не Сталина-революционера, а Сталина-агента, провокатора, который неумолимо работал на царскую полицию. Штерн был потрясен. Экспертиза и анализ, якобы проведенные тут же, подтвердили возраст бумаги и идентичность почерка. Не оставалось и тени сомнения: Иосиф Сталин долгое время был агентом царской полиции и действовал в этом качестве до середины 1913 года. Папка, по данным исследователей, содержала не только агентурные донесения грузинского революционера, но и свидетельствовала о его попытках сделать карьеру в тайной полиции. По якобы имеющимся данным некоторые из сталинских сообщений относились к деятельности IV Думы, большевистская фракция которой во главе с Романом Малиновским состояла из 6-ти человек. Судьба Ма-

линовского известна – он был расстрелян в 1918 году. Соперничество Сталина и Малиновского, по мнению ряда историков перестроечной поры, шло как за влияние в партии, так и за влияние в полиции. Однако Сталинская попытка свалить Малиновского не удалась. Министерство внутренних дел решило пожертвовать Сталиным. И по злой иронии судьбы арестован Иосиф Сталин был по доносу Малиновского. Впрочем «перестроечная версия» дореволюционной биографии Советского лидера вполне укладывается в попытки дискредитации, столь распространенные в истории и относящиеся отнюдь не к далекому прошлому, а к современным политическим интересам и заказам.

Осенью 1913 года ЦК РСДРП попытался организовать побег из ссылки Я. М. Свердлову, И. В. Сталину, С. С. Спадаряну. В письме Я. М. Свердлова роману Малиновскому от 27 сентября 1913 года речь шла о высылке денег для этих целей. Р. В. Малиновский будучи агентом охраны план выдал. В феврале 1914 года Я. М. Свердлов сообщил: «Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст севернее полярного круга. Только двое будем на станке и при нас два стражника. Надзор усилили, от почты оторвали». На этот раз побег стал невозможен. К тому же началась война.

На начало кровавого передела мира Иосиф Джугашвили и Сурен Спадарян отреагировали письмом Ленину: «Здравствуйте, дорогой Владимир Ильич! Сейчас Иосиф у меня гостит, и захотелось послать Вам привет. Как живете? Что поделяваете? Каково настроение? Напишите, что можете. Жаждем живого слова...» Продолжением было письмо И. В. Сталина, где говорилось: «Мой привет Вам, дорогой Ильич, горячий, горячий привет! Привет Зиновьеву, привет Надежде Константиновне! Как живете, как здоровье? Я живу как раньше, хлеб жую, доживаю половину срока. Скучновато, да ничего не поделаешь. А как ваши дела-делишки? У Вас-то должно быть веселее. Читал я недавно статьи Кропоткина, – старый дурак, совсем из ума выжил. Читал также статейку Плеханова в «Речи» – старая неисправимая болтунья-баба! Эхма... А ликвидаторы с их депутатами, агентами вольно-экономического общества? Бить их некому, черт меня дер! Неужели так и останутся они безнаказанными? Обрадуйте нас и со-

общите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком без устали.

Ваш Коба (Сталин). Тимофей (Спадарян) просит передать его кислый привет Гэду, Самба и Вандервельде на славных, хе-хе, постах министров.

В ссылке И. В. Сталин возвращается к занятиям национальным вопросом.

Изучение национальных проблем тесно связывает И. В. Сталина с другим членом ЦК Суреном Спандаряном. Ссылный большевик Нарыма Б. В. Иванов писал: «Спандаряна связывала с Джугашвили совместная работа в кавказском подполье...» С Суреном шел «оживленный разговор об армянско-татарской резне в Баку, Грозном и других городах. Для Сурена эти события были трагедией, которую он рассказывал, нервно переживал. Джугашвили же спокойно, без волнений расспрашивал о событиях. Из разговора, между прочим, выяснилось, что Джугашвили уже давно и основательно интересуется национальным вопросом».

12 марта (27 февраля) 1915 года С. Спандарян писал из с. Монастырского Б. С. Шах-Параняну: « ... У меня к вам несколько просьб. 1. Кавказский календарь за 1915 год; 2. «Нор-осанк» (Новое течение, дашнакский – национальный ежемесячник, Тифлис, 1913-1915), 3. «Обит», далее, в Тифлисе издается газета «Ахалиазри» (Новая мысль – грузинских меньшевиков) – зайдите в редакцию и от имени моего и Кобы (Сталин) просите, чтобы выслали газету по тому же адресу, но вместо моей фамилии было написано: Иосифу Джугашвили». Совместная работа над теорией национального вопроса стала, по всей видимости, одной из основ тесных отношений И. Джугашвили и С. Спандаряна.

Результатом работы вполне закономерно могли стать, упомянутые в воспоминаниях А. С. Алилуевой, статьи «Национальное движение в его развитии», «Война и национальное движение», переданные якобы через А. Е. Бадаева за границу В. И. Ленину. Работы эти, как указывалось ранее, не сохранились. Это вполне возможно, так как архив русской социал-демократии остался за границей.

Несомненно, вокруг наличия указанных работ вспыхивали, вспыхивают споры. На карту поставлено имя одного из основателей СССР. Бесспорно другие дооктябрьские попытки теоретических обобщений национальных проблем были не безуспешны.

Национальным вопросом в РСДРП и ее большевистском крыле небезуспешно занимались В. И. Ленин, С. С. Спадарян и Ф. Э. Дзержинский. Однако в марте 1917 года проблемы национальных отношений в послереволюционной России анализирует И. В. Сталин. Статьи Иосифа Сталина наполнены характеристиками решений национального вопроса в Швейцарской федерации и Североамериканских Соединенных Штатах...

Четыре года ссылки не прошли даром. Оторванный от родных и близких И. В. Сталин участвует в трехдневном совещании Русского бюро ЦК РСДРП, состоявшемся в середине июля 1915 года в селе Монастырское. В далекой ссылке обсуждаются вопросы сохранения партийных организаций РСДРП. Сама партия в этот период была объединенной. Достаточно вспомнить факт участия меньшевиков-партийцев Д. Швардцмана и Я. Зевина в работе Всероссийской Пражской конференции, ее призыв «Собрать все годное к борьбе...» Объединенные социал-демократические организации еще в 1910 году имелись в Закавказье и в Сибири. Главным в тот период было разъединиться с меньшевиками-ликвидаторами, в годы войны – с меньшевиками-оборонцами. К сожалению, это не всегда удавалось. В Красноярске, Томске, Омске, Иркутске, Барнауле, Чите и Якутске еще до февраля сложились организации, объединяющие большевиков и меньшевиков-интернационалистов.

Подобное состояние сохранилось до февраля 1917 года. Стало проблемой оно между февральской и октябрьской революциями. Но все это было впереди.

А в 1915 овдовевший Иосиф Джугашвили писал Ольге Евгеньевне Алилуевой «очень, очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я освобожусь из ссылки и приехав в Петербург, лично поблагодарю Вас, а также Сергея, за все. Ведь мне осталось всего-навсего два года.

Посылку получил, благодарю. Прошу только об одном – не тратиться больше на меня: Вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будите

присылать открытки, письма с видами природы и прочее. В этом проклятом краю скука до безобразия, – летом река, зимой снег, это все что дает здесь природа, – и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге.

Мой привет ребятам и девушкам. Желая им всего хорошего. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне, – должно быть привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов.

До следующего письма,

Уважающий Вас Иосиф.»

Февраль 1917 сделал Россию самой свободной страной мира. Он открыл двери тюрем... В марте 1917 И. В. Сталин (Джугашвили) возвращается в Петроград...

В Первое Временное советское правительство (Совет Народных Комиссаров), возглавляемое В. И. Лениным, И. В. Сталин (Джугашвили) войдет наркомом по делам национальностей.

Впереди у бывшего профессионального революционера-подпольщика, испытавшего аресты и ссылки целая жизнь – жизнь государственного деятеля. Впереди

совместная с Лениным работа по созданию СССР;

борьба за единство партии;

модернизация и принятие самой демократической Конституции – Конституции 1936 года.

Впрочем, это тема других исследований.

Богров – убийца Столыпина.

Террор.

Двенадцатого августа 1906 г., в субботу, к подъезду дачи председателя Совета министров на Аптекарском острове подъехали трое мужчин. Двое – в форме жандармских офицеров, один – в штатском. Столыпин принимал в своем кабинете посетителей. В приемной ожидало несколько десятков человек. На балконе, прямо над крыльцом, сидели двое детей Столыпина – дочь Наташа и малыш Аркадий вместе с няней, молоденькой воспитанницей Красно-стокского монастыря Людмилой Останькович. Через несколько минут взрывом бомбы дача будет разрушена, Останькович погибнет, малыш будет ранен, а Наташа с раздробленными ногами окажется под копытами взбесившихся от боли раненых лошадей и лишь чудом останется живой.

Одно из покушений в общей цепи террора против властей и правительства в годы революции. Достаточно вспомнить, что только анархисты с февраля 1905-го по май 1906-го совершили 15 покушений на губернаторов и градоначальников, 267 – на строевых офицеров, 12 – на священников, 29 – на торговцев.

Впрочем, описанное покушение – из ряда вон выходящее. Объект – премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин. Исполнители: житель Смоленска Никита Иванов, неизвестный уроженец Минска (в клочья разорванный бомбой еврей), до середины 1905 г. проживавший во Франции, и рабочий из Брянска по имени Иван. Все они входили в московскую организацию максималистов. В то время террор буквально захлестнул Россию.

Альтернатива?

Альтернативой падению российского общества к революции сегодня называют Петра Аркадьевича Столыпина. Петр Аркадьевич родился в 1862 г. Его дед Дмитрий Алексеевич и бабушка М. Ю. Лермонтова Елизавета Алексеевна – родные брат и сестра. Реформатор и поэт – троюродные братья, правда, с огромной разницей в возрасте. Тем более, что реформатор родился почти через четверть века после гибели поэта.

Генеалогическое древо Столыпина прослеживается с XVI века с Григория Столыпина. Его сын Афанасий – муромский дворянин. Сильвестр Афанасьевич участвует в войне с Польшей в 1654-1656 г. и становится дворянином московским... Величаво родовое дерево, но речь не о нем. Петр Аркадьевич окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, рано женился, стал служить в статистическом отделе министерства земледелия. Семья, служба... Столыпина перебираются в свое имение Кольноберже, неподалеку от Ковно, где молодой помещик избирается предводителем дворянства. В 1902 г. Столыпин становится грозненским губернатором. Ему сорок лет. С февраля 1903-го по апрель 1906 г. – саратовский губернатор. 26 апреля 1906 г. Столыпин назначен министром внутренних дел, а 8 июля, после роспуска I Государственной думы – председателем совета министров.

Указом от 9 ноября 1906 г. (без утверждения Государственной думой) каждому крестьянину, владеющему общинной землей, предоставляется право получить в частную собственность причитающуюся ему долю общинной земли. В крестьянских общинах, где не было в течение 24 лет переделов земли, крестьяне могли стать собственниками тех участков, которыми они до этого пользовались. Указ предоставлял право крестьянам-собственникам продолжать жить на старом месте и (или) выселиться на выделенный им в собственность участок земли. В первом случае такие крестьяне назывались отрубниками, во втором – хуторянами. Расчет правительства строился на одном: значительная часть крестьянства, прежде всего, бедняк, окончательно разорится и землю свою продаст кулачеству. Кулачество, получив таким образом землю, превратится в частных земельных собственников, станет неизбежным союзником помещиков и явится своеобразной плотиной против революционного и крестьянского движения.

Этот указ был дополнен законом от 1910 г., по которому все крестьяне-общинники переводились на положение частных собственников, если в тех общинах, в которых они жили, не было переделов со времени перехода на выкуп. Закон от 29 мая 1911 г. значительно упрощал и дело с получением согласия крестьянского схода на выход из общины. Теперь было необходимо не 2/3 голосов, а простое большинство. Из

16 млн. крестьянских дворов землю в 1908-1910 г. продало около 1 млн. крестьян. Как и ожидалось, продавала беднота, покупали кулаки.

Большую роль в годы столыпинщины царское правительство отводило переселенческому делу. Переселением крестьян из густонаселенных губерний, особенно из центра России и Украины, реформатор стремился решить две задачи. Первая из них – удалить малоземельных, то есть самых революционно настроенных, крестьян из центральных губерний на окраины, и тем самым ослабить их натиск на помещиков. Одновременно, переселяя русских и украинских крестьян на окраины (в Сибирь, Казахстан, Киргизию и на Кавказ), отнимая для этих переселенцев земли у местного населения, власти, быть может, сами к тому не стремясь, вызывали вражду и столкновения между переселенцами и местным населением.

Результаты переселенческой политики сказались быстро. Так, если за 1906-1908 г. число переселенцев достигло более 1 200 000 человек и обратных переселенцев было только около 8%, то в 1909 г. их число достигло 17%, в 1910 – 36%, а в 1911-м – 64%. К сожалению, аграрная политика Петра Столыпина так и не дала тех результатов, на которые рассчитывали правящие круги. Если в 1907-1909 г. шел спад волны крестьянского движения, то в 1910-м оно пошло на подъем, составив на период 1907-1914 г. 18 тысяч зарегистрированных крестьянских выступлений. Политика переселения на национальные окраины стала детонатором национально-освободительной борьбы. Так, в нашем крае откликом на приток переселенцев стало грандиозное восстание казахов под предводительством Амангельды Иманова. Восстание, слившееся с революцией и гражданской войной.

Достижения в общероссийском масштабе оказались более чем скромными. Несмотря на то, что проведение реформы продолжалось и после гибели Петра Аркадьевича (впрочем, и начата она была еще до его прихода в высшие эшелоны власти), за 10 лет, 1906 по 1916 г., из общинного ведения вышло порядка 10-12% крестьянских дворов с 16 млн. десятин земли. К тому же реформа имела катастрофические для расставшейся с патриархальным укладом России социальные последствия. Помимо взлета национально-освободительной борьбы на окраинах, она породила массу освобожден-

ных от средств производства людей, рабочую силу которых российская промышленность воспринимала с величайшим трудом. Буржуазия, используя обилие и дешевизну этой силы, отсутствие законодательных актов, ограничивающих эксплуатацию, беззащитно пользовалась безвыходностью бывших крестьян, выброшенных из привычной обстановки.

Страна шла к революции семимильными шагами... Любимой фразой, до ныне повторяемой по поводу и без повода, было и остается выражение Петра Столыпина: "Дайте мне 20 лет покоя – и я реформирую Россию". Самое страшное в столыпинском пятилетии было, пожалуй, то, что сам реформатор не мог постигнуть причину нарастающего сопротивления. Причиной же являлась реформа.

Время Петра Столыпина стало временем не только борьбы с революционным движением путем посылки карательных экспедиций, не только временем урезания и без того скудных избирательных прав и свобод населения империи. Время Петра Столыпина – это еще и время разгула невиданной полицейской провокации. Достаточно того, что председатель Совета министров не отрицал сотрудничества с департаментом полиции Евно Азефа. В то же время действовали небезызвестный Роман Малиновский и провокаторы помельче. По злой иронии судьбы даже будущий убийца Петра Аркадьевича был тайным агентом.

Кличка "Аленский"

Дмитрий Григорьевич Богров, он же Мордко Гершков, родился в семье крупного киевского домовладельца 29 января 1887 г. Внук известного еврейского писателя Г. И. Богрова, он в 1905 г. окончил первую киевскую гимназию и поступил на юридический факультет Киевского университета. Впрочем, университет в ноябре закрыли, и Дмитрий Григорьевич перебрался учиться в Мюнхен, где постигал азы юриспруденции до декабря 1906 г. Новый 1907 г. он встретил опять в стенах Киевского университета.

Политические взгляды студента отличались определенной неустойчивостью: от сочувствия социал-демократам в 1905 г. до перехода к максималистам в 1906-м и вступления в кружок студентов-анархистов Киева.

Однако за маской революционера таилась личность далеко неоднозначная. С декабря 1906-го Богров по собственной инициативе начал сотрудничать с киевским охранным отделением под кличкой "Аленский". В сентябре 1907 г. он входит в состав анархистов-коммунистов. Участвует в подготовке терактов, агитации и даже подготовке городской конференции. В декабре 1907 – январе 1908 г. Богров сдает жандармерии 19 человек. Впрочем, самого его тоже берут, но вскоре выпускают на свободу. Брили Богрова и в сентябре 1908-го и даже продержали в тюрьме три недели – для отвода подозрений...

Между тем молодой юрист рос и в 1910 г. окончил юридический факультет. В апреле 1910-го он занимается адвокатурой в Санкт-Петербурге, чуть позже становится помощником секретаря в комитете по борьбе с фальсификациями пищевых продуктов при министерстве торговли и промышленности. В июле 1910-го Дмитрий Богров входит в контакт с начальником петербургской охраны бароном фон Коттенем. Получает 600 рублей за четыре месяца и уходит от «работы», уезжая в Париж на лечение...

Охота.

За Петром Аркадьевичем Столыпиным развернулась настоящая охота. Революционеры совершили на премьера 11 покушений. Достаточно вспомнить один эпизод, покушением не названный.

Кажется, совсем мало общего у авиаторов и Столыпина. Разве что участие реформатора в первых показательных полетах вместе с капитаном Л. М. Мациевичем.

Смелость Столыпина проявилась не только в полете с Комендантского поля на «летающей этажерке», но еще и в том, что он знал от полковника Герасимова о возможности покушения со стороны эсера Мациевича. Несмотря на серьезность предупреждения Столыпин полетел.

Столыпин ответил Герасимову, что не верит, будто офицер способен на преступление. Ничего страшного не произошло. А через два дня Мациевич разбился, выпав из самолета. Официальное заключение комиссии так объясняло причины трагедии: лопнула растяжка. Проволока попала в пропеллер, порвались растяжки, аэроплан резко качнулся вперед, и летчик вывалился наружу. Версия полиции иная – вынужденное

самоубийство в результате приговора эсеров. Впрочем, прямых доказательств, естественно, нет.

Хоронил летчика весь Петербург. Люди как будто предчувствовали наступление нового трагического времени. Впрочем, личное и политическое мужество, от кого бы оно ни исходило, не всегда знаменует правильный выбор.

Казнь.

Шел 1911 г. Быстрых и осязаемых для основной массы населения результатов реформа не давала. Росло революционное движение среди пролетариата, численность которого увеличивалась. Петра Аркадьевича жестко критиковал «Союз русского народа» и другие черносотенные организации. Неприятие Столыпиным властолюбивого и сластолюбивого «старца» Григория Распутина вызвало ненависть к премьеру императрицы. Николай II начал отдаляться от Петра Аркадьевича, заговорили об отставке. Вот тут-то и раздалось пророческое распутинское: «Смерть! Смерть следом за тобой идет!»

В 1911 г. Дмитрий Богров вернулся в Киев и вошел в кружок анархистов-коммунистов во главе с К. И. Городецким и П. К. Лятковским. В августе он неоднократно встречался со своим бывшим шефом, начальником киевского охранного отделения Н. Е. Кулябко...

Уезжать в Киев Петру Столыпину не хотелось. На сердце была тяжесть. Однако 25 августа он прибыл в город и поселился в доме генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова. Почему-то Петру Аркадьевичу не выделили экипажа, и он, испытывая неудобства, был вынужден нанимать транспорт для поездок. Столыпин неоднократно слышал о возможном покушении на него. Он угадывал, что его «полуотставка», вернее всего, кончится отставкой.

29 сентября в Киев прибыл царь с семьей. Начались большие торжества. Утро первого сентября было великолепным. Государь и «общество» находились в театре. Давали парадное представление оперы «Сказание о Царе Салтане». Оставался третий, совсем короткий акт. В перерыве публика покидала зал. И в это время из восемнадцатого ряда по направлению к первому двинулся высокий черноволосый человек в чер-

ном фраке. Он шел уверенно, прикрывал афишкой оттопырившийся карман брюк. Дойдя до второго ряда, когда его отделяло от Столыпина метра два, он вытащил браунинг.

Столыпин смотрел прямо на него. По лицу молодого человека пробежала гримаса страха и напряжения. Он дважды выстрелил. В зале воцарилась тишина. Столыпин наклонил голову, посмотрел на свой белый китель. Владимирский крест был пробит пулей. Петр Аркадьевич посмотрел на удалявшегося молодого человека и велел его задержать. Раздалось громкое восклицание из оркестра: «Государь жив!». Послышался чей-то пронзительный вопль.

Петр Аркадьевич положил на барьер фуражку и перчатки, замедленными движениями стал снимать китель. У него была прострелена и кисть правой руки, брызгала кровь. Кто-то принял китель, и тогда он снова наклонил голову, разглядывая красное пятно, расплывающееся повыше правого кармана жилета. Он безнадежно махнул рукой и тяжело опустился в кресло. Потом, словно вспомнив что-то, повернулся к царской ложе. Там никого не было. Он поднял руку и сделал предостерегающий жест. В это время в ложе появился Николай и встал у всех на виду. Столыпин перекрестил его широким, медленным движением. После этого он склонился набок, уронил голову на грудь и вытянул ноги.

Первого сентября, примерно в полночь, в помещении Киевского городского театра допрашивали бледного молодого человека в разорванном фраке. Он только что тяжело ранил председателя совета министров Столыпина. У него был рассечен лоб, выбиты два зуба, на лице ссадина,

– Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, – хладнокровно отвечал на вопросы жандармского подполковника молодой человек.

– Вероисповедания иудейского, от роду двадцать четыре года, звание – помощник присяжного поверенного. Проживаю в Киеве, Бибиковский бульвар, дом четыре, квартира семь.

Дальнейшее следствие выявило, что именно билет на представление Дмитрий Богров получил с согласия товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова, заве-

дующего секретной агентурой царского двора полковника А. И. Спиридовича и вице-директора департамента полиции.

Пятого сентября вечером Столыпин умер. Умирал Петр Аркадьевич, то, впадая в забытие, то, приходя в себя. Он все время говорил что-то бессвязное. По отдельным словам можно было понять, что его последние мысли – о российских делах.

Богров содержался в киевской тюрьме «Косой капонир» со 2 по 12 сентября. В ночь с 11 на 12 он был повешен в Лисогорском форте.

Пожалуй, и Петр Столыпин, и Дмитрий Богров стали жертвами не только жестокого противостояния классовых и групповых интересов, раздиравших Россию начала XX века. Они стали жертвой системы политических провокаций, раковой опухолью пронизавшей жизнь угасающей империи.

По делу Богрова провели сенатскую ревизию, материалы которой были переданы в Государственный совет. Началось следствие по делу. Руководители охраны были объявлены Госсоветом «соучастниками убийства». Однако в январе 1913 г. дальнейшее расследование дела было прекращено по личному указанию царя.

Роман Малиновский – провокатор которому доверял Ленин.

Как ни обидно, как ни трудно,
Пойми, что в битве одинок,
И трусость друга неподсудна;
Ведь труса трусом сделал Бог.
Судьба у ног раскроет пропасть
Толпа любой осудит грех...”

В. Б.

(Из книги Александр Невзоров “Паноптикум”)

Даже впечатления о внешности этого человека носят отпечаток противоречия.

“Он был высок ростом, крепок, почти щегольски одет. Глубокие и многочисленные оспины придавали его лицу свирепое выражение, оно казалось обожженным. Рыжие волосы жестко и густо покрывали голову, желтые глаза быстро скользили и перебегали с одного предмета на другой. Он казался излишне суетливым и шумным. От разговора с ним я сразу уставал”, - писал социал-демократ с 1904 года, большевик, делегат Пражской конференции от Николаевской партийной организации А.К. Воронский. Впрочем, это строки из московской публикации 1934 года.

П. П. Заварзин полковник отдельного корпуса жандармов, начальник Московского охранного отделения в 1909-12 годах, в опубликованной в Париже в 1930 году книге “Жандармы и большевики” писал: “Слесарь по ремеслу, 30 лет, высокого роста, шатен с застенчивым взглядом серых глаз, Малиновский производил впечатление заурядного фабричного рабочего, но из агентурных источников было известно, что он смелый и бойкий митинговый оратор, и видный деятель фракции”.

Н. К. Крупской он “очень не понравился, глаза показались какими-то не приятными, не понравилась его деланная развязность, но это впечатление стерлось при первом же деловом разговоре”.

Роман Вацеславович Малиновский - кто же он на самом деле?

Детство.

Дата рождения Романа Малиновского обозначена не четко. В исторической литературе и энциклопедиях назван 1876 год. В 1914 году Роман Вацеславович назвал 18 марта 1877, а в октябре 1918 он же определил свой возраст в 40 лет, что и было зафиксировано в приговоре трибунала. Впрочем, что дата. Перед партийной следственной комиссией Малиновский заявлял о своем дворянском происхождении, называя себя выходцем из обедневшей шляхтской семьи. Об этом он, не без хвастовства, упоминал в разговорах с товарищами по партийной работе. Но с момента избрания в 4 Государственную Думу, он числился крестьянином, уроженцем Плоцкой (а не Варшавской, как ранее) губернии, Липновского уезда гмины Чарледер, деревни Глодово. Однако в 1912 году, в порыве откровения он сообщил Ленину и Зиновьеву, что давно живет по чужому паспорту, а в 1914 году в ходе партийного расследования добавил, что паспорт принадлежал нечаянно убитому им в драке на пароходе пассажиру...

Свое детство, в ходе показаний Всероссийскому народному Трибуналу РСФСР от 27-28 октября 1918 года он описал следующим образом: “В 1892 или 1894 году я остался сиротой, когда отец помер, мне было 8 лет, а к смерти матери - 14, старшие сестры отдали меня в книжный магазин Баера в г. Плоцке в учение, но я не хотел там быть, меня тянуло на завод, и я бежал в Варшаву, там поступил на фабрику мельхиоровых изделий, но и там мне было нехорошо; я решил пуститься в кругосветное путешествие, для чего подговорил некоего Кокуляра, и в июле 1897 года мы бежали с намерением пробраться в Германию, денег для этого мы имели три рубля.

Добираясь до границы в Липновском уезде, по дороге попался нам одинокий дом, куда я вошел; в нем не было никого. Я стал искать, нашел хлеб, сыр, масло и 13 или 23 рубля денег; по дороге в Липно нас арестовали и осудили за кражу. Взломав печку в Чарнском волостном аресте, я бежал. Два или три месяца провел среди самых страш-

ных подонков общества и был арестован и осужден за кражу и взлом казенного здания на 1 год и 6 месяцев тюрьмы”.

По данным министерства юстиции, первую кражу Малиновский совершил в 1897 году, вторую в 1898, за третью был осужден в 1899.

К слову сказать - это уже не детство.

В людях.

В 1901 году Роман Малиновский был призван на военную службу и служил в лейб-гвардейском Измайловском полку. В 1904-1905 году являлся конюхом полковника Ботерьянова. В 1905 году вернулся в роту, где был замечен в агитации и должен был идти под суд. От суда спасся дав согласие ехать добровольцем на Дальний Восток, однако как-то сумел остаться в маршевом батальоне, расквартированном в Могилеве, где и прослужил до марта 1906 года.

В апреле 1906 поступил токарем на завод “Лангезипен” в Петербурге. Природные способности помогали ему быстро впитывать идеи, насыщавшие революционную атмосферу того времени. Проработав недолго на заводе, он избирается секретарем сначала районного, а затем центрального правления Петербургского союза металлистов - самого крупного профсоюза в стране.

Университеты.

Должность секретаря центрального правления Петербургского союза металлистов Роман Малиновский занимал с ноября 1906 по ноябрь 1909 года. В 1906-1908 годах Малиновский не арестовывался.

О том, что в молодости он занимался одно время воровством, никто в Петербурге не знал. Рабочие видели в нем энергичного вожака, бывалого человека, прошедшего нелегкую солдатскую школу. Он и в самом деле увлеченно и бескорыстно отдавал себя общественной деятельности, не жалея времени и сил, чтобы укрепить союз металлистов, расширить его ряды. При этом, подобно многим активистам массовых рабочих организаций, Малиновский не стал связывать себя ни с одной из фракций РСДРП. Он избегал участвовать в каких-либо нелегальных партийных совещаниях. Будучи “нефракционным” социал-демократом, он постоянно подчеркивал, что высту-

пает за единство рабочего класса, а это, как известно, очень ценилось тогда в пролетарской среде. Содержательные выступления Малиновского на всероссийских съездах - кооперативном и фабрично-заводских врачей - снискали ему популярность и за пределами Петербурга.

К кому он был ближе - к большевикам или меньшевикам? На этот счет имеются разноречивые свидетельства. Во всяком случае, отдавали ему должное такие партийные работники-большевики, соприкасавшиеся с ним в Петербурге и на съездах, как И. П. Гольденберг, Г. Е. Зиновьев, В. П. Ногин, Н. А. Скрыпник, М. П. Томский. До определенного момента высоко ценили Малиновского и многие видные меньшевики (Ф. И. Дан, В. В. Шер и другие).

В ходе подготовки очередного всероссийского съезда - по борьбе с пьянством, делегатом которого избрали наряду с другими рабочими Малиновского, 15 ноября 1909 года он был арестован. Съезд прошел без него. Из тюрьмы его выпустили, лишив права жительства в Петербурге, и в феврале 1910 года вместе с женой и двумя сыновьями он перебрался в Москву. Здесь он продолжал общаться и с меньшевиками, и с большевиками. В Петербурге его не забыли, вспомнили о нем и на январском Пленуме ЦК РСДРП 1910 года в Париже, когда намечались кандидатуры в ЦК: согласно свидетельству И. П. Гольденберга, “в первую голову совершенно единогласно был признан заслуживающим кооптации именно Малиновский”.

В апреле 1910 года В. П. Ногин, которому было поручено, в соответствии с решением пленума, сформировать Русскую коллегию из пяти членов ЦК, навестил Малиновского в Москве и предложил ему войти в ее состав. Однако, по словам Ногина, Малиновский “ломался и как-то не давал определенного ответа”. Сделанным ему предложением он был явно ошеломлен, но, посоветовавшись с меньшевиком В. В. Шером, который, вероятно, сослался на объединительную направленность пленума и компромиссный характер его решений, предложение Ногина все же принял.

Осуществить формальную кооптацию помешал арест 13 мая 1910 года большой группы московских социал-демократов и в их числе Малиновского.

На дне.

Из тюрьмы Роман Малиновский вышел достаточно быстро, но уже другим человеком - секретным сотрудником Московского охранного отделения по кличке “Портной” с 50 рублевым жалованием ежемесячно.

С 5 июля 1910 года по 19 октября 1913 на основе донесений Малиновского было составлено 88 агентурных записок: за 1910 - 25, за 1911 - 33, за 1912 - 23, за 1913 - 7.

Московское охранное отделение в результате имело подробную информацию о жизни партийных организаций РСДРП Москвы и Центрального района, о нелегальных типографиях, каналах распространения литературы, партийных адресах, явках. По донесениям провокатора были арестованы многие большевики и меньшевики и среди них лучший его друг - В.В. Шер.

Оплата трудов Романа Малиновского росла. В Москве ему платили до 250 рублей, а после переезда в Петербург - 400, 500 и наконец после откровенных жалоб на то, что жена Стефания Андреевна, человек аккуратный, забирает все до копейки, департамент полиции пошел на встречу ценному работнику прибавив еще 200 рублей на карманные расходы. В целом с различными доплатами полиция выплачивала Малиновскому до 1100 рублей в месяц. Он же любил жить широко и на вопросы товарищей - откуда берет деньги - отвечал ссылками на сбережения, наследство от родственников или газетный заработок. Постепенно охранка переориентировала Портного на проникновение в “верхи” большевиков”.

На Пражскую конференцию в январе 1912 года Роман Малиновский, он же Портной, попал в какой-то степени случайно. Куда-то запропал делегат из Сибири Ф. И. Голощекин, а В. Н. Лобова - представляющая Москву выехать не могла по семейным обстоятельствам.

В РСДРП в это время мечтали о “русских Бабелях” - революционерах из рабочих... И когда В. И. Ленину сообщили о приезде Р. В. Малиновского, он радостно воскликнул: ”Вот это то, что нам не достает на конференции”.

В речах и беседах с делегатами Малиновский выражал глубокую веру в неизбежность новой революции и страстно бичевал меньшевиков.

К концу конференции он был бесспорным кандидатом в ЦК. За Малиновского проголосовало 12 из 14 делегатов конференции, имевших решающий голос. Кроме того, его кандидатура была помечена для баллотировки по рабочей курии в 4 Государственную Думу.

После возвращения с Пражской конференции Малиновский был с распростертыми объятиями встречен в Московском охранном отделении, которое решило максимально содействовать его избранию в Думу. Для получения необходимого по избирательному закону ценза Малиновский устроился на постоянную работу на фабрику Фермана в Московской губернии (рабочие Москвы к выборам по рабочей курии не допускались). Московской охранке и департаменту полиции пришлось непосредственно вмешаться в процесс избрания Малиновского. Так полиция арестовала помощника механика фабрики Фермана Кривога, пытавшегося уволить Малиновского. Было сделано все, чтобы скрыть уголовное прошлое кандидата в депутаты. Разумеется, избирателям все эти закулисные махинации остались неизвестны. Кандидатуру Малиновского поддержали и большевики, и меньшевики, и кадеты. Поддержали, подчиняясь партийной дисциплине, и те, у кого он не вызывал симпатий. В октябре 1912 года он был избран депутатом и вскоре переехал в Петербург. Московская охранка передала своего “лучшего агента” непосредственно в руки департамента полиции, где он стал значиться под новой кличкой Икс. Теперь его работу лично направлял директор департамента полиции С. П. Белецкий.

В Думе Малиновский сразу же показал себя активным членом социал-демократической фракции. Не случайно именно ему было доверено огласить ее первую программную декларацию. И хотя Малиновский по согласованию с департаментом полиции умышленно опустил при этом несколько принципиально важных положений (о всеобщем избирательном праве и превращении Думы в полноправное законодательное учреждение) , общественный резонанс от его выступления был очень велик. Большой успех в пролетарской среде имели также речи Малиновского о проведении в жизнь страхового закона 1912 года, преследовании царскими властями профсоюзов и рабочей печати, положении дел на Ленских золотых приисках, массовых

отравлениях работниц в Риге и взрыве на Охтинском пороховом заводе в Петербурге и др.

Социал-демократов в Государственной Думе было всего лишь 14 из 442 депутатов, и они обращались, прежде всего, к рабочей аудитории за пределами Таврического дворца. Но Малиновский умел заставить слушать себя и далеко не дружелюбно настроенное большинство Думы. Председатель Думы октябрист М. В. Родзянко признавал, что очень резкие речи Малиновского были в то же время “чрезвычайно интересные, очень увлекательные и обоснованные и так осторожно составленные, что мне не приходилось прибегать к цензуре” (т. е. прерывать оратора).

В то же время в полицию шла информация о деятельности руководящих учреждений большевиков, письма Ленина, Зиновьева, Крупской. Однажды Икс ухитрился передать для копирования архив фракции, позже списки подписчиков “Правды” и “Луча”, сведения о рабочих сборах на ведущие газеты социал-демократов...

В ноябре 1913 года произошел раскол единой социал-демократической фракции. К расколу шли давно... Однако в отличии многих большевиков-депутатов Роман Малиновский не испытывал по этому поводу никаких колебаний. Он следовал не только партийным решениям, но и поставленным охранкой задачам - расколоть революционеров, дабы ослабить их. Личина “самого левого” лишь укрепляла его положение в партии.

Эпилог.

Первыми Романа Малиновского заподозрили меньшевики, но в 1910-1911 годах они не настаивали на своих подозрениях. Не ранее осени 1913 о подозрениях сообщил В. И. Ленину Н. И. Бухарин, затем в декабре. Впрочем, в эти подозрения не верила и часть самих меньшевиков...

В результате перестановок в верхних эшелонах власти командиром отдельного корпуса жандармов и товарищем (заместителем) министра внутренних дел стал В. Ф. Джунковский. Либерал, он считал не допустимым совмещение в одном лице агента полиции и члена Государственной Думы. Решено было избавиться от Малиновского, потребовав от него ухода из Думы с последующей эмиграцией.

Экс - провокатору выдали щедрое единовременное пособие в размере 6 тысяч рублей и заверили в том, что не осталось ни одной уличающей его “бумажки”. 8 мая 1914 года Роман Малиновский, сложив с себя думские полномочия отбыл в неизвестном направлении...

В стане социал-демократов вспыхнул скандал. Большевики обвинили Романа Малиновского в провокаторстве. На этом же настаивали и правые. Однако доказательства отсутствовали.

Война заставила о многом забыть. Роман Малиновский отправился на фронт, где с поврежденной в бою ногой, 15 ноября 1914 года был взят в плен. Однако опережая пленение в Россию пришла весть о гибели. Некролог “Роман Вацеславович Малиновский” был написан В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым и опубликован без подписи в газете “Социал-демократ” от 1 ноября 1914.

До мая 1917 года экс-провокатор находится в лагере военнопленных Альтен-Гробов, близ Магдебурга, где ведет культурную работу и революционную пропаганду...

На заседании Альтен-Гробовской группы РСДРП, 18 мая 1917 года было прочитано письмо с сообщением о разоблачении Малиновского как провокатора.

Сам Малиновский возвратился в Россию лишь 20 октября 1918 года с очередной партией освобожденных военнопленных. Шансов у него практически не было, еще до его приезда, 30 июня 1918 года по приговору Верховного революционного трибунала были расстреляны бывшие секретные сотрудники Московского охранного отделения А. И. Лобов, А. А. Поскребухин, А. С. Романов, С. А. Речекамф, С. И. Соколов, А. А. Поляков, В. К. Леонов.

Придя в Смольный Роман Малиновский обратился к секретарю Петроградского комитета РКП/б/, заявив, что приехал отдаться в руки советского правосудия. Через несколько дней его отправили в тюрьму ВЧК в Москву. 5 ноября 1918 года Роман Вацеславович Малиновский предстал перед трибуналом, который приговорил его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в 24 часа.

Приезд Романа Малиновского в Советскую Россию - загадка... Быть может его поступком руководило чувство, метко выраженное французским революционером Жоржем Дантоном: "Отечество на подошвах башмаков не унесешь".

Азеф ... - под № 446...

Феномен этой личности до сих пор занимает знатоков провокации и революционного движения. Кто он? Революционеры узнав о провокаторстве (провокационной деятельности) Азефа испытали шок, приведший отдельных (наиболее щепетильных из) деятелей террора к самоубийствам. Жандармерия так и не назвала (признала) его своим. Провокатор и двойной агент, молящийся (поклоняющийся) духу “золотого тельца” - вторит советская историография устами более ранних российских исследователей. Исключением служит разве что статья профессора Бостонского университета Анни Гофман, которая считает Евно Азефа агентом полиции, честно выполнившим свой долг перед Особым отделом департамента. Впрочем и американский коллега скорее всего ошибается.

Отголоски.

Автору этой сравнительно небольшой заметки в свое время довелось ознакомиться с газетами начала 1909 года, когда читающая русская публика впервые столкнулась с прецедентом провокаторства.

“Евно Азеф. Партийные клички: Иван Николаич, Толстый, Валентин Кузьмич; клички охранки: Раскин, Виноградов, Филипповский, Валуйский. Приметы: толстый, сутулый, выше среднего роста, ноги и руки маленькие, шея толстая, короткая. Лицо круглое, одутловатое, желто-смуглое, череп кверху суженый, волосы прямые, жесткие, обыкновенно коротко подстриженные, темный шатен. Лоб низкий, брови темные, внутренние концы слегка приподняты. Глаза карие, слегка навывкате. Нос большой, приплюснутый, скулы выдаются, одно ухо оттопыренное; губы очень толстые и выпяченные, чувственные; нижняя часть лица слегка выдающаяся. Бороду обычно брил, усы носил подстриженные” - , сообщала “Революционная мысль” за февраль 1909, № 4.

По данным газеты “Речь” от 24 февраля - Енох Азеф (Евгений Фишелевич Азев) уроженец Ростова на Дону, Донской области. Сын еврея-портного, сначала лютеранин, потом православный. Учился в Ростовской гимназии до 6 класса. В конце 80-х годов из гимназии ушел из-за материальных условий семьи и конфликта с директором на почве нарушения гимназического устава. Три года занимался, готовясь сдать экзамены экстерном. Поступил репетитором и корректором в газету “Донская пчела” в Ростове, затем в местную комиссионную контору и одновременно, секретарем к ростовскому фабричному врачу. В конторе утаил крупную сумму хозяйских денег, у врача украл гимназический диплом и бежал за границу, дополняет “Новое время”, 24 января 1909. Там в 1892 году поступил учиться на механическое отделение политехникума в Карлсруэ и женился на эмигрантке Менкиной. Через два года перешел на электромеханическое отделение политехникума в Дарльштате, которое окончил в 1897 году. Став инженером-электриком поселился в Берлине, где был принят на работу во “Всеобщую компанию электричества”, но вскоре перевелся в Москву, в ту же компанию. Прослужив 6 месяцев он переходит в Петербургскую контору компании, где служит 2 месяца и уходит из-за конфликта с начальством. Затем он уезжает за границу (“Биржевые ведомости”, 24 января 1909).

В апреле 1893 года начальник Ростовского жандармского управления полковник Страхов получил из Карлсруэ письменное предложение услуг, о чем сообщил в Департамент полиции. Кроме того, еще в 1892 году Азеф обратился к заведующему русской политической полицией в Париже П. И. Рачковскому с предложением своих услуг в качестве платного агента (он был в то время социал-демократом), его предложение приняли. В 1895 году Азеф сближается с социалистами-революционерами, затем вступает в “Заграничный союз социалистов -революционеров”. На конгрессе эсеров в Женеве Азеф делает доклад о реорганизации партии “Народной воли” и находит покровительство у И. А. Рубановича. Он приезжает в Россию в 1899 году по рекомендации “Заграничного союза социалистов -революционеров”, вступает в “Северный союз социалистов-революционеров”, основанный А. А. Аргуновым. Затем Азеф получает командировку в Москву (под конспиративной кличкой “Виноградов”) для специально-

го освещения деятельности партии социалистов - революционеров и становится сотрудником московского охранного отделения, где и работает под руководством С. В. Зубатова. Осенью 1901 года Евно Азеф уезжает в Берлин по указанию Департамента полиции под руководством П. И. Рачковского. Здесь он сближается с М. Р. Гоцем и Г. А. Гершуни, особенно с последним. Совместно с Григорием Гершуни он пишет проект создания боевых летучих отрядов, прочитанный впоследствии им на конгрессе в Лондоне. Этот проект сразу же выдвигает Азефа в первые ряды партии эсеров. После П. И. Рачковского его руководителем был Л. А. Ратаев, а затем с 1902 по 1905 год А. А. Лопухин, поводит итог “Петербургская газета” за 25 января 1909. После разоблачения в начале 1909 года Евно Азеф бежал.

Послужной список

деятельности Евно Азефа опубликовал в диссертации “Борьба большевистской партии против эсеров в годы реакции /1907-1910 гг./” историк В. Н. Рожкова. Защищенная в 1975 году 244 страничная работа содержит далеко не полный список “заслуг” и “прегрешений” двойного агента перед революционным движением и охранкой

Азеф подготовил и руководил следующими терактами:

1902 г. - покушение на Харьковского губернатора И. М. Оболенского.

1903 г. - убийство Уфимского губернатора Н. М. Богдановича.

1904 г. - убийство министра внутренних дел В. К. Плеве.

1905 г. - убийство генерал-губернатора Москвы Вел. Кн. Сергея Александровича).

1905 г. - покушение на Петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова;

покушение на Петербургского генерал-губернатора Клейгельса).

1906 г. - покушение на министра внутренних дел П. Н. Дурново;

покушение на московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова;

покушение на офицеров Семеновского полка генерала Мино и полковника Римана;

покушение на заведующего политическим розыском П. И. Рачковского;

убийство Г. Гапона;

покушение на командующего Черноморским флотом адмирала Чухнина;
покушение на премьер-министра П. А. Столыпина.

Азеф знал о подготовке следующих терактов:

убийство Саратовского генерал-губернатора Сахарова;
убийство Петербургского градоначальника фон дер Лауница;
убийство главного военного прокурора генерала Павлова;
покушение на Вел. кн. Николая Николаевича;
покушение на московского генерал-губернатора Гершельмана.

Азеф выдал охранке:

1901 год съезд эсеров в Харькове;
1905 год подготовку покушения на Д. Ф. Трепова и А. Г. Булыгина;
Петербургский отряд боевой организации из 17 человек;
нижегородский съезд боевиков;
поездку С. Слетова в Россию;
а также предотвратил покушение на министра внутренних дел П. Н. Дурново и
царя Николая - II;
снова выдал боевую организацию;
кроме того: типографию в Томске, тайную типографию в Пензе и транспорт нелегальной литературы в Лодзи (?..)

Таков далеко не полный перечень...

Заговор против царя.

В перечне “заслуг” и “прегрешений” Евно Азефа умышлено не названы предотвращения покушений на Николая II. Говорят их было три. Разговоры об устранении царя среди деятелей боевых групп велись уже давно, но никаких конкретных шагов в этом направлении партия не предпринимала. Старое решение, принятое руководящими учреждениями партии еще в 1902 г., при создании Боевой организации, формально

оставалось в силе: партия считала такое покушение несвоевременным и запрещала Боевой организации поднимать руку на царя. Но за те пять лет, которые прошли после принятия этого решения, общая обстановка радикально изменилась. В 1902 году царь почти не был вовлечен в политическую борьбу. Только немногие были осведомлены о том, что такое он представляет из себя в действительности. В широких слоях крестьянства еще твердо жила вера в “царя-батюшку”, который желает добра своему народу, и начавшее пробуждаться недовольство было направлено исключительно против представителей власти во главе с министрами, которые не позволяют довести до сведения царя действительную правду о страданиях народных. В своей агитации революционеры приходилось считаться с подобными настроениями и избегать резких нападок непосредственно на царя. Даже в 1905 г. нередко бывали случаи, когда собрание, сочувственно слушавшее революционные речи об общих порядках в стране, прерывало оратора криками, когда он переходил к роли самого царя: “Ты царя не замай!” Тем более была реальной опасностью, что нападение на царя будет не понято народом и может оттолкнуть от революции колеблющиеся элементы. Но после 1902 г. много воды утекло. События 1905-06 гг. перед лицом всего народа втянули царя в непосредственную борьбу и сделали его в глазах масс лично ответственным за все то, что творили его именем министры. На рубеже 1906-07 гг. в партии многие считали, что почва для такого удара уже подготовлена, и что вопрос о цареубийстве уже не вопрос политический, а только чисто технический.

Однако к 1907 году партия социалистов - революционеров приняла участие в выборах II Государственной Думы, где имела значительную, в 37 человек, фракцию. Ставить “парламентское” представительство под удар эсеры не хотели. Поэтому вопрос об участии самодержца переносился на случай очередного разгона Думы.

Именно в это время петербургский боевой отряд ПСР переходит под руководство Бориса Николаевича Никитенко, флотского лейтенанта устроившего побег Бориса Савинкова с Севастопольской гауптвахты, где последний ожидал петли палача.

В конце февраля или в начале марта 1907 года Борис Никитенко рассказывает Евно Азефу о связях сочувствующего эсерам Вл. А. Наумова с казаком из царского конвоя и о возможности казни царя.

Немедленно, после свидания с Никитенко, Азеф информировал Герасимова о прецеденте. За Никитенко установили наблюдение, казак оказался по отношению к революционерам предателем, произведшим на полицию впечатление надежного и добросовестного свидетеля на суде...

В ночь на 14 апреля были произведены аресты. Всего было схвачено 28 человек - членов Боевого отряда и лиц с ними связанных.

Вл. Наумов узнав, что ему грозит смертная казнь, упал духом и сделал "откровенные признания".

Петр Аркадьевич Столыпин использовал материалы следствия в политических целях, - заявив, что боевой отряд действовал по прямому приказу ЦК ПСР. Депутаты Госдумы от эсеров обвинения отвергли, их представитель Ширский выступил по этому поводу с заявлением. Дума в свою очередь приняла монархическую по содержанию резолюцию. Однако далее не пошло - попытки организации манифестаций в поддержку трона провалились.

В конце августа 1907 года, уже после разгона Думы, 18 человек предстали перед судом. Приговор был предрешен. Даже отказ Вл. Наумова подтвердить ранее данные следствию показания не спасли жизнь подсудимым, а только решили судьбу "не ко времени разоткровенничавшегося" Наумова. Третьего сентября Наумов, Никитенко и бывший студент Синявский были казнены. Герасимову был пожалован чин генерала, вне всякой служебной очереди. Евно Азеф остался за кадром.

Разоблачение.

Систематические неудачи Боевой организации во всем главном, что только она ни задумывала, начали наводить на печальные размышления многих и из числа партийных деятелей. Становилось бесспорным, что предатель в самом центре партии имеется, и методом исключения все, вставшие на путь этих рассуждений, приходили к подозрениям против самого руководителя Боевой организации. На партийное положение

Азефа все эти подозрения до поры до времени никакого влияния не оказывали. Руководители партии упорно отказывались верить всем выдвигаемым против него обвинениям, квалифицируя их как “легкомысленную обывательскую болтовню”. Евно Азеф продолжал руководить боевой работой партии и входить в состав центрального комитета. В качестве члена последнего в августе 1908 г. он присутствовал на партийной конференции в Лондоне...

В деле о провокаторстве Азефа особую роль сыграл Владимир Львович Бурцев, публицист близкий к народолюбцам, а позднее эсерам издатель журнала “Былое”, газет “Будущее”, “Общее дело”. Владимир Львович за свою долгую общественно-политическую жизнь “вывел на чистую воду” не одного провокатора. Именно он встретился с бывшим директором Департамента полиции, старинным родовым дворянином Алексеем Александровичем Лопухиным и имел с ним беседу.

Справедливости ради следует заметить, что на беседу с оппозиционным деятелем Лопухин, в предках которого состояла ни больше ни меньше, как первая жена царя Петра - Евдокия, пошел попав, мягко говоря, в особые обстоятельства...

По словам А. С. Лопухина, находясь во время своего заграничного путешествия в Париже, он получил известие о том, что его дочь была похищена в Лондоне. Он немедленно выехал в Англию и в поезде встретил Бурцева, который взамен освобождения дочери предложил ему назвать имя полицейского агента в центре ПСР. Лопухин назвал имя Азефа, и на следующий день нашел дочь в лондонском отеле.

В середине декабря 1908 года Алексей Александрович приехал в Лондон и 10 (23) декабря встретился с тремя представителями Центрального комитета - Черновым, Савинковым и Аргуновым в отеле “Вальдорф”, чтобы дать им исчерпывающую информацию о ноябрьском посещении Азефа и его деятельности как полицейского агента. Так как Азеф действительно встречался с Лопухиным в Петербурге и не мог обеспечить себе алиби, не оставалось сомнений в истинности утверждений Лопухина, и накануне нового года группа лидеров ПСР вынесла раскрытому агенту смертный приговор. Все же престиж Азефа был на столько высок, что большинством голосов было решено дать ему еще один шанс оправдать себя. Вечером 5 января 1909 г. Чер-

нов, Савинков и еще один эсер Ян Бердо (“Николай”) нанесли Азефу неожиданный визит и обещали спасти ему жизнь, если он раскроет свои связи с полицией. После того как Азеф отказался это сделать, революционеры, все еще находясь во власти его авторитета, побоялись сделать решительный шаг и дали Азефу один день, чтобы он обдумал их предложение. Как только они ушли, Азеф вышел из дому и исчез.

На покое.

После побега из Парижа для Евно Фишелевича началась совсем новая жизнь - того типа, о котором он, по-видимому, уже давно мечтал и к которому он во всяком случае давно уже систематически готовился.

В гостях у госпожи N в ее провинциальном захолустье он пробыл не долго: получил от Герасимова жалованье за последний месяц своей полицейской службы (в его “послужном списке” таковым значится декабрь 1908 г.: всего он состоял на службе 15 лет и 7 месяцев); получил какую-то, совсем небольшую сумму “ликвидационных”, а также - для него теперь это было самым важным - несколько хороших заграничных паспортов... И затем отправился с г-жою N в путешествие. Это было настоящее “свадебное путешествие”, затянувшееся на много месяцев. Первую половину 1909 года они провели на юге - в Италии, Греции, Египте, бродили по развалинам Колизея, пожили на островах Эгейского моря, поднимались на Хеопсову пирамиду. Позднее, когда пришло жаркое лето, перекинулись на север и объехали Швецию, Норвегию, Данию... Средств при разъездах не жалели: ездили всегда первым классом, останавливались в лучших комнатах лучших отелей.

Только к осени Евно Азеф стал несколько более спокойным. Разъезды пора было кончать - время было думать о прочном устройстве на длительное время. Местом своего пребывания он выбрал Берлин. Прописались по паспорту Александра Неймайера, купца, и его законной супруги. Была снята большая квартира, в шесть комнат, в одном из лучших районов тогдашнего Берлина, в Вильмерсдорфе (в доме № 21 по Луитпольдштрассе). На обстановку не жалели денег. Купили хороший рояль, завели хрусталь, столовое серебро. Позднее все вещи Азефа были застрахованы в 20 тысяч

марок - себестоимость их была значительно большей. Обосновывались всерьез и на-долго.

В качестве профессии для себя Евно Фишелевич избрал благородное ремесло игры на бирже. Оказывается, интерес к этому делу у него существовал и раньше, а в последние годы перед его разоблачением он уже покупал ценные бумаги. С 1911 года он внес свое имя в официальный регистр торговых фирм Берлина и выправил годовую карту для входа на биржу (в 1915 г. это была карта № 765). Дела вел довольно большие и позднее, уже из берлинской тюрьмы, не без гордости писал, что его имя было известно не только в Берлине, но и на Нью-Йоркской, и Лондонской биржах. Как велики были деньги, вложенные им в дела, точно установить не удастся, но во всяком случае они были немаленькие: весной 1913 г. он потерял около 14 тыс. - и это не нанесло ему заметного ущерба. Надо полагать, что общая сумма во всяком случае была не меньше 100 тысяч марок. А так как он около этого времени сделал вклад на имя г-жи N в размере 30 тыс. марок; на квартирную обстановку истратил не менее 25 тыс. марок; драгоценностей г-же N одновременно купил, по ее собственной оценке, не меньше чем на 50 тыс. марок; так как затем много съела жизнь “сплошного пикника” в 1908-09 гг., то общую сумму “сбережений”, сделанных Азефом за годы его высокопочтенной работы следует определить во всяком случае не меньше как в 200-250 тыс. марок.

Он постарался несколько изменить свою внешность и отпустил небольшую мягкую бородку, которая действительно заметно смягчала выражение его лица. Всегда внимательно следил за своей внешностью и очень хорошо одевался. Шил много костюмов и все у лучших портных. Денег на себя вообще не жалел и постоянно говорил г-же N, что на их век денег у него хватит и поэтому они не должны думать о будущем.

Война нанесла Евно Азефу жестокие удары. Он имел неосторожность если не все, то большую часть своего состояния держать в русских бумагах, а потому запрет котировать русские бумаги на Берлинской бирже был для него настоящей финансовой катастрофой.

12 июня 1915 года Азеф был арестован германской полицией по подозрению в шпионаже. В тюрьме он пробыл более двух лет. Много болел и даже лежал в Моабитской тюремной больнице. Незадолго до рождества 1917 его освободили.

Свободно по улицам Берлина Евно Фишелевичу ходить пришлось недолго. Тюрьма серьезно подорвала его здоровье, и он с самого начала постоянно прихварывал. В середине апреля у него обострилась болезнь почек и он слег в больницу. Уже 17 апреля он писал г-же N, что плохо себя чувствует, а потому с трудом может писать даже небольшие записки. Ухудшение шло быстро, и 24 апреля 1918 г. в 4 часа пополудни он умер.

Похороны состоялись 26 апреля на кладбище в Вильмерсдорфе. Место на кладбище было куплено второго класса - за 51 марку 50 пф. Похороны были совершены тоже по второму классу: по счету похоронного бюро было уплачено 767 мар. 50 пф. (дубовый гроб со старыми медными скобами - 500 мар., похоронные дроги II класса - 45 мар. и т.д.). За гробом шла одна г-жа N.

На могиле Евно Азефа нет никаких надписей. Даже привычных дат жизни (как следствие год рождения историки определяют 1869 или 1870), только дощечка с номером места "446". В 1925 году г-жа N поясняла историку революционного движения Борису Николаевскому:

- Знаете, здесь сейчас так много русских, часто ходят и сюда... Вот видите. Рядом тоже русские лежат. Кто-нибудь прочтет, вспомнит старое - могут выйти неприятности... Лучше не надо...

Трудно спорить: так действительно лучше...

Борис Савинков - в двухстах шагах от революции.

Обычная биография.

Обычная биография Савинкова Бориса Викторовича, известного в писательской среде под именем Виктора Ропшина началась в Харькове, в семье судьи, где он и родился 31 января 1879 года. Отец, кристально честный человек, за либеральные взгляды был уволен в отставку, старший брат - сослан в Сибирь... Борис Савинков учился в Варшавской гимназии, затем в Санкт-Петербургском Университете, откуда и был исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1897 арестован в Варшаве. В 1898 году вошел в социал-демократическую группу “Рабочее знамя”. Автор ряда статей в газете “Рабочая мысль” получивших положительный отклик, прозванного уже тогда “Стариком” будущего лидера большевиков Владимира Ильича Ульянова.

Женат на дочери писателя-демократа Г. И. Успенского...

В 1901 арест... с последующей высылкой в 1902 году высылкой в Вологду. Из ссылки в 1903 году бежит в Женеву. Вступив в ряды эсеров вместе с Григорием Гершуни и Евно Азефом, возглавил террористическое крыло партии - ее боевую организацию. Один из организаторов покушений на министра внутренних дел фон Плеве и Великого князя Сергея Александровича. Ближайший друг и патрон провокатора и одновременно руководителя боевой группы ПСР - Евно Азефа... Арестован, приговорен к смерти, бежал. Из партии в первый раз вышел в 1907 году.

В 1909 году опубликовал повесть “Конь бледный”, очень неоднозначно и даже враждебно встреченную в революционной среде... В 1911 году эмигрировал. В первую мировую войну был добровольцем во Французской армии.

Эсеры.

Романтический ореол жертвенности окружал именно эту политическую группировку царской России. Бомбист, схваченный тотчас же после взрыва в Москве, объявил на первом же допросе: “Я имею честь быть членом Боевой организации партии

социалистов-революционеров, по приговору которой я убил Великого князя Сергея Александровича. Я счастлив, что исполнил свой долг, который лежал на всей России”. Это был Иван Каляев. Каляева удушили на эшафоте. Савинков остался жить. Шансов остаться в живых у него было более, чем у товарищей по партии. Причина крылась в партийном разделении труда. В этом разделении Егору Сазонову и Ивану Каляеву было предназначено бросить бомбу и погибнуть... Их непосредственный шеф в это время всегда оказывался метрах в двухстах от взрыва. Борису Викторовичу Савинкову данное разделение труда оставляло должность организатора. Веревка палача ожидала его в случае поимки (либо на месте акции, либо по “навету” товарищей).

Разделение труда обязывало Егора Сазонова играть роль лакея, Ивана Каляева - торговать в разнос и заниматься извозом. Борис Савинков же и на конспиративной квартире, и в обыденной жизни, был щегольски одетым, разъезжающим с “женой” на автомобиле, барином... Барином, как бы издалека наблюдающим за страшным поединком революционеров и правительства. “Еще в Женеве из газет, - пишет В. Ропшин в своих “Воспоминаниях террориста”, - мы узнали о смерти Швейцера. Швейцер под фамилией Артура Генри Мюр Мак-Куллона погиб в ночь на 26 февраля 1905 года в гостинице “Бристоль” в Петербурге такой же смертью, какой умер Покотилов 31 марта 1904 г. в Северной гостинице. Он заряжал бомбы для покушения на великого князя Владимира Александровича.

По поводу его смерти в № 61 “Революционной России” появилась следующая заметка:

“В ночь на 26 февраля в С.- Петербурге, в меблированных комнатах “Бристоль”, погиб от случайного взрыва член боевой организации партии социалистов революционеров”.

Официальный документ так описывает смерть Швейцера:

“... В ночь на 26 февраля 1905 г. в г. Петербурге в меблированных комнатах “Бристоль”, помещающихся в д. № 39 - 12, на углу Морской и Вознесенского проспекта, произошел приблизительно часа в 4 утра взрыв в комнате № 27. Силой взрыва в означенном доме, по фасаду, обращенному к Исаакиевскому скверу, во всех четырех эта-

жах выбиты стекла в 36 окнах. Прилегающая часть Вознесенского проспекта (панель и часть мостовой) в беспорядке завалены досками, кусками мебели и разными вещами, выброшенными силой взрыва из разрушенных помещений. Часть этих вещей перекинуло через всю ширину проспекта (37 шагов) в Исаакиевский собор, в котором на протяжении 16 шагов повалило даже чугунную решетку в трех пролетах”.

Февраль 1917 года сделал партию эсеров правящей. Трудовик Александр Керенский стал министром юстиции в первом Временном правительстве князя Львова... Деятельность второго и третьего правительства, к сожалению или к счастью, не убавили накал предоктябрьского лета и осени в России.

В борьбе обретешь ты право свое...

Борис Савинков в это время комиссар Временного правительства в штаб-квартире русской армии, комиссар на юго-западном фронте, товарищ (заместитель) министра обороны при Александре Керенском.

К началу июля Борис Викторович испытывает жесткое разочарование в ходе русской революции. Его оценка премьер-министра Керенского звучит недоуменный репликой о “самовлюбленном премьер-министре от революции” в разговорах с близкими он характеризует советы как нечто ему отвратительное: “как будто бы глотнул какую-то кислую мерзость” - пародирует писатель Ропшин...

В противостоянии Керенский-Корнилов Борис Савинков пытается взять на себя роль арбитра в переговорах. Как следствие - мятеж генерала, его арест и исключение Бориса Викторовича Савинкова из рядов Партии Социалистов-Революционеров за двурушничество.

Впрочем социалистом-революционером Борис Савинков к тому времени уже не был - его симпатии сосредоточились на лидере надклассово-националистического толка будущем польском диктаторе - Пилсудском.

Антон Иванович Деникин описавший Россию между двумя революциями 1917 года характеризует Бориса Савинкова следующим образом: “Самый жестокий, чуждый каких бы то не было сдерживающих начал “условной морали”, презирующий и Временное правительство и Керенского, в интересах целесообразности, по своему пони-

маемых, поддерживающий правительство, и готовый в каждую минуту сместить его - он видел в Корнилове лишь орудие борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение”.

На назревание общенационального кризиса Борис Савинков реагировал однозначно - требуя введения смертной казни на фронте и роспуска солдатских комитетов. Именно он отправил из Петрограда обратно в Кронштад революционных матросов, пришедших на помощь Керенскому, призвал к аресту большевиков и высказался на съезде представителей казачества в пользу Корнилова...

Как следствие - избрание на Демократическом Сопещании во Временный Совет Российской Республики (Предпарламент) от Кубани. И уже упомянутое выше исключение из ПСР.

Разлом.

Октябрь 1917 поставил все точки на і . Попытка освободить Зимний Дворец, комиссарство от Временного правительства в Гатчинском отряде Петра Краснова, побег на Дон к генералу Алексееву...

Большая террористическая и подпольная деятельность Бориса Савинкова развернулась в 1918. В феврале с отрядом в 800 офицеров он просачивается в Москву с целью взять власть в первой столице бывшей империи - ВЧК работает безукоризненно, маститый организатор террора терпит фиаско. Летом мятежи в Ярославле, Муроме, Рыбинске...

И опять эмиграция... Работа в “Бюро печати “Унион”, помощь Колчаку и Деникину, попытка выпуска газеты “За Свободу”...

Уинстон Черчилль познакомился с Б. Савинковым в 1919 году в Лондоне. Романтик в душе, с несомненной жилкой авантюриста, в лучшем и возвышенном смысле этого понятия, участник англо-бурской войны и будущий союзник Сталина во Второй Мировой войне Черчилль подсознательно увлекся Савинковым, который по всей видимости напоминал ему героя древних английских баллад - Робина Гуда. “Он был необыкновенным явлением - террорист с умеренными целями” - вспоминал крупнейший политический деятель англоязычного мира впоследствии.

Сам Борис Викторович, призывая к расширению военной интервенции в Советскую Россию, заявил Лойд Джоржу: “... после падения Римской империи, наступило мрачное средневековье”

Апогея антисоветская деятельность Савинкова достигла во время Советско-Польской войны, когда Борис Викторович возглавил Русский политический центр в Варшаве. Именно в 1921 году, когда огромная часть русского офицерства и казачества встали на защиту, пусть советской, но России, Борис Савинков совместно с генерал-майором Станиславом Булак-Балаховичем вступает в борьбу с ненавистной Совдепией. С. Булак-Балахович проделал извилистый постреволуционный путь - от службы в РККА до перехода в начале 19-го к белым, найма на службу в Эстонии и наконец организации повстанческого движения на территории ЛитБела, захваченного впоследствии Польшей.

Добрые отношения с поляками позволяли отрядам Булак-Балаховича вторгаться на территорию РСФСР и беспрепятственно уходить за кордон.

Именно этим вылазкам флибустьеров антикоммунизма посвятил Борис Савинков, свое последнее произведение “Конь вороной”.

Своих врагов 1922 года бывший руководитель боевой организации эсеров, а для людей биографии Бориса Викторовича не знавших “господин генерал” предпочитал видеть глазами писателя Виктора Ропшина:

“Мадам Минькович стучится ко мне:

- К вам пришли, господин генерал.

Я оборачиваюсь. На пороге молодая женщина в белой папахе. У нее серые, навывкат, глаза и круглое, нарумяненное лицо. Она нерешительно подходит ко мне.

- Вы удивляетесь? Я Тетерина.

Я не удивляюсь. Она не могла не прийти: она загнана и окружена, как волчица. Я подвигаю ей стул:

- Садитесь.

Она вынимает платок и плачет. Я молчу. В дверях бесшумно вырастают Егоров и Федя. Они жадно, в упор, разглядывают ее.

- Я пришла... Я пришла предложить вам свои услуги...

- Какие услуги?

- Я хочу служить белым.

- Вы были агентом Че-ка?

Она говорит сквозь слезы:

- Заставили... Поневоле...

- Ваш муж повешен?

- Он мне не муж...

Горячий обруч сжимает мне горло... она своею рукой расстреливала наших солдат. Она перед смертью издевалась над ними. Мы повесили ее мужа. А теперь она предает своих.

- На службу я вас не приму.

Она с улыбкой опускает глаза.

- Напрасно... Я готова на все...

На все?.. Послушайте, вот что. Предлагаю на выбор. Либо я вас отдам вот им, либо... либо вы застрелитесь сами. Решайте.

Егоров и Федя понемногу придвигаются к ней. Она не верит. Она говорит:

- Вы шутите?

- Нет.

- Не может этого быть...

- Ординарцы!

Она встала. Она поняла, наконец. Она не плачет и не улыбается больше. И вдруг, с размаху, падает на пол. Бьется полное, обессиленное внезапно, тело. Я говорю:

- Уберите ее.

Егоров подходит и толкает ее сапогом.

- Вставай бесовка... Пора.

А Федя подмигивает единственным глазом:

- Пожалуйста, мадам, бриться.”

В 1922-1923 годах Борис Савинков увлечен бывшим социалистом, экс-редактором газеты “Аванте” Бенито Муссолини. Он даже встречается с Дуче...

Фашизм зачаровывает его мысль.

Перед судом.

16 августа 1924 года Борис Викторович Савинков был арестован ЧК в Минске, куда приехал дабы возглавить крупнейшую подпольную организацию, готовую свергнуть режим в одночасье.

Организацию возглавить не пришлось, так как она была организована компетентными органами с целью завлечения Бориса Савинкова в СССР.

29 августа 1924 года, в час с четвертью пополудни было оглашено решение открытого суда: “расстрел с конфискацией имущества”. Через пять часов Борису Викторовичу вручили постановление ЦИК Союза ССР. Высшая мера наказания заменялась 10 годами лишения свободы.

В тюрьме Савинков сходитя с членом ЧК Яковом Григорьевичем Блюмкиным. Социалист-революционер с 1914 года, левый эсер с 1917, Яков Блюмкин участник покушения на германского посла Мирбаха и один из зачинателей левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 года сражался с немцами на Украине, как эсер максималист... В 1919 году был амнистирован, вернулся в Советскую Россию, тесно сотрудничал с Троцким...

Быть может под влиянием Блюмкина пишет Савинков свои письма, призывавшие бывших друзей прекратить борьбу с русским народом и российской компартией. “Не знаю, читали ли вы отчеты о заседаниях съездов ВЦИК и проч. Но я, читая их, был изумлен тем мужеством, с которым в них говорилось о недостатках советской власти”. И далее: “Но допустим, что коммунисты “врут”. Я утверждаю, что, если это даже на так, то и тогда не подлежит никакому сомнению, во-первых, что советская власть делает все возможное для восстановления экономического положения России и, во-вторых, что ей это в значительной мере удается.” И еще: “Запомните, коммунисты завоевали “середняка”, т.е. огромное большинство крестьянского населения, - того

“средняка”, который испытал на себе прелести “белого” рая и “зеленой” борьбы и который спокойный пашет теперь свою землю.”

В мае 1925 года он ходатайствует об освобождении вчистую. Ссылаясь на свой огромный опыт, он предлагает использовать себя в аппарате советского государства на одной из руководящих должностей... Тогда же газеты сообщают о его самоубийстве. По официальной версии он бросился в лестничный проем с 5-го этажа. Впрочем, существует и другая версия - версия убийства...

Друзья Бориса Савинкова Иван Каляев и Егор Сазонов сложили головы в борьбе с самодержавием не дожив до 1917 года. Яков Григорьевич Блюмкин погиб в 1929 году - ему не простили сотрудничество с впавшим в опалу Троцким. Станислав Булак-Балахович был убит в Варшаве в 1940-м, Петр Краснов повешен по решению Советского суда за измену Родине вскоре по окончании Великой Отечественной войны.

Борис Викторович Савинков, как лицо политическое исчез за долго до своей физической смерти.

Приложения.

Документ №1

Российская Социал-демократическая Рабочая партия

РАБОЧИЙ КЛАСС И ПОП ГАПОН

(Ко всем работникам и работницам)

Итак, товарищи, первый шаг восстания совершен.

Но как он совершен? Впереди десятков тысяч рабочих стоит нелепая фигура попа в рясе, с крепом и иконами руках. Российский рабочий класс, как ребенок, еще не научившийся самостоятельно ходить, еще не совсем свободный от темноты, в которой усердно держало его царское правительство, сделал первый шаг по пути революции не под красным знаменем пролетариев всех стран, а под крестом хоругвью и этими царско-поповскими фуриями затемняющими сознания народных масс. Хоругви вместо красного знамени поп вместо социал-демократии, обречение себя на расстрел вместо нападения. Таков был полусознательный, но великий выход российского рабочего класса на путь революционного восстания. И этот могучий взрыв народного негодования должен был показать рабочему классу, что значит поднять место пролетарского знамени поповское знамя рабской покорности, терпения и надежды на бога.

Кровь сотен мирных, беззащитных людей еще раз оросила мостовую царской столицы. Вспомните, товарищи, что говорила и до сих пор говорит социал-демократия, и вспомните, что говорил рабочим поп Гапон.

Социал-демократия — этот передовой отряд рабочего класса — постоянно указывала, рабочим, что до тех пор, пока существует царская монархия, до тех пор рабочему классу народной бедноте нечего и думать о свободе. До тех пор пока существует царь, пока существует монархия, «свобода», которую — под страхом революции — может даровать правительство, окажется свободной не для всех, а лишь для людей, обладающих собственностью и капиталом. Вся народная свобода, то есть такая свобода, которая необходима рабочему классу для успешной борьбы за социализм, такая свобода не уживается с монархией: или свобода для всего народа, рождаемая в развалинах монархии, или куцая конституция при сохранении целостности монархии.

Именно к такой куцей свободе стремились и стремятся либералы и люди, называющие себя «соц-революционерами». Правда, они тоже готовы кричать: «Да здравствует учредительное собрание, избранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов», как это и сделал поп Гапон в своих посланиях народу. Но для того, чтобы осуществить это требование, г. либералы и «соц-революционеры» «в трогательном единении с попом Гапоном становятся на такую дорогу, на которой кроме куцей свободы ничего не найдешь.

Либералы хотят выпросить и убедить правительство даровать свободу «для своего же блага»... Соц-революционеры думают насильственными действиями застрашать самодержавие и принудить его согласиться на «свободу».

Поп Гапон писал письма царю и министру внутренних дел, в этих письмах или лгал, или высказывал собственное невежество, затемняя этим обращением к властям сознание рабочих масс. В своих письмах к царю он высокопарно восклицает: «ведь ты (царь) поставлен на счастье народа...». В письме к министру внутренних дел обнаглевший поп решается говорить не только за народ, но и от имени всех революционных организаций. «Я как представитель собрания... русских... рабочих...» Я, рабочие и «даже революционные группы разных направлений гарантируют неприкосновенность его (царя) личности, пусть он выйдет как истинный (!) царь с мужественным (!) сердцем к своему народу». Так лгал поп Гапон подобно земским либералам, говоря о доверии царя народу и народа к царской власти. Подготовив и настроив поднявшиеся народные массы на мирный доверчивый лад, поп Гапон повел полусознательные тысячи народа ко дворцу, чтобы там на площади, перед дулами царских ружей сотнями тел невооруженных людей воздействовать на царя и получить «кущую свободу» не для народной бедности, а для знатных, обеспеченных людей.

Либералы, соц-революционеры и поп Гапон, несмотря на свои громкие слова, оказались невольными союзниками в своем воздействии на царскую власть. Только социал-демократия — истинная представительница интересов рабочего класса — говорит и будет говорить рабочим и народной бедноте не о воздействии, не об утрашении, а о разрушении царской монархии.

Социал-демократия, выставляя требования народной свободы, всенародного учредительного собрания и республики, никогда не забывала говорить рабочим, что такая общенародная свобода может быть достигнута только тогда, когда от царской монархии не останется камня на камне. Поэтому путь, единственно правильный и прямой, путь, который приведет рабочий класс к необходимой для него свободе, есть путь всенародного восстания, есть путь революции.

Будьте готовы к всенародному восстанию! — так говорила и говорит социал-демократия рабочему классу, но голос передового отряда российских рабочих еще не проник глубоко в серые массы рабочего люда, и когда в царской столице вспыхнули волнения сотысячной армии рабочих, волнения, подготовленные кровавой бойней, затеянной правительством на Востоке, рабочая масса, полная революционного гнева, но плохо еще уразумевшая сущность рабочего дела, пошла за хоругвью попа Гапона, а не под красным знаменем социал-демократии. И то, что должно было случиться, о чем неустанно повторяла рабочим социал-демократия, совершилось на деле. Увлеченные попом Гапоном рабочие массы поверили этому выскочке в рясе, поверили, что царское правительство милостиво примет их, что царь и его правительство захотят и смогут даровать истинную революционную свободу... Дадут ту самую свободу, которая уничтожит царя и его правительство!!! Хоругвями, иконами, царским портретом и рабским смирением хотел поп Гапон уничтожить монархию. Полусознательные рабочие массы, полные смирения и ложного доверия царю, покорно подставили свою грудь под царские пули, и сотни безоружных людей оросили своей кровью мостовую царской столицы. И только тогда, когда зверская расправа совершилась, Гапон сделал то самое, о чем давно говорила социал-демократия: призвал рабочих к оружию, отрекся от царя. Но и тут, брошенный в революцию народным негодованием, Гапон по-прежнему держался как поп.

Он не скидывает позорную рясу, говорит поповские речи, разрешает от клятвы и, во имя освобождения народа, именем бога морочит народ. Таков поп Гапон, занявший место социал-демократии и своим невежеством и поповским духом значительно ослабивший значение первого шага российской революции.

Но как бы там ни было, первое действие российской революции завершено. Полусознательное воззвание Петербургских рабочих громом облетело всю Россию, и почти вся рабочая Россия дружно и громко отозвалась. В десятках городов рабочие прекратили работы, повергнув в ужас царское правительство. В некоторых городах рабочие вышли на улицы и демонстрациями поддержали Петербургских борцов.

Царская монархия и рабочая Россия стали лицом к лицу на улицах российских городов. И такой жалкой, такой позорной кажется компания наших либералов перед этой самоотверженной борьбой! Баррикады и чистая кровь рабочего класса и мирное высиживание «свободы» на банкетах и собраниях буржуазных либералов. Полусознательное восстание рабочих в Петербурге вконец убило веру в царя даже в самой серой массе рабочего люда. Мало того: оно убило веру не только в царя, но и в взбунтовавшегося попа, подведшего полутемную массу народа под расстрел царской охраны. Зато кровь, пролитая на мостовых Петербурга, воспитала в рабочих массах непоколебимую веру в себя, в свою силу, в силу рабочего класса.

Один единственный путь для завоевания истинной свободы, необходимой рабочему классу в его борьбе за социализм — путь восстания, путь революции и уничтожения монархии — стал понятен массам рабочих люден. Тяжелым кровавым крещением на улицах Петербурга рабочий класс поднят до сознания, что единственным руководителем его движения может быть только социал-демократия, давно говорившая ему о том, к чему он сам пришел опытом недавних дней. Итак, товарищи, первый шаг всенародного восстания совершен. Второй шаг, который неизбежно разнесем царскую монархию в прах, российский рабочий класс сделает не с иконами в руках, не с хоругвями, не со смиренным прошением на устах, а с оружием в руках, с ненавистью в сердце к царскому самодержавию и под красным знаменем пролетариев всех стран. Это будет второй и последний шаг, последний шаг к той свободе, которая нужна рабочему классу для борьбы с буржуазией за всеобщее счастье — за социализм.

Вместо хоругви — красное знамя, вместо попа — социал-демократия, вместо смирения — смелое нападение с оружием в руках. Таков наш последний шаг, который не оставит камня на камне от царской монархии.

Готовьтесь же, товарищи! Революция не за горами! Москва, Вильно, Киев, Рига, Одесса, Саратов, Самара, Минск, Томск...

Сибирский Союз и Комитет РСДРП март, 1905 года.

(издано в 16 тыс.)

ГАРФ., ф. 1741, оп. I, ед. хр. 10027.

Документ №2

Партия социалистов-революционеров

«В борьбе обрешь ты право свое!»

На смерть он Дитмара

Одним приспешником самодержавия стало меньше: 29 сентября членами Боевой Дружины Партии социалистов-революционеров казнен красноярский полицмейстер фон Дитмар. Да, он казнен, он получил достойную кару за всю свою подлую полицейскую политику. И за это собаке – собачья смерть! За его короткую деятельность полицмейстера его дерзким деяниям нет числа. По чьему приказанию 10 августа избили безоружных рабочих за то, что они собрались па мирную разрешенную губернатором сходку? Кто после этого гнусного избиения поклялся перед своими дружками вывести в Красноярске революционную головку? И какой смешной и какой глупой иронией кажутся после этого все лживые соболезнования его друзей: он болел душой за рабочих, для рабочих он делал все, что мог. Да он делал все, что было в его власти, только для того, чтобы подавить всякое пробуждение в рабочем сознании честной мысли.

Во время похорон рабочего Чальникова губернатор дал слово, что полиция на похоронах присутствовать не будет, — по распоряжению Дитмара наготове стояли казаки в количестве достаточном для того, чтобы избить и разогнать безоружную толпу.

Он не стеснялся никакими средствами для того, чтобы угодить высшим мерзавцам. Его не смутили бы и сотни жертв, и сотни обездоленных семей. Но довольно! Он прекратил свою холопскую деятельность. Он был слишком ярим, слишком бесцеремонным защитником самодержавного плутократического режима, и за это он наказан смертью. Так казнят палачей народа!

Пусть же знает всякий бесстыдный приспешник самодержавия, что его подлая деятельность не останется безнаказанной.

Террор — это единственное в наших руках действенное средство удалить всякого зазнавшегося мерзавца. Пусть лучше будет казнен один верноподданный палач, чем по его милости будут избиваться сотни неповинных людей.

Итак:

Долой эту вражью породу!

Свободу народу, свободу!..

Да здравствует единичный террор!

Да здравствует вооруженное народное восстание!

ГАРФ. ДПОО, ф. 102, 1905, л. 5, ч. 26. л. 21.

Документ №3

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

«По делам вашим воздается вам!» Граждане!

15 декабря членами Областного Летучего Боевого отряда Сибирского Союза Партии социалистов-революционеров казнен начальник карательной экспедиции, бывший временный генерал-губернатор Ставропольской губернии генерал Литвинов

Казнен усмиритель Ставропольской губернии, который не стеснялся в средствах усмирения. Села, которые отказывались писать приговоры под диктовку Литвинова: «чтобы, значит, все по-старому было, чтобы мужики подати платили и рекрутов давали», были безжалостно обстреливаемые артиллерией генерала.

Так, 28 августа по селу Винодельскому целый день грохотали пушки и лопавшаяся шрапнель осыпала село пулями и осколками. Только в одном Винодельном было выпущено 94 снаряда!!!

Этого генералу Литвинову показалось мало и он арестовал 15 членов местного крестьянского комитета. По приказанию Литвинова стражники и становой жестоко били их нагайками. Изобьют, отольют водой и опять бьют так, что плети были в крови. Такого рода истории генерал проделывал в каждом селе. В результате карательной

экспедиции генерала Литвинова было несколько человек убитых, десятки раненых и сотни заживо погребенных — засаженных в царские казематы, где их гноят и по настоящее время.

Экспедиция Литвинова как и всякая другая экспедиция сопровождалась грабежами, убийствами, калечением и насилиями над женщинами. Крестьяне-ставропольцы рассказывают: «Целых двадцать дней прожил генерал со своими войсками у нас в губернии и, за все что брали, не уплатили казаки-осетины тоже не дремали и пользуясь полной темнотой, грабили, девушек также не пропускали, где заметят покрасивее, так за село и утянут. И что было у нас в губернии - то не дай Бог!!! Старики седые говорят, что никогда такого горя не видывали.. Так и думали что разорит генерал нашу губернию дочиста!. »

«Я, говорит, от самого царя послан вас, сукиных детей, усмирять. Коли еще забунтуете то весь суд вам будет два столба, да перекладина!..».

зверская расправа генерала Литвинова с восставшими за «Землю и волю» крестьянами очень понравилась самодержавному властелину Николаю II Кровавому, и доблестный генерал был назначен губернатором Акмолинской области. Эту новую почетную для него должность Литвинов принял не без удовольствия, предвкушая совершить ряд новых зверств. По приезду в Омск генерал скачал: «Я умею расправляться с крестьянами, но не менее умело расправляюсь и с Омском». Генерал забежал немного вперед: он действительно «умело» грабил, насиловал, убивал, избивал и сек крестьян, но сделать то же самое с Акмолинской областью ему не удалось.

В самый разгар деятельности кровавого экзекутора Партия социалистов-революционеров выполнила приговор над зверем-палачем.

Мы выполнили приговор народного суда в лице крестьян-ставропольцев. Этот приговор был затаен в глубине сердца каждого честного гражданина.

Литвинов принес на алтарь самодержавного идола всю свою жестокость и только жестокость . И за все свои деяния он получил должное.

Нет больше кровавого генерала Литвинова!. Русский народ избавился еще от одного своего палача! Рухнула еще одна подпорка самодержавия...

«..И настанут те дни недалекие,
Когда трон, пошатнувшись, падет.
И над русской равниной широкою
Ярко солнце свободы взойдет».

Областной Летучий Боевой отряд Сибирского Союза
Партии социалистов-революционеров

Издание Томск. комитет Партии социалистов-революционеров

Декабрь 1906 года

ГАРФ ф. 1741 оп. 1 ч. 7 (2) ед. хр. 34824

Документ №4

*Партия социалистов-революционеров
"В борьбе обретишь ты право свое"*

Ко всем.

23 декабря по приговору Иркутской боевой организации Партии социалистов-революционеров один из членов ее стрелял в исполняющего обязанности Иркутского губернатора Мишина.

Мы, социалисты-революционеры, не хотим крови; мы стремимся к тому, чтобы иметь возможность нести идеи социализма в темные массы народа. Но, живя в полицейском государстве, поддерживающем свое господство исключительно насилем, мы, по необходимости, должны защищать себя силой и пользоваться в этом направлении всеми имеющимися в наших руках средствами, не исключая и террора.

Преступная деятельность Мишина у всех на глазах. Все помнят, как он вооруженной силой разгонял собрания рабочих и интеллигенции, выхватывал десятки из нашей среды самых лучших борцов за социализм, томил их целыми месяцами в тюрьмах, не имея на то никаких данных. У всех на памяти его провокационная деятельность в Октябрьскую забастовку. Расстрел телеграфистов и арест их стачечного комитета - тоже дело его рук. Остановить рвение царского сатрапа можно было только одним

способом - устранить его. И один из членов Боевой организации взял на себя обязанность исполнить постановленный ею смертный приговор над этим палачом; выстрел не вполне достиг цели. Но пусть помнят враги народа, что нашим девизом всегда было и будет: насилию противопоставлять силу, палачей народа казнить смертью.

Иркутский комитет Партии социалистов-революционеров. 26 декабря 1905 г.
Типография Иркутского комитета Партии социалистов-революционеров.

Н. П. Курусканова Нелегальная печать Сибирских Эсеров
в период борьбы с самодержавием (1901-февраль 1917 гг.).
Омск: ОО ИПКРО, 2000. 110 С., С-70.

Документ №5

Предсмертное письмо Николая Коршуна, совершившего 27 октября 1906 года неудачное покушение на иркутского генерал-губернатора Раненкампа.

«Дорогая мама, умираю вполне спокойно, даже хорошо. Жалею страшно о неудаче, но это уже не поправишь. Так что и это ничего. Не писал вам потому, что нельзя было. Очень был бы рад, если бы не очень убивались по мне. Всех братьев, сестер и родичей крепко целую. Особенно Вальку и Юрку.

Товарищам шлю сердечный привет.

Еще и еще раз всех крепко целую.

Николай.

P.S. Ну, ребятки, прощайте. Ей богу же не трудно умирать, если веришь, что нужно умереть. Ну, не горюйте же, от меня же все равно нечего было больше ждать.

Ваську прошу передать привет Н. Пусть не сердится и не горюет.

И. Н. Озерова, С. В. Новиков Особенности пропаганды революционных партий 1905-1907 гг. (на материалах сибирских листовок РСДРП, партии социалистов-революционеров и анархистов). //К вопросу о политических блоках. Омск, 1993. С.17-18

Документ №6

Письмо от русских крестьян Николаю II. царь Николай Второй!

Мы, русские крестьяне, пишем к тебе это письмо. Мы считали тебя народным отцом и земным богом. Мы служили тебе верой и правдой, а наши отцы служил" твоему отцу, и наши деды твоим дедам, В поте липа своего, тяжким трудом мы обрабатывали землю, все, что добывали, до последней копейки, отдавали в твою казну, чтобы тратил ты эти деньги на русскую державу.

Когда руки наши трескались от черных мозолей, а семьи умирали с голоду и дети с плачем просили есть в нетопленных избах, под раскрытыми крышами, мы вспоминали, что ты живешь во дворце, сидишь на троне, ходишь в золоте ешь самое сладкое, играешь и пируешь, — но мы не роптали на тебя. Мы говорили себе: пусть утешается, пусть ходит в золоте, он наш отец, он помнит о нас, он жалеет нас. Только недруги наши, большие господа, помещики и министры, окружили сто, как плотная стена и не дают нашему голосу дойти до его ушей. Но будет когда-нибудь день, и мы прорвем эту стену и подойдем к самому его трону с нашими слезами и нашими жалобами, и расскажем ему про все обиды и про все стеснения, и он услышит нас и сделает для нас добро и осушит наши слезы. Так думали мы, служили тебе всем сердцем и всем разумом.

Мы отдали сотни тысяч самых лучших, самых здоровых сыновей наших в твою царскую службу. И когда какой-нибудь из соседних государей грозил пределам России или наносил обиду русскому имени, стоило тебе кликнуть клич, и мы поднимались как один человек и шли проливать свою кровь на поле битвы. Мы погибаем тысячами, как погибает саранча, в защиту Отечества.

Мы все тебе отдали до последней корки хлеба и последней капли крови. Русский царь, что ты дал нам взамен нашей тяжелой службы и нашей верной любви?

Когда 9-го января 1905 года петербургские рабочие пошли к твоему дворцу и хотели рассказать тебе о своей трудной жизни и о своем утеснении, твои генералы велели солдатам расстрелять рабочее шествие. Рабочие шли чинно и торжественно, с хо-

ругвиями и иконами и с твоими собственными портретами. Солдатские пули пробili хоругвы, конские копыта растоптали иконы. Сотни были убиты, тысячи ранены. Зачем не вышел ты в то время к народу и не остановил кровопролития? Или до твоего царского дворца не дошел треск залпов и стоны раненых? Где был ты в то время, когда народ твой убивали на улицах? Зачем молчал ты? Зачем потом, когда вся земля содрогнулась от ужаса, ты не покарал преступных генералов? Русский царь, невинная кровь женщин и детей обагрила твои портреты, которые несла преданная тебе толпа. Эта кровь — на твоих руках и на твоей душе.

Рабочие схоронили своих мертвецов, настала очередь крестьян. В твоём огромном царстве крестьянам живётся хуже скота бессловесного. Крестьянин кормит своим трудом все царство, а сам не ест досыта. Нет у него ни хлеба, ни прав, ни воли. Крестьянин в твоём царстве — последний человек, только ленивый его не грабит и не обижает.

Мы, крестьяне, не могли все придти к твоему дворцу. Нас слишком много, и живём мы разбросано по всей русской земле. Поэтому мы выбрали своих лучших людей и послали их в Петербург в Государственную Думу для того, чтобы они рассказали тебе всю правду о нашей нужде и нашей обиде.

Первая наша нужда: Земля. Нас много до сотни миллионов, а земли у нас мало. Нам негде пахать и сеять, а у иных из нас нет места, где построиться. Все лучшие земли принадлежат дворянам и князьям и твоим же придворным сановникам. Они сами не пахут, отдают нам землю в аренду и за это берут с нас великие поборы, больше того, что мы вносим в твою казну. Нам самим после вас не остаётся ничего. Мы хотим, чтобы вся земля принадлежала только тем, кто на ней работает: не трутням, но рабочим пчелам, Дворянам и твоим сановникам довольно денежного жалованья, которое ты им даешь. Нечего им съедать наш хлеб, — на прибавок к своему сладкому куску воровать наш кусок, горький и черствый.

Вторая наша нужда: Воля. Нам надо прав. Мы тоже люди, как дворяне и чиновники. Мы хотим, чтобы никто нас не смел ни бить, ни сечь, ни сажать в тюрьму без суда

и разбора, хотим, чтобы дети наши учились в школе и не были такими жалкими как мы, чтобы не было над нами земских, урядников и всей полицейской своры.

Мы хотим своими делами управлять сами через наших выборных людей. Третья нужда: Порядок для нас и всего государства. Управление государством попало в жадные руки. Твои министры грабят казну. Все у нашего государства плохое, поддельное — пушки и бронепоезда, казенная амуниция и солдатская еда. Оттого японцы разбили нас на голову в манжурской войне. Нигде в твоём царстве нет правосудия. Вес чиновники продажные. Бедному и слабому во всем обида: перед богатым и сильным нет защиты.

Царь, мы не верим больше твоим чиновникам! Мы хотим отнять из их рук управление государством и отдать в руки наших выборных людей. Мы знаем, кого выбирать, за своими людьми мы будем сами следить и спрашивать у них отчета Твои чиновники больше не годны для России Царь, ты нарушил свое слово, три раза данное народу. Ты не исполнив собственных манифестов Ты послушал народных врагов министров и помещиков, и не слушал выборных людей всего русского народа. У нас, крестьян, кто не держит слова, тот самый последний человек.

Знаешь ли ты, что творят над нами твои министры после разгона Думы? Они напустили на нас всю воинскую силу казаков и стражников, пехоту и драгун. Силою оружия, пулеметами и пушками они покоряют нас своей воле, топят наш ропот в крови. Каждый день в разных концах земли злою смертью гибнут крестьяне. Стражники стреляют из ружей драгуны рубят шашками, казаки бьют нагайками. Многие деревни выжжены дотла, мужики арестованы, женщины поруганы, последнее имущество разграблено и унесено.

Наших собственных детей напустили на нас, взяли их у нас по набору, связали их фальшивой присягой, подчинили их себе муштровкой и дисциплиной и напустили их на русские села и города. А кто из них не хочет грабить и стрелять, тот сам попадет под арест и даже под расстрел военного суда. Знаешь ли ты, русский царь, что делают над нами, крестьянами, губернаторы и исправники со своими карательными отрядами? Если знаешь, то почему не остановишь? Или зверства эти делают по твоему собствен-

ному разрешению, чтобы защитить твоих дворян и придворных, которые тебе ближе, чем черное крестьянство. Тогда ты не царь а злодей и антихрист, царь-оборотень, дворянский ставленник, враг народа русского хуже иностранного врага.

Знающие люди говорили, что ты первый помещик русский, что у тебя самого, у твоих братьев и дядей миллионы десятин земли, что вы землю свою не хотите отдать народу или отдадите ее кусками по тройной цене, против настоящей. Говорят, что у тебя в английском банке лежит тысяча миллионов рублей, которые ты не даешь тратить для России, а бережешь для своего рода на случай мятежа и бегства.

Нам говорят: не жалуйтесь ему напрасно, не уповайте по-пустому, Он накормит вас пулями вместо хлеба, приласкает вас саблями, Уповайте лучше на самих себя, на свой союз рабочих и крестьянский, Говорят даже, что ты стакнулся с немецким царем Вильгельмом и на случай, если русское войско откажется убивать народ, ты выпросил у него себе в подмогу немецкие полки. Вместо платы ты обещал отдать ему города на границе и у Балтийского моря, прежние немецкие владения. Такой договор есть измена отечеству. Правда ли это, ответь?

Или может быть ты не слышишь наш голос до сей поры? Крупные чиновники заслонили твои уши своими льстивыми речами, министры заслонили твои глаза золотой завесой? Ты ничего не знаешь, ничего не слышишь, ничего не хочешь понимать? Но если ты ничего не понимаешь, то ты нам не нужен. Друга узнают в нужде и при испытании. Россия доходит до крайней гибели, а тебя не видно, не слышно. Сидишь ты в царском селе в Петергофе летом и зимой, прячешься от народ, даже в столицу не показываешься. "Какой же ты после этого царь? Ты слабоумный человек. Твое место не на троне, а в богадельне. Нам не нужно такого бесполезного царя, нам нужно правительство сильное и способное. Уйди со своего высокого места. Пусть наши выборные правят страной сами всем собором без сякого царя.

Мы стали теперь умнее, мы знаем, что в других странах правит делами выборная Дума, и сама назначает министров без всякого царя, и дела идут не хуже. а лучше, чем у нас. На вас, царей, только лишний расход. А пользы для народа от вас нет никакой. Мы, конечно, знаем, что вы не уйдете добром. Ты и вся твоя шайка покоритесь только

силе. А сила пока еще па вашей стороне. Большая часть войска вам повинуется и по слову вашему расстреливает народ. Пока связали присягой как крепкой веревкой детей наших, солдат и всю русскую армию. Присяга ваша лживая, как все ваши слова и дела.

А ты, русский царь, присягнул ли ты русскому народу? И хранишь ли ты свою присягу твердо и ненарушимо? Или ты нарушил ее и послушал министров и чиновников, и братьев и дядьев? Собственный род и племя ты поставил выше всего русского народа.

Ты изменил народу, и армия не будет хранить тебе верности. Армия присягала престолу и отечеству. Отечество больше престола. Отечество — это весь русский народ. И за то, что ты изменил народу и отечеству, мы сведем тебя с престола, и будет наша новая присяга российскому отечеству и всему русскому народу. Пусть солдаты, обманутые вами, еще стреляют и убивают народ. Вы не можете перебить нас. Кто же тогда будет кормить вас, тунеядцев? А добровольно мы не покоримся. Не забудем и не простим той крови, которую вы ежедневно проливаете. Два года длится смута, пусть продлится еще хоть десять лет. Безземельным без воли мы не оставим борьбы. У наших братьев, солдат, уже открываются глаза. Часть из них видит, на чьей стороне правда. Недалеко то время, и все они будут с нами против вас, насильников. А вы будете все прокляты в роды и роды за ваши зверские дела!

Переиздано Омским Комитетом ПСР.

Типография Омск. Февраль 1907 года.

Общественно-политическое движение на территории

Омской области (1905-1907 гг.). Документы. Материалы.

Хроника. Омск: НСИАЦентр – 1996, С. 139-144.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Департамент полиции по особому отделу. 30 апреля 1907 года.

20 января сего года начальником Омского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги ротмистром Трескиным были получены агентурные сведения о нахождении под полотном дороги где-то в районе станции Омск фугаса, заложенного революционерами осенью 1906 года с целью взрыва карательного поезда, если таковой будет послан в Сибирь.

В виду таковых сведений ротмистр Трескин организовал агентурное расследование и в конце марта месяца получил более точные сведения на место нахождения фугаса, а также о том, что фугас представляет из себя наполненную взрывчатым веществом четвертную бутылку, от которой под землей проведены электрические провода к железнодорожному поселку.

Разыскивая фугас, ротмистр Трескин проводил ряд раскопок и 11-го апреля точно установил место нахождения проводов, по коим было обнаружено и место закладки фугаса, оказавшееся по наружному виду соответствующим описаниям агентуры и зарытым под рельсами на глубине аршина высокой насыпи, образующей закругления.

По извлечению фугас был подвергнут экспертизе через саперного офицера и взорван, причем по заключению эксперта оказался составлен из гремучего студия и столь значительной силы, что при взрыве его во время прохода поезда последний превратился бы в щепки.

ГАРФ, ф. 102 ДПОО. 1907, оп. 9, ч 38, л 8

Документ №8

*Партия социалистов-революционеров
"В борьбе обрешь ты право свое!"*

Отголоском на кошмарную драму, разыгравшуюся в Зерентуйской каторжной тюрьме, в результате которой мы лишились нашего незабвенного товарища Егора Созонова, явилось событие 18 августа.

Членом Сибирского летучего боевого отряда Партии социалистов-революционеров было совершено покушение на начальника Зерентуйской каторжной тюрьмы Высоцкого.

Извещая о произведенном покушении, заявляем, что случайная неудача нашего члена нас не остановит от начатой борьбы против самодержавия, против всех тех, кто угнетает трудящийся народ, издевается и топчет человеческую личность. Эта неудача нас только больше заставляет направить все свои боевые силы на продолжение такого рода борьбы.

Пусть наш славный товарищ, выступивший против Высоцкого, не dokonчил своего дела, но мы его dokonчим и сделаем.

Мы, являясь продолжателями борьбы Партии народной воли, начатую ею с существующим произволом, будем вести ее до тех пор, пока не победим и не свергнем царствующую династию и всех ее представителей.

Пусть же это знают насильники!

Сибирский летучий боевой отряд Партии социалистов-революционеров. 1911г.

ГАОО. Ф. 270. Оп. I. Д. 529. Л. 243.

Вопросы и задания.

Вопросы к очеркам №№ 1,2,3,5,6,8,10,14:

1. Из каких социальных групп происходили революционеры? Приведите примеры.
2. Какие общие психологические черты Вы находите в их характере?
3. Какие политические цели преследовал террор?
4. На основе прочитанных очерков постарайтесь раскрыть внутреннее состояние нелегалов-революционеров?
5. Что из себя представляли революционные организации?
6. Революционер-террорист, кто он: самоубийца, авантюрист, герой? Обоснуйте свою точку зрения.
7. Как Вы думаете сумели бы погибшие революционеры найти себя в обыденной жизни? Обоснуйте свою точку зрения.
8. Раскаивались ли революционеры в содеянном?
9. Какие отрицательные и положительные черты Вы можете найти в биографиях, характерах революционеров?

Вопросы к очеркам №№ 7,11,12,13,14:

1. Из каких побуждений часть революционеров становилась провокаторами?
2. Испытывали ли эти люди раскаяние в связи с предательством своих товарищей?
3. Каково было отношение провокаторов к народу, полиции? Почему Вы так считаете?
4. Расправа революционеров над провокаторами – это неизбежность?
5. Что заставляло политическую полицию прибегать к услугам провокаторов?
6. Насколько удачен для полиции был опыт использования провокаторов? Обоснуйте свою точку зрения.

Вопросы к очеркам №№ 4,5,9,11:

1. Что нового о политической полиции Вы узнали прочтя очерки?
2. Можно ли говорить о консервативном и прогрессивном в деятельности политической полиции?
3. Чем Вы можете объяснить неудачи политической полиции в борьбе с революционным движением?
4. Какие отрицательные и положительные черты Вы можете найти в биографиях, характерах руководителей полиции?
5. Что из себя представляла политическая полиция Российской Империи?
6. Какие виды наказания революционеров имели место в Российской Империи? Насколько действенны они были? Обоснуйте свою точку зрения.
7. Чем можно объяснить обоюдную жестокость чинов полиции и революционеров? Приведите примеры.

Литература и источники.

1. А. С. Алилуева. Воспоминания. М., 1946. 118 с.
2. Вл. Бурцев. В погоне за провакатарами. М., 1989. 271 с.
3. Вехи., Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
4. А. Гейфман. Три легенды вокруг «дело Азефа»// Б. Николаевский. История одного предателя. М.: Высшая школа. 1991. С. 330-350.
5. Дело провокатора Малиновского. М.: Республика, 1992. 286 с.
6. Жухрай В. М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. – М.: Политиздат, 1991. – 336 с.: ил.
7. Б. В. Иванов. Воспоминания рабочего-большевика. М., 1972. С. 117-118.
8. Коммунист. № 1. 1962. С. 75.
9. Н. П. Курусканова Нелегальная печать Сибирских Эсеров в период борьбы с самодержавием (1901-февраль 1917 гг.). Омск: ОО ИПКРО, 2000. 110 С.
10. В. М. Лавров. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. М: Прогресс-Академия, 1996. 288 с.
11. Ж. Лонге, Г. Зильгер. Террористы и охранка. М.: Советская Россия, 1991. 207 с.
12. Б. Николаевский. История одного предателя. М.: Высшая школа. 1991. 368 с.
13. В. Д. Навицкий. Из воспоминаний жандарма. М.: Из-во МГУ, 1991. 250 с.
14. Общественно-политическое движение на территории Омской области (1905-1907 гг.). Документы. Материалы. Хроника. Омск: НСИАЦентр – 1996, 164 с.
15. Пролетарская революция. № 7. 1936. С. 167.
16. Б. Савинков. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: Новости, 1990. 430 с.
17. Я. М. Свердлов. Избранные произведения. М., 1957. Т.1. С. 231,245, 266.
18. С. С. Спадарян. Статьи, письма и документы. М., 1958. С. 314.
19. А. Спиридович. Записки жандарма. М., 1991. 264 с.
20. И. В. Сталин. Собрание сочинений. М., 1953. Т. 2. С. 422.